

СОЛДЫРСКИЙ III
(ИДНАКАРСКИЙ I)
МОГИЛЬНИК XI–XII ВВ.
В БАССЕЙНЕ Р. ЧЕПЦЫ

УДМУРТСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР УРО РАН
УДМУРТСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

**СОЛДЫРСКИЙ III (ИДНАКАРСКИЙ I)
МОГИЛЬНИК XI–XII ВВ.
В БАССЕЙНЕ Р. ЧЕПЦЫ**

ИЖЕВСК
2019

УДК 902.2(470.51)
ББК 63.4(2Рос.Удм)
С60

Под общей редакцией
М. Г. Ивановой

Рецензенты:
д.и.н., проф. О. М. Мельникова,
к.и.н., проф. Е. М. Черных

**Солдырский III (Иднакарский I) могильник XI–XII вв. в бассейне р. Чепцы :
С60 монография / УдмФИЦ УрО РАН; Иванова М. Г., Газимзянов И. Р., Русских Е. Л., Сабирова Т. М.; общ. ред. М. Г. Ивановой. Ижевск, 2019. – 80 с.**

ISBN 978-5-6042700-6-6

В книге представлены материалы Солдырского III (Иднакарского I) могильника XI–XII вв., открытого и исследованного в 2000–2002 гг. близ опорного памятника финно-угорского средневековья бассейна р. Чепцы – городища Иднакар. Приведены анализ особенностей погребального обряда могильника, характеристика вещевого инвентаря, его датировка, определение культурной и этнической принадлежности населения, оставившего могильник. Важное значение имеют результаты изучения антропологического материала и химического состава изделий из цветных металлов.

Издание предназначено для специалистов в области археологии, этнографии, истории, а также преподавателям, аспирантам и студентам, то есть всем тем, кто интересуется проблемами средневековой истории Урала и Поволжья.

ISBN 978-5-6042700-6-6

УДК 902.2(470.51)
ББК 63.4(2Рос.Удм)

Содержание

Предисловие (<i>М. Г. Иванова</i>)	4
Особенности погребального обряда и характеристика вещевого комплекса (<i>М. Г. Иванова</i>)	6
Описание погребений (<i>М. Г. Иванова</i>)	33
Результаты антропологической экспертизы материалов раскопок (<i>И. Р. Газимзянов</i>)	58
Состав металла некоторых украшений (<i>Е. Л. Русских, Т. М. Сабирова</i>)	69
Заключение	74
Источники и литература	75
Принятые сокращения	78
Summary	79

ПРЕДИСЛОВИЕ

Бассейн р. Чепцы является одним из наиболее выразительных регионов финно-угорского средневековья с плотной концентрацией разнообразных памятников. В последние десятилетия большее внимание уделялось изучению укрепленных поселений IX–XIII вв. Материалы городищ Иднакар, Учкакар и др. открыли возможности новых подходов к интерпретации исторических явлений Средневековья. В результате реализации ряда исследовательских и экспедиционных проектов источники существенно пополнились материалами междисциплинарных исследований структуры и планировки площадок, конструкции оборонительных сооружений, сведениями об их округе, позволяющими в значительной мере конкретизировать особенности их формирования и развития.

Погребальные памятники расположены по всему среднему течению Чепцы, правым и левым притокам вплоть до ее верховьев. Материалы IX–XIII вв. содержат 36 могильников, которые подразделяются на две хронологические группы. Раннюю группу представляют Солдырский Чемшай, Адамовский Бигершай, Омутницкий, Подборновский могильники, основная часть Веськарского Бигершая и часть Варнинского могильника. Эти памятники, содержащие орнаментированную керамику, вещевой инвентарь IX–XI вв., непосредственно восходящий к поломским традициям, сосредоточены на среднем правобережье Чепцы.

Другую группу составляют могильники с неорнаментированной керамикой и инвентарем XI–XIII вв., расположенные как в центральных районах бассейна Чепцы, так и на окраинах в значительном отдалении от городищ. Наиболее крупные из них – Кузьминский, Маловенижский, Чиргинский могильники. Наряду с памятниками, содержащими материалы узкого хронологического диапазона, имеются и бытовавшие в течение всего периода чепецкой культуры, содержащие материалы раннего и позднего периодов: Качкашурский, Солдырский и Веськарский могильники [Иванова, 1992, табл. 17, с. 77–80].

Солдырский III (Иднакарский I) могильник открыт отрядом археологической экспедиции Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН в 2000 г. В 2001–2002 гг. на площади более 500 кв. м изучено 92 захоронения XI–XII вв. Расположение его поблизости от выдающегося укрепленного поселения финно-угорского средневековья городища Иднакар определило к нему повышенный интерес. Но материалы нашли отражение только в кратких статьях тезисного плана с предварительными выводами [Иванова, Клишев, 2001; Иванова, 2002]. Систематизированные источники оставались не опубликованными.

К сожалению, значительная часть памятника оказалась разрушенной обрывом, но принадлежность нового могильника к кругу памятников чепецкой культуры сомнений не вызывает. Он, безусловно, оставлен населением городища Иднакар IX–XIII вв., т.е. определенного периода его функционирования. Материалы начального и заключительного периодов бытования городища отсутствуют. Характер залегания могил позволяет предположить, что основная сохранившаяся часть памятника изучена, но не исключено наличие погребений на других частях террасы, занятой лесом и посевами. В работе представлен обряд захоронения, характеристика

вещевого материала и хронологические обоснования в контексте финно-угорского средневековья, а также описание захоронений.

Несмотря на неудовлетворительную сохранность памятника, представленные материалы дополняют источниковую базу для разработки отдельных аспектов этнокультурных, этнических и социально-экономических процессов эпохи средневековья.

В раскопках памятника участвовали студенты Глазовского государственного педагогического института им. В. Г. Короленко. В проведении полевых изысканий и обработке материалов, формировании таблиц вещевого комплекса принимали участие сотрудники отдела археологии УИИЯЛ УрО РАН О. В. Арматынская, В. И. Клишев, Г. А. Степанова, сотрудники Историко-культурного музея-заповедника Удмуртской Республики «Иднакар» А. В. Кириллов, С. А. Кириллова, Ю. А. Карева, Е. И. Иванова, художники Н. В. Бечкова, Н. Ф. Шишкина. Коллекции находок переданы в фонды БУК ИКМЗ УР «Иднакар». Подготовка работы к печати, оформление иллюстраций и обложки выполнены Е. Л. Русских, Т. М. Сабировой, А. С. Деминым, в издании использованы фотографии видов на памятники М. А. Булдакова. Всем принимавшим участие в экспедициях, обработке материалов и подготовке издания выражаем искреннюю благодарность.

ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА И ХАРАКТЕРИСТИКА ВЕЩЕВОГО КОМПЛЕКСА

Отрядом археологической экспедиции Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН в период исследований на городище Иднакар в 2000 г. выявлен новый могильник, расположенный поблизости от этого выдающегося памятника. Ранее предполагалось, что именно жителями городища был оставлен хорошо известный Солдырский Чемшай могильник IX–XIII вв., расположенный в 0,5 км к юго-востоку от д. Солдырь и 2,7 км к восток-юго-востоку от городища Иднакар, исследовавшийся в 1894, 1902 гг. И. Н. Смирновым и И. А. Износковым, в 1928 г. – С. Г. Матвеевым (36 погр.), в 1930 г. – А. П. Смирновым (52 погр.), в 1980–1981 гг. – М. Г. Ивановой (23 погр.) [Иванова, 1987, с. 4–24; Иванова, 1992, рис. 42–44].

В 1988 г. А. Г. Ивановым был открыт еще один небольшой Солдырский II могильник Бигершай, в 0,2 км к восток-северо-востоку от северо-западного конца д. Солдырь и 2,7 км к восток-северо-востоку от городища Иднакар. В 1989 г. на площади 153 кв. м было исследовано 7 захоронений, датированных второй половиной XIII–XIV вв. [Иванов, 1995, с. 109–114]. Поэтому новый памятник получил название Солдырский III (Иднакарский I) могильник. На площадке городища Иднакар изучен еще один погребальный памятник XVIII–XIX вв., включенный в карту памятников как Солдырский IV (Иднакарский II могильник [Иванова, 1995, с. 10–11, рис. 7; Иванов и др., 2004, № 188, с. 183].

Солдырский III (Иднакарский) могильник расположен у д. Солдырь Глазовского р-на Удмуртской Республики на высоком коренном берегу р. Пызеп, правого притока р. Чепцы, левого притока р. Вятки, правого притока р. Камы в 250 м к северо-востоку от третьей (внешней) линии обороны городища Иднакар (рис. 1).

С северо-западной стороны могильник ограничен обрывистым склоном. По всей вероятности, в результате осыпания обрыва часть погребений разрушена. Поверхность памятника задернована, ранее распахивалась, в настоящее время по ней пролегает грунтовая дорога.

В 2000 г. на самом краю обрыва мыса был заложен небольшой раскоп, где на площади 36 кв. м вскрыто 19 погребений различной степени сохранности [Иванова, А–2000], в 2001 г. на площади 323 кв. м. изучено 65 захоронений [Иванова, А–2001], в 2002 г. – на площади 223 кв. м – 8 [Иванова, А–2002]. Всего на площади более 500 кв. м изучено 92 захоронения (рис. 3). Раскопки сезона 2001 г. позволили выявить южную, обращенную в сторону городища границу памятника, в 2002 г. исследования продолжены вдоль обрыва в северную сторону, но захоронения залегали очень редко. Скорее всего, восточнее раскопа захоронений тоже нет: в траншее, заложенной поблизости, они не обнаружены. Характер залегания могил позволяет предположить, что основная часть памятника изучена, но не исключено наличие погребений на других частях террасы, занятой лесом и посевами [Иванов и др., 2004. № 187, с. 182–183].

Погребальный обряд. Все захоронения совершены по обряду трупоположения близко от современной поверхности (на глубине 10–60 см), очертания могил практически не прослеживаются. Ориентировка установлена в 84 случаях, абсолютно преобладает юго-восточное направление

(45,23 %), ногами в сторону р. Пызеп, значительна группа захоронений, ориентированных в СЗ (22,62 %) и восточном (15,48 %) направлениях (рис. 2). Следует отметить, что преобладание ориентировки в южном направлении для могильников чепецкой культуры необычно. Для большинства из них, за исключением Омутницкого могильника, характерна просеверная ориентировка в пределах колебаний от северо-востока до северо-запада [Иванова, 1991, с. 39]. В определенной степени такую ситуацию можно объяснить обычаем совершать захоронения ногами в сторону реки и большей близостью памятника к р. Пызеп.

Антропологический материал сохранился плохо, анатомический порядок часто нарушен пахотой и естественным сползанием грунта с обрыва. В погребениях с сохранившимся анатомическим порядком, кости уложены выпянуты на спине, руки – вдоль туловища или слегка согнуты в локтях (рис. 4, 5). Интересной особенностью памятника является наличие значительного количества детских захоронений (35,7 % от всех костяков, поддающихся половозрастному анализу, рис. 4, А, Б, В). Создается впечатление, что детские захоронения плотно сосредоточены на окраине, обращенной в сторону городища. Нужно заметить, что на других погребальных памятниках бассейна р. Чепцы этого периода детские захоронения практически не выявляются. Подобная картина чаще наблюдается на удмуртских могильниках более позднего периода XVI–XIX вв. [Шутова, 1992, с. 87–89, 95]. Кроме того, среди погребенных значительно преобладает количество женских захоронений. По определению И. Р. Газимзянова, из 49 взрослых костяков женскими являются 30, что может быть связано, по его мнению, с послеродовыми осложнениями (см. статью в наст. издании).

Имеются также парные захоронения, однако четко устанавливаются только два из них. В погр. 19, определенном как женское 35–45 лет, в области живота лежали фрагментарно сохранившиеся кости младенческого черепа до 1 года. В. погр. 85 выявлены останки мужчины 25–35 лет (?) и ребенка 7–8 лет. В других случаях четкие границы могильных ям не прослеживаются, однако по залеганию погребенных в грунте можно предполагать наличие еще 7 случаев. Среди них 5 женских с детскими захоронениями, 1 женское с мужским, 2 мужских с детскими (рис. 4, Г, Д, Е).

Каких-либо групп в расположении захоронений не выделено, но все обнаруженные погребения расположены плотной полосой вдоль обрыва. В ряде случаев погребения нарушают более ранние.

Вещевой инвентарь. 78 захоронений из 92 вскрытых (84,78 %) содержат погребальный инвентарь, включающий украшения, орудия труда, оружие, глиняные сосуды (рис. 6–13). Вещи и развалы сосудов, кости животных встречены между могилами и в дерново-пахотном слое. В женских захоронениях инвентарь представлен преимущественно набором украшений, которые располагаются примерно в том порядке, в котором носились при жизни. Мужские захоронения сопровождаются главным образом орудиями труда, оружие.

Керамика. Сосуды содержатся в 49-ти захоронениях (в трех погребениях – два сосуда). Они чаще расположены в головах (26 – 50,0 %), в области ног (20 – 38,5 %), в четырех случаях (7,7 %) – в области пояса-таза, в трех (5,8 %) – в области груди. 13 сосудов обнаружено в мужских, 11 – в женских и 14 – в детских погребениях, 5 сосудов находятся в погребениях, где кости не сохранились. Сосуды лепные, в тесте визуально прослеживается примесь мелкотолченой раковины, песка и растительности. Все они плохо обожжены и имеют плохую сохранность, чаще рассыпаются на мелкие куски. Удалось реконструировать 39 сосудов, имеющих чашевидную форму с отогнутым венчиком (рис. 14, 1–4, 7, 8). Диаметр сосудов от 7,6 до 32 см. Два сосуда имеют язычковидную ручку (рис. 14, 6), еще два – следы от них. Три сосуда не профилированы (рис. 14, 5). Цвет посуды от светло-коричневого до черного. Орнаментированы 6 сосудов. Венчик украшен насечками и ногтевыми вдавлениями, шейка и плечико – шнуроным орнаментом (3 сосуда, рис. 14, 1, 2), стенка – композициями из оттисков гребенчатого штампа (1 экз., рис. 14, 3).

Гончарная посуда обнаружена в пахотном слое. Она включает 10 фрагментов стенок, форма их не восстанавливается, еще один фрагмент на внутренней стороне имеет поливу болотного

цвета. Один сосуд представлен нижней частью кринки (рис. 14, 9). В погр. 37 найден тигель конической формы с заостренным вытянутым дном и зауженным устьем (рис. 14, 10).

Предметы из железа немногочисленны, но весьма показательны в хронологическом плане. *Калачевидные кресала с язычком* (5 экз., рис. 15, 17–19) характерны для X – середины XII в. [Колчин, 1982, с. 164]. Шестиугольное кресало с овальным вырезом (рис. 15, 20) на Чепце аналогий не имеет. Подобные кресала обнаружены в мариийских Дубовском и Веселовском могильниках, где датируются временем не позднее начала XII в. [Архипов, 1973, с. 55, рис. 70, 14; Никитина, 2012, рис. 220, 2; 227, 11, с. 72]. По форме они близки к овально-прямоугольным, датирующими по новгородской хронологии XII–XV вв. [Колчин, 1982, с. 163]. В XII в. овально-прямоугольные кресала появляются в бассейне р. Чепцы и широко известны в материалах могильников [Иванова, 1992, рис. 28; 47, 21, 43;]. По всей вероятности, XII в. может быть датировано шестиугольное кресало из Солдырского III могильника.

Топоры проушные лопастные однообразны, относятся к группе так называемых славяно-финских, датирующихся XI–XII вв. (7 экз., рис. 16, 1–7) [Кирпичников, 1966]. Выделяется лишь лопастной проушной топор с щековицами с внутренней стороны и горизонтальными отростками обуха (рис. 16, 8). На Чепце топор близкой формы, но с несохранившейся лопастью и двумя парами ярко выраженных щековиц был найден в погр. 97 Кузьминского могильника рубежа XI–XII вв. [Иванова, 1992, с. 64, рис. 26, 4]. А. Н. Кирпичников считает, что их родиной является Скандинавия, в XI в. они получили распространение в северных и западных областях Восточной Европы [Кирпичников, 1966, с. 39]. Такие топоры широко известны на памятниках северо-западной Руси, в материалах могильника Нефедьево датируются серединой, третьей четвертью XI в. [Макаров, 1990, с. 49, табл. VIII, 1, 2, 8, 9]. Близкой формы топоры обнаружены в мариийских погребальных комплексах X–XI вв. [Архипов, 1973, с. 43, 65, рис. 58, 7; Никитина, 2012, рис. 70, 1; 193, 5; 215, 3 и др.], а так же на Верхней Каме [Белавин, Крыласова, 2012, рис. 7, 11; Крыласова, Лычагина, Белавин, Скорнякова, 2014, рис. 288, 92].

Наконечники стрел немногочисленны (14 экз.), обнаружены по 1–2 экз. в 8-ти мужских захоронениях. Их можно характеризовать как черешковые плоские с пером ромбовидных очертаний, имеющих широкие хронологические рамки бытования и ареал распространения. Среди них можно выделить стрелы с наибольшим расширением в середине длины пера, с вогнутыми плечиками с упором (5 экз., рис. 17, 1, 2, 6, 8, 12, 14), с расширением в нижней части пера и вогнутыми плечиками (2 экз., рис. 17, 9). Имеются ромбовидные с прямыми сторонами и плечиками и наибольшим расширением в верхней половине длины пера с упором на черешке (2 экз., рис. 17, 10, 13). На одном из них выражена шейка с упором. Эти наконечники близки типу 52 по А. Ф. Медведеву и были широко распространены в VIII–XIV вв. [Медведев, 1966, с. 69–70, рис. 30, 48]. Срезень треугольной формы с упором (рис. 17, 4) близок типу 54, известному в комплексах IX–XIV вв. [Медведев, 1966, с. 70–71, рис. 20, 40].

Бронебойный наконечник с короткой пирамидальной массивной головкой ромбического сечения и перехватом у короткого черешка (рис. 18, 7, тип 91 по А. Ф. Медведеву). Эти наконечники были широко распространены по всей Руси в X–XIV вв. [Медведев, 1966, с. 83, рис. 30, 86]. Наконечники стрел с пером подтреугольной и ромбовидной формы и с широким плоским черешком (2 экз., рис. 17, 5, 11) известны на чепецких погребальных памятниках XI–XIII вв. [Иванова, 1992, с. 24, рис. 22, 15–19]. Форма одного наконечника не устанавливается, но она ближе к ромбовидным с расширением в верхней половине пера.

Ножи обычных для этого времени форм (28 экз.): из них 20 целых, иногда с незначительнымломом острия, 5 – с преднамереннымломом острия (комплекс 77, рис. 11, 9), 3 фрагмента лезвия. Ножи средних размеров, длина клинов колеблется от 5,3 до 9,3 см. У большинства из них черенок отделен от лезвия уступами с двух сторон, но центральная ось клинка и черенка совпадают или расхождение незначительное (19 экз., рис. 6, 12; 8, 35; 10, 27), 3 – имеют выделенную муфту при переходе от черенка к лезвию (рис. 8, 35; 11, 27). У 7 экземпляров спинка клинка несколько приподнята над линией черенка (рис. 11, 8), еще у 1 ножа линия спинки клинка непосредственно переходит в черенок.

Украшения составляют значительную часть коллекции. Наиболее выразительны бронзовые подвески, многие из них могут послужить дополнительной основой для уточнения датировки комплексов и памятника, поэтому приводим их аналогии, имеющие определенные хронологические привязки.

Подвеска с головками коней, направленными в противоположные стороны (рис. 18, 10). Головки коней опущены и соединены с нижней частью столбиками, вверху имеется выступающая петля для подвешивания. Внизу шесть отверстий, в четырех из них вставлены привески-лапки на проволочном овальном звене (погр. 20). Как полагает Л. А. Голубева, эти подвески, появившиеся в VII в., бытовали до середины XI в., лапчатые привески появляются в конце VII – начале IX в., но начинают преобладать только со второй половины X в. [Голубева, 1979, с. 44]. Близкой формы подвески, но с большим количеством звеньев в цепочке (5 и 7) найдены в комплексе X в. мариийского Веселовского могильника и жертвенном комплексе могильника Нижняя Стрелка [Никитина, 2012, рис. 51, 2; 198, 1], Агафоновском II могильнике в комплексах IX, X и XI вв. [Голдина, Ютина, 2012, рис. 4, 16; 5, 50; 6, 17].

Полая приземистая *подвеска-птица* (уточка) с небольшой головкой и двумя петлями для привесок, расположенными поперек туловища, на боковые части наложены жгутики, намечающие треугольник (погр. 41, рис. 18, 3). Аналогичная находка в Верхнем Прикамье опубликована в коллекции Теплоуховых и датирована А. А. Спицыным XI в. [Спицын, 1902, табл. VI, 18]. Близких форм находки имеются на древнемарийских памятниках, в том числе в погребении X в. Веселовского могильника [Архипов, 1973, рис. 26, 2, 14, с. 30, 66, 140], в детском погребении Танкеевского могильника с саманидским дирхемом первой четверти X в. [Голубева, 1979, с. 17]. По сводке Е. А. Рябинина, наибольшая концентрация их выявлена в бассейне р. Ояти, и наиболее вероятная дата их бытования – вторая половина X – середина XI в. [Рябинин, 1981, рис. 3, тип. 18, табл. XVIII, 1, с. 36].

Полая зооморфная подвеска с двумя привесками-лапками на восьмеркообразных звеньях, по поверхности туловища наложены три выступающих валика с рубчиками (погр. 81, рис. 18, 8). Она несколько отличается в оформлении деталей (поверхности туловища, пропорциям восьмеркообразного звена и прикрепленных лапок), но по общей форме близка подвеске с Омутницкого могильника [Семенов, 1985, рис. 4, 17], и найденным на городище Иднакар в составе клада с женскими украшениями, датирующимися в пределах X–XI вв. [Иванова, Степанова, 2004, рис. 7, 42, 43]. Так же, как и на Иднакаре, подвеска по очертаниям туловища близка к птицевидным (уточкам), но форма головки с торчащими ушками сближает ее с кошковыми. Этим же временем датируются близких форм украшения в комплексах мариийского могильника Нижняя Стрелка [Никитина, 1990. Рис. 6, 3–5; она же, 2012, рис. 51, 2], второй половиной XI–XII вв. – в Юго-Восточном Приладожье и других регионах Восточной Европы [Рябинин, 1981, рис. 3, тип 18, с. 37].

Интересна крупных размеров основа подвески из соединенных в форме пирамидки трех умбоновидных бляшек с пятью петлями для привесок и петлей для крепления или подвешивания на обороте, обнаруженная в пахоте (рис. 18, 9). Аналогичная подвеска, правда, поврежденная, найдена в погребении 17 древнемарийского Веселовского могильника, датирующемся X в. [Архипов, 1973, рис. 52, 10, с. 66].

Нательный крест с округлым сечением лопастей (межмогильное пространство, рис. 18, 6) датируется по новгородской хронологии XI в. [Седова, 1981, с. 50, рис. 16, 3], серединой – второй половиной XII в. в Белозерье и Поонежье [Макаров, 1997, с. 128, табл. 154, рис. 8].

Монетовидные плоские подвески с ушком для привешивания диаметром от 2,5 до 5,0 см довольно многочисленны (учтено 18 экз. и еще 4 ушка, рис. 19, 7–15). 2 из них представляют собой саманидские диргемы с отверстием от ушка для привешивания (погр. 26, 36), 2 подвески-индикации (пахота и погр. 77, рис. 11, 1), изготовленные из бронзы, луженой оловом (определение реставратора высшей категории В. А. Михеева), 8 изготовлено из тонкого белого металла, 8 – из бронзы. На двух крупных (бронзовой и серебряной), слегка изогнутых подвесках выгравировано изображение птицы (рис. 19, 15–16), еще на одной бронзовой – прочерчена крестообраз-

ная тамга (рис. 19, 12). Одна из подвесок имеет на обороте укрепляющую пластину (рис. 19, 9). В комплексе захоронения 28 три бронзовые монетовидные подвески составляли ожерелье с бусами (рис. 7). Подвеска из белого металла с зернью и шатоном для вставки камня полностью разрушена (рис. 19, 14).

Височные подвески калачевидные (4 экз., рис. 19, 3–5), одна из них бронзовая традиционной формы, другие – с удлиненной дужкой, изготовлены из белого металла (2 экз.) и бронзы (1). Они широко встречаются на памятниках финно-угорского средневековья в X–XII вв. [Голдина, Ютина, 2012, с. 453]. Клад серег и отдельные украшения найдены на Иднакаре в слоях X в. [Иванова, 1998, с. 70, рис. 27, 47; 54, 2; 55, 24], продолжают встречаться и в XI в. Известны они в Огурдинском могильнике X–XI вв. [Белавин, Крыласова, 2012, рис. 54, 14–16], найдены в комплексах XI в. Агафоновского II могильника [Голдина, Ютина, 2012, рис. 6, 73, 88], в марийских могильниках IX–XI вв. [Никитина, 2012, рис. 27, 4, 5; 28, 4; 98, 4].

Кольцевидных проволочных височных колец насчитывается 14 экз. (рис. 20, 28–42). Часть из них представлена фрагментами, но, по-видимому, представляют собой проволочные кольца с сомкнутыми концами, у одного концы заходят друг на друга. Одна подвеска большего диаметра переплетена из согнутой надвое проволоки, другая свернутая в полтора оборота, обернута фольгой, возможно, золотой (погр. 59, рис. 20, 39). Имеются проволочные восьмерковидные (2 экз., рис. 19, 1, 2), еще одна подвеска бронзовая цельнолитая однобусинная (рис. 19, 6).

Гривны бронзовые (2 экз.), одна дротовая кручена состоят из двух частей (погр. 56, рис. 9, 22), другая – витая из двух проволок (погр. 79). В комплексе погр. 63 имеется сломанный на две части пластинчатый браслет с расширенными несомкнутыми концами, украшенными орнаментом (рис. 10, 26). Еще один пластинчатый браслет обнаружен в пахоте, найден также бронзовый перстень с круглым щитком, украшенным по поверхности имитацией зерни (рис. 18, 7).

Коллекция содержит крупные конусовидные подвески-пронизки (2 экз., рис. 18, 4), 2 спиралевидные пронизки, двухчастные бронзовые бусы-пронизки без манжет (3 экз., рис. 20, 11, 12), одночастные с рубчатыми и гладкими манжетами (17 экз., рис. 20, 1–10), 5 бусин зонных с рельефным узором в виде «елочки» по всей поверхности, низку из 27 кольцевидных бронзовых бус (погр. 74, рис. 20, 13).

Среди бубенчиков крупных размеров (3 экз., рис. 20, 26) отмечены два грушевидных с крестообразной прорезью, два шаровидных с линейной прорезью и тройным рельефным пояском (один с шариком внутри, рис. 20, 23, 27). Мелкие шаровидные (пуговицы?) с рубчиками по нижней половинке представлены 5-ю целыми и 11-ю половинками, поверхность еще одной украшена имитацией зерни (рис. 20, 17–19).

Среди привесок имеются колбочки (9 экз., рис. 20, 15, 16), прорезные бубенчики со щитковой петлей (2 экз., рис. 20, 22), привеска-лапка на восьмеркообразном звене цепочки (рис. 18, 2), две шаровидные (рис. 20, 20), а также фрагмент цепочки из пяти щитковых звеньев (рис. 18, 5).

К числу хронологически показательных можно включить шаровидные бубенчики с рубчиками по нижней половинке из белого металла (рис. 20, 17–19), аналогичные найденным в составе клада X в. на городище Иднакар в 1999 г. [Иванова, Степанова, 2004, с. 247, рис. 7], они имеются в комплексах могильника «Нижняя Стрелка», датирующихся дирхемами X в. [Никитина, 1990, рис. 6, 4; 11, 13; 2, 20, 22, 21, 28, 34; 8, 11]. Бронзовые шаровидные подвески, флаконовидные бусы-пронизки, бусы с манжетами (рис. 20, 1–12) в значительном количестве встречены в инвентаре погребальных комплексов марийских могильников IX–XI вв. [Никитина, 2012, рис. 48, 2, 5–8; 52, 14; 70, 7–8; 120, 9], памятниках Верхней Камы [Крыласова и др., 2014, рис. 288, 77–83; Голдина, Ютина, 2012, рис. 6, 55, 56, 64–67, 97–99].

Среди бронзовых пряжек имеется круглорамчатая с железным язычком (рис. 15, 14), лировидная и с овальной заостренной на конце рамкой с насечками, непосредственно переходящей в прямоугольное основание (рис. 15, 11, 13). Еще две бронзовые пряжки представляют собой

разновидность восьмеркообразных. Одна из них имеет округлую рамку и трапециевидный приемник для ремня, по всей поверхности покрыта насечками (рис. 15, 15). Другая – имеет прямоугольную несколько сжатую по бокам форму, разделена осью для закрепления язычка (рис. 15, 9). Еще одна восьмеркообразная представлена фрагментом.

Интересны бронзовая застежка с круглой рамкой, украшенной по диаметру треугольниками зерни и четырьмя привесками-бубенчиками на цепочках из двух щитковых звеньев (рис. 19, 17). Близкая по форме застежка из погр. 26 Веселовского могильника датируется Г. А. Архиповым XI в. [Архипов, 1973, с. 66, 67, рис. 22, 7; Никитина, 2012, рис. 68, 12]. Найдены также поясные кольца: 1 железное и 2 бронзовых.

Весьма показателен железный поясной набор из женского захоронения 79 (возраст 30–40 лет), состоящий из пряжки со щитком подпрямоугольной формы, двух накладок прямоугольных очертаний с прикрепленным свободно врачающимся кольцом, узкой подпрямоугольной накладки, крепившейся к поясу при помощи штифта, еще одной накладки, обхватывающей ремень с обеих сторон и закреплявшейся шпеньком, фрагмента кольца (рис. 15, 4–7, 10, 12). Они относятся к кругу изделий так называемого аскизского типа, которые обнаружены и на других памятниках бассейна р. Чепцы (Руденко, 2001, с. 63–65). По материалам Кузьминского могильника, где они представлены в 15 комплексах, эти изделия появляются в самом конце XI в. или в начале XII в., но в период бытования прямоугольных кресал (или овальных коротких, по Б. А. Колчину) они уже не встречаются. По-видимому, их бытование за пределы XII в. не выходит (Иванова, 1992, рис. 46–47, с. 51–52). К. А. Руденко на основе анализа изделий аскизского круга с территории Поволжья и Приуралья, пришел к выводу о том, что найденные в бассейне р. Чепцы железные пряжки и накладки местного изготовления и были в употреблении с конца XI до конца XII в. (Руденко, 2001, с. 63–65).

В комплексе мужского захоронения (20–25 лет) в области головы обнаружен фрагмент кожаного кошелька с обкладкой из бронзовых пластин (рис. 18, 11). Подобные кошельки были широко распространены в Восточной Европе в конце I – начале II тысячелетия н. э. О форме его судить сложно, но по форме обкладок он близок находкам из Качкашурского могильника IX–XIII вв. В погребении 49 кошелек обнаружен с монетой конца X в. [Иванов, 1991, с. 149, 178, рис. 10, 13, 14]. Известны они в марийских могильниках IX–XI вв. [Архипов, 1973, с. 40, рис. 44, 45, 48; Никитина, 2012, рис. 19, 4; 40, 1, 117, 12 и др.], в Верхнем Прикамье [Крыласова, 2001, с. 101, рис. 27, 6, 7]. Назначение найденных в комплексе погр. 77 бронзовых гвоздиков с кусочками дерева и трубочки не совсем понятно. В пахоте найдена русская копейка конца XVII – начала XVIII вв. (царь Петр Алексеевич).

В коллекции имеются игла, шило, а также два фрагмента пластин (возможно косы) и два неопределенных предмета (один, возможно, скобель), два каменных дисковидных прядища, точильные камни (2 экз.), кремни (3 экз.). Из костяных предметов найдены кочедык, заготовка ложки из лопаточной кости животного, костылек-застежка, обойма.

Наиболее многочисленной категорией являются *бусы*: каменные (7 экз. – 0,64 %), стеклянные и бисер (1218 экз.). Каменные представлены 3-мя сердоликовыми: шаровидной, призматической, многогранной; хрустальной удлиненной, уплощенной; 2-мя янтарными удлиненными, уплощенными; и одной шаровидной серого цвета.

Среди стеклянных имеются *одноцветные бусы* заглушенного стекла бочонковидной, цилиндрической или нестандартной формы (187 экз.); бусы средних размеров зонные белого цвета (109 экз.), шаровидные коричневые (27 экз.); полупрозрачные синие и желтые кольцевидные (11 экз.).

Зонные бусы белого, желтого, синего, черного, коричневого цветов (166 экз.). Выделяются средних размеров зонные бусы белого (15 экз.) и коричневого (21 экз.) цвета плохой сохранности. Имеются единичные желтые зонные с рифленой поверхностью (3 экз.), синие и желтые прозрачные кольцевидные (13 экз.), средних размеров белого цвета (109 экз.).

Лимоновидные (75 экз.): полосатые одно-, двух-, трехчастные бусины весьма грубого оформления (49 экз.), желтые двухчастные (12 экз.) и одна 4-частная, синие двухчастные

(5 экз.), белые трехчастные (2 экз.), одна 5-частная молочного цвета, 2 двухчастные фиолетовые, двухчастные по одной: молочная, серая прозрачная, бежевая (фрагмент).

Кроме перечисленных, в коллекции имеется фрагмент многочастной, витой черного цвета, одна рифленая желтая, 3 небольшие бусины черные эллипсоидной формы.

Основную массу полихромных бус составляют глазчатые бочонковидной, цилиндрической или нестандартной форм из заглушенного стекла (358 экз.), имеются черные эллипсоидной формы с волнистой инкрустацией белого, бело-печеночного и желто-печеночного цветов (18 экз.), коричневые с узором в виде желтых восьмерок (5 экз.). Одна зеленая бусина украшена двумя пересекающимися красными линиями, образующими ромбы. Несколько необычным выглядит комплекс нестандартных, плохо обработанных бус небольших размеров черного цвета с желтыми глазками из погр. 65 (95 экз.). В целом, состав бус обычен для чепецких памятников начала II тысячелетия н.э.

Подводя итоги анализа вещевого материала, можно отметить, что монетовидные подвески, калачевидные, проволочные кольцевидные и восьмерковидные серьги, железная поясная гарнитура (погр. 16, 79) имеют аналогии в материалах ближайших чепецких погребальных памятников XI–XIII вв.: Солдырском I (Чемшай), Маловенижском, Чиргинском, Кузьминском [Иванова, 1992, с. 59–67, рис. 47]. Часть из них по материалам полностью изученного Кузьминского могильника может быть датирована более узкими хронологическими рамками: бронзовые бусы с рубчатым валиком по краям были характерны для рубежа XI–XII вв. Проволочные восьмерковидные серьги появляются в мужских комплексах не ранее XII в. и бытовали до середины XIII в. Калачевидные бронзовые серьги с высокой дужкой могут датироваться XI–XII вв., железная поясная гарнитура распространилась в XII в. [Иванова, 1992, с. 59–67, рис. 47]. Имеются также орудия труда, бытовые предметы общеевропейского типа: проушные лопастные топоры так называемой славяно-финской формы XI–XII вв. [Кирпичников, 1966], калачевидные кресала с язычком X – середины XII вв. [Колчин, 1982, с. 164]. Наконечники стрел с пером ромбовидных и подтреугольных очертаний, особенно с широким плоским черешком, встречаются в комплексах чепецких памятников XI – начала XIII в. [Иванова, 1992, с. 24, рис. 22, 15–19]. Одноцветные и глазчатые бусы заглушенного стекла, изготовленные из навитой трубочки, распространенные в основном в X–XI вв. [Львова, 1973, с. 88–89], на Иднакаре, как и на чепецких погребальных памятниках, в значительном количестве бытуют до XIII в. [Иванова, 1998, с. 203]. Эллипсоидные бусы с пластичной инкрустацией появляются в конце XI в. и бытуют весь XII в., кольцевидные из прозрачного стекла появляются в начале XII и бытуют в XIII в. [Иванова, 1992, с. 62, табл. 14].

Несколько более ранними могут быть полосатые лимонообразные бусы. Анализ коллекций верхнекамских могильников показал, что бусы из тянутой трубочки, широко известные в лесной полосе Восточной Европы в X–XI вв. [Щапова, 1972, с. 178], в Прикамье появились раньше и бытовали в течение IX–XI вв. [Голдина, Королева, 1983, с. 64]. На Иднакаре лимоновидные бусы преобладали от начала и до конца функционирования, но все же их количество в верхнем горизонте почти вдвое меньше, чем в нижнем [Иванова, 1998, с. 202]. Учитывая нестандартные грубые формы, можно полагать, что лимоновидные полосатые бусы Иднакарского могильника относятся не к самым ранним периодам их бытования. Весьма примечательно, что основная их часть входит в состав инвентаря погребения 10 вместе с восьмерковидной височной подвеской, которые в Кузьминском могильнике бытовали с XII до середины XIII в. [Иванова, 1992, с. 40, рис. 47, 54].

Лировидные пряжки по новгородским материалам датируются XI–XII вв. [Седова, 1981, рис. 56, 1, с. 144], по прикамским – XII в. [Голдина, Ютина, 2012, рис. 7, 134]. Пряжки с овальной заостренной на конце рамкой с насечками, непосредственно переходящей в прямоугольное основание, встречаются в Новгороде в слоях конца XI – конца XII в. [Седова, 1981, с. 144, рис. 56, 5]. В этом же комплексе погр. 62 обнаружен фрагмент еще одной рамчатой пряжки. К поясному убору, скорее всего, относится замкнутое уплощенное в сечении кольцо, аналогии которому известны в Кузьминском могильнике XI–XIII вв. [Иванова, 1992, рис. 17,

12, 15, с. 52]. Интересен наконечник ремня, найденный в комплексе погр. 33 с двумя одноцветными бусинами заглушенного стекла, аналогии ему найти не удалось. Как уже указывалось, железные пряжки и накладки так называемого аскизского типа местного изготовления были в употреблении с конца XI до конца XII в. [Руденко, 2001, с. 63–65].

Можно полагать, что на изученной части погребения совершены в период до появления овально-прямоугольных кресал, известных на самом городище и погребальных комплексах с начала XIII в. и массового появления бус из полупрозрачного стекла в XIII в. [Иванова, 1992, с. 62, табл. 14].

Таким образом, комплекс вещевого материала, включая уникальные единичные украшения, в целом укладывается в хронологические рамки XI–XII вв. Несколько более ранним временем в пределах X–XI вв. могут быть датированы полая приземистая подвеска-птица (уточка), шумящая коньковая подвеска, полая зооморфная подвеска с двумя привесками-лапками на восьмеркообразных звеньях, основа подвески из соединенных в форме пирамидки трех умбоновидных бляшек, но они найдены в комплексах с более поздними предметами.

В коллекции нет материалов, датирующихся узкими хронологическими рамками X в., или восходящих к более ранним периодам, нет и ярко выраженных признаков XIII в. Анализ распределения материалов на плане раскопа тоже не позволяет четко выявить более раннюю и более позднюю часть: материалы довольно равномерно распределяются по всей вскрытой площади.

По всей вероятности, определенная, возможно, и значительная, часть памятника уже разрушена обрывом, хотя на склоне каких-либо заметных признаков их не проявляется. Но принадлежность нового могильника к кругу памятников чепецкой культуры сомнений не вызывает. Он, безусловно, оставлен населением городища Иднакар IX–XIII вв., т.е. определенного периода его функционирования. Материалы начального и заключительного периодов бытования городища отсутствуют. Характер залегания могил позволяет предположить, что основная часть памятника изучена, но не исключено наличие погребений на других частях террасы, занятой лесом и посевами. Сравнительно небольшие размеры могильника с учетом даже разрушенной части позволяют предполагать, что жители такого масштабного для того времени поселения на протяжении четырех веков хоронили умерших сородичей на других кладбищах, прежде всего, на наиболее крупном из них Солдырском могильнике Чем-шай.

Следует так же отметить, что округа городища является ярким примером наиболее плотной заселенности, где в пределах пятикилометровой зоны зафиксировано 4 селища, функционировавших в VIII–XIII вв., могильники Чемшай VIII–XIII вв. и Бигершай XIII–XIV вв., несколько местонахождений предметов и кладов [Иванов, 1995, с. 106–130]. Плотная заселенность округи Иднакара на протяжении всего периода его функционирования, наряду с другими ранее определенными признаками (значительная площадь, мощная система укреплений, исключительная насыщенность материалами культурного слоя и особенно его двухчастная структура), безусловно, является весьма значимым аргументом в обосновании его значения в качестве военно-оборонительного, аграрно-ремесленного и торгового, культурного, общественно-административного центра консолидирующейся этносоциальной общности. Поэтому материалы еще одного погребального памятника поблизости от этого выдающегося памятника дополняют источниковую базу и усиливают аргументацию его особой роли в системе памятников чепецкой культуры.

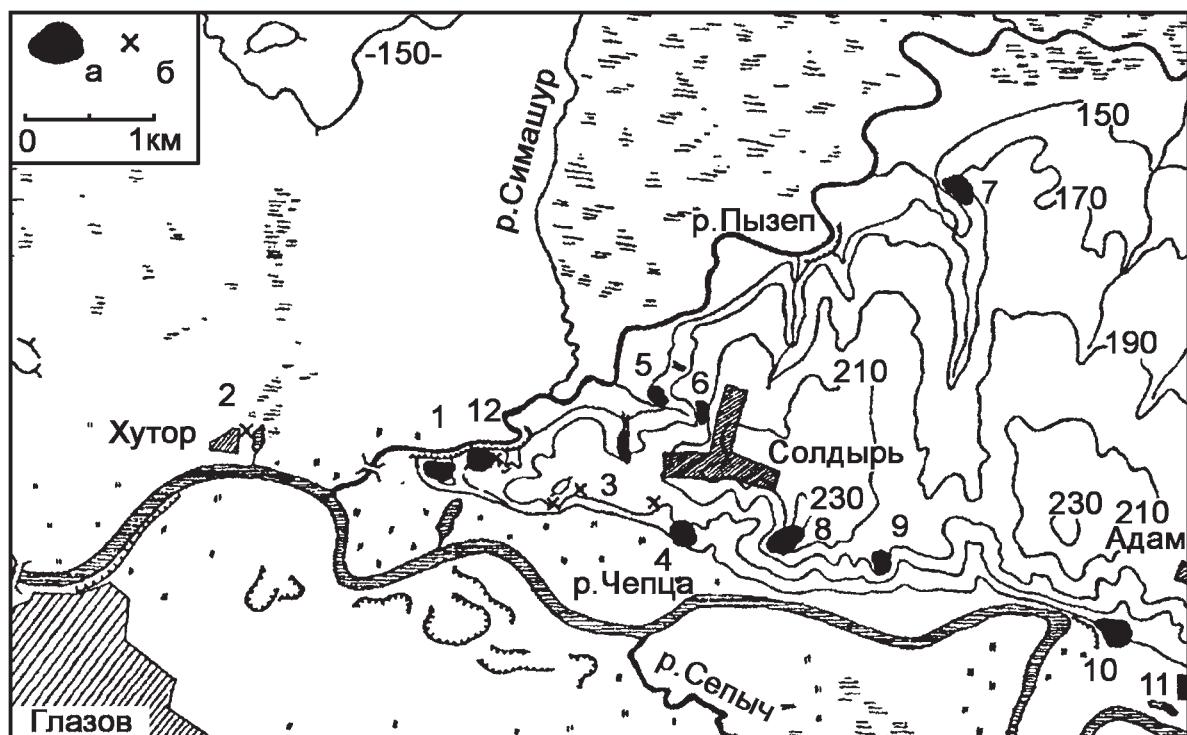

Рис. 1. Карта расположения средневековых памятников в окрестностях д. Солдырь (Глазовский район Удмуртии): а – памятники; б – отдельные местонахождения.
 1 – городище Иднакар; 2 – Хуторская находка подвески; 3 – селище III; 4 – селище II;
 5 – селище I; 8 – могильник Чемшай; 9 – городище Сабанчикар; 10 – Адамское I селище;
 11 – Адамский могильник Мыдланьшай; 12 – Солдырский III (Иднакарский) могильни

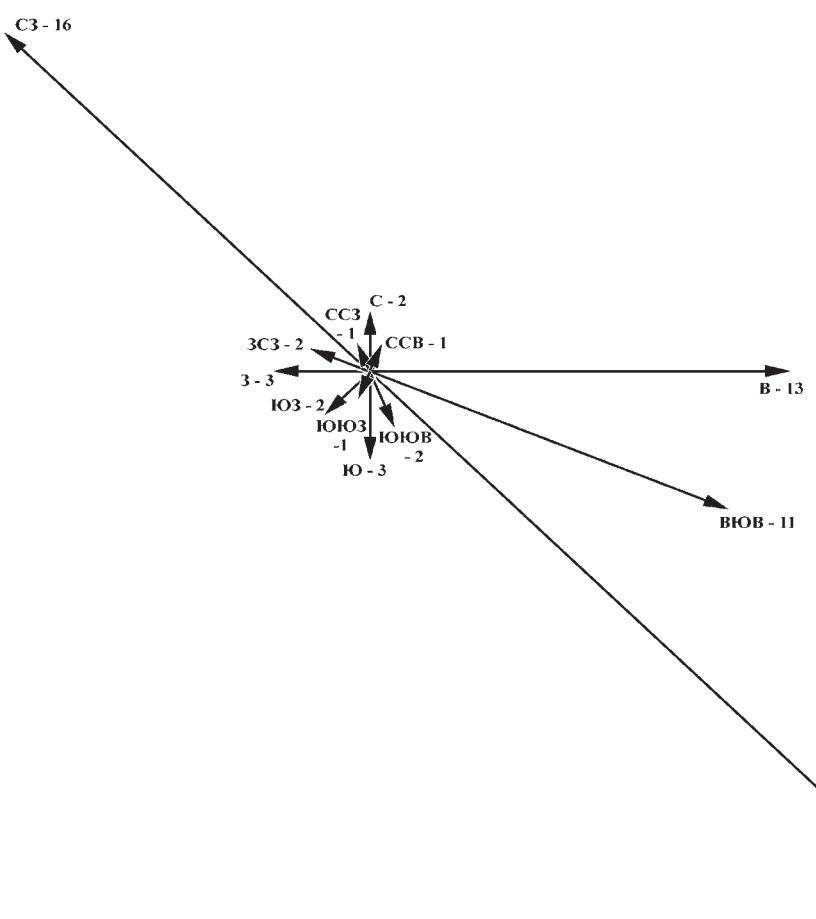

Рис. 2. Солдырский III
 (Иднакарский I) могильник.
 Ориентация захоронений

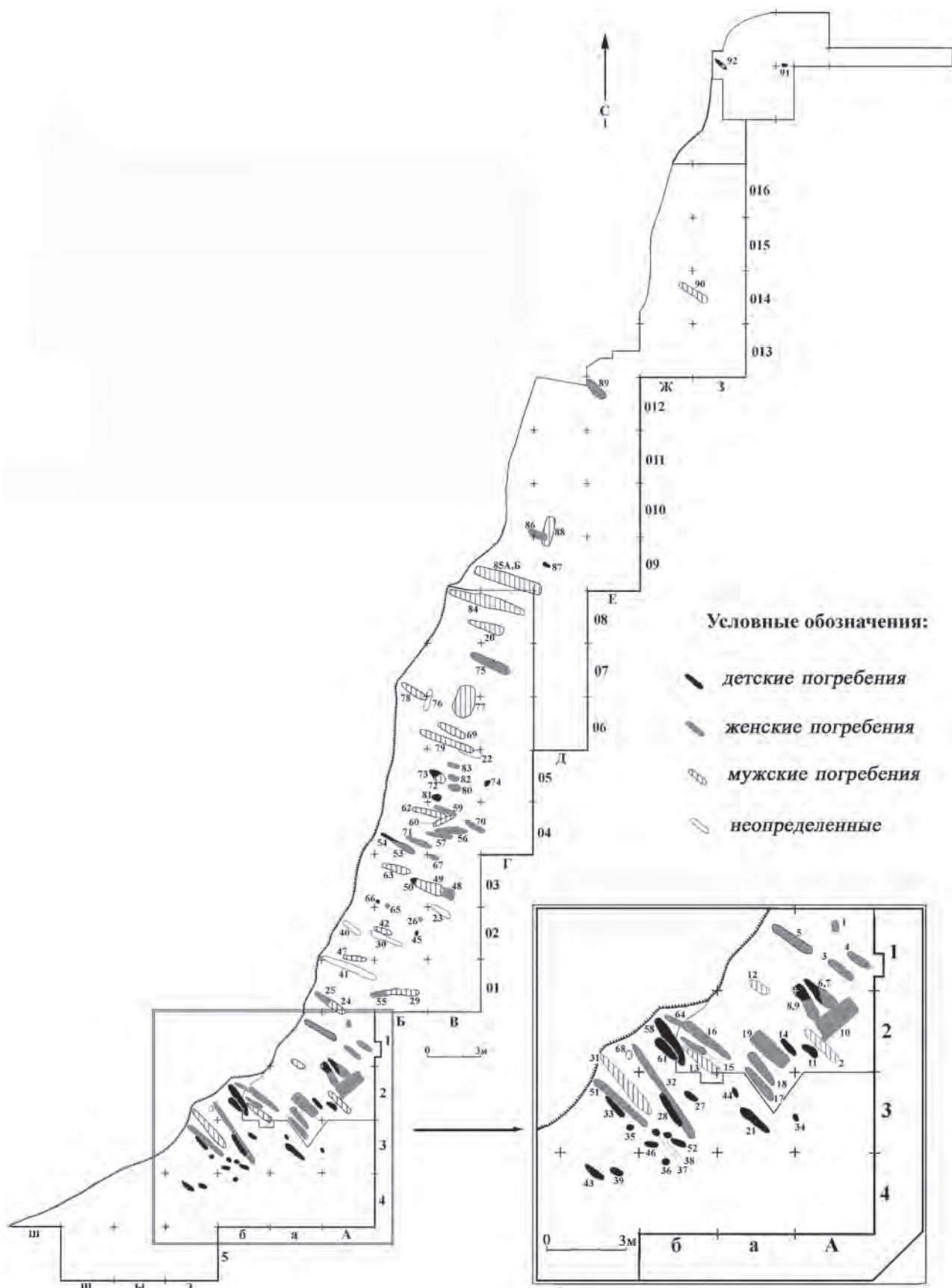

Рис. 3. Солдирский III (Иднакарский I) могильник. Схема раскопов 2000–2002 гг.

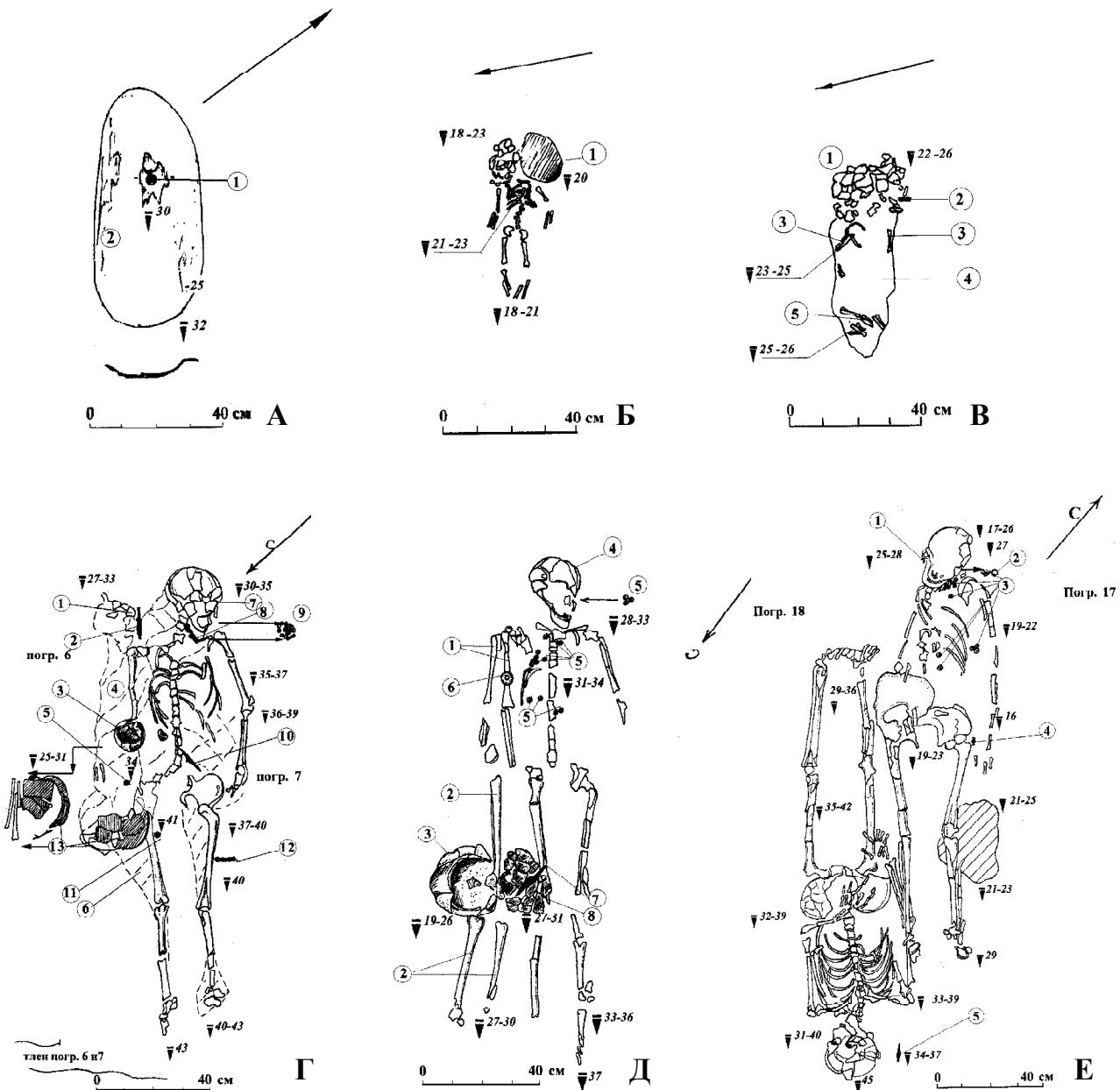

Рис. 4. Солдырский III (Иднакарский I) могильник.

Детские (А, Б, В) и парные (Г, Д, Е) захоронения. А – погр. 11: 1 – монетовидная подвеска; 2 – фрагмент дерева; Б – погр. 46: 1 – развал глиняного сосуда; В – погр. 52: 1 – кости черепа; 2 – зубы; 3 – кости рук; 4 – тлен; 5 – кости ног; Г – погр. 6 – 7: 1 – кости черепа; 2 – нож; 3 – глиняный сосуд; 4 – тлен костей; 5 – монетовидная подвеска; 6 – тлен костей; 7 – кости черепа; 8 – фрагменты кожи; 9 – шейное украшение; 10 – нож; 11 – 12 – пронизки; 13 – глиняный сосуд; Д – погр. 8 – 9: 1 – кости рук; 2 – кости ног; 3 – глиняный сосуд; 4 – кости черепа; 5 – бусы (15 экз); 6 – костяное прядильце; 7 – нож; 8 – глиняный сосуд; Е – погр. 17 – 18: 1 – фрагмент височнной подвески; 2 – височная подвеска; 3 – бусы и бисер; 4 – пронизка; 5 – наконечник стрелы;

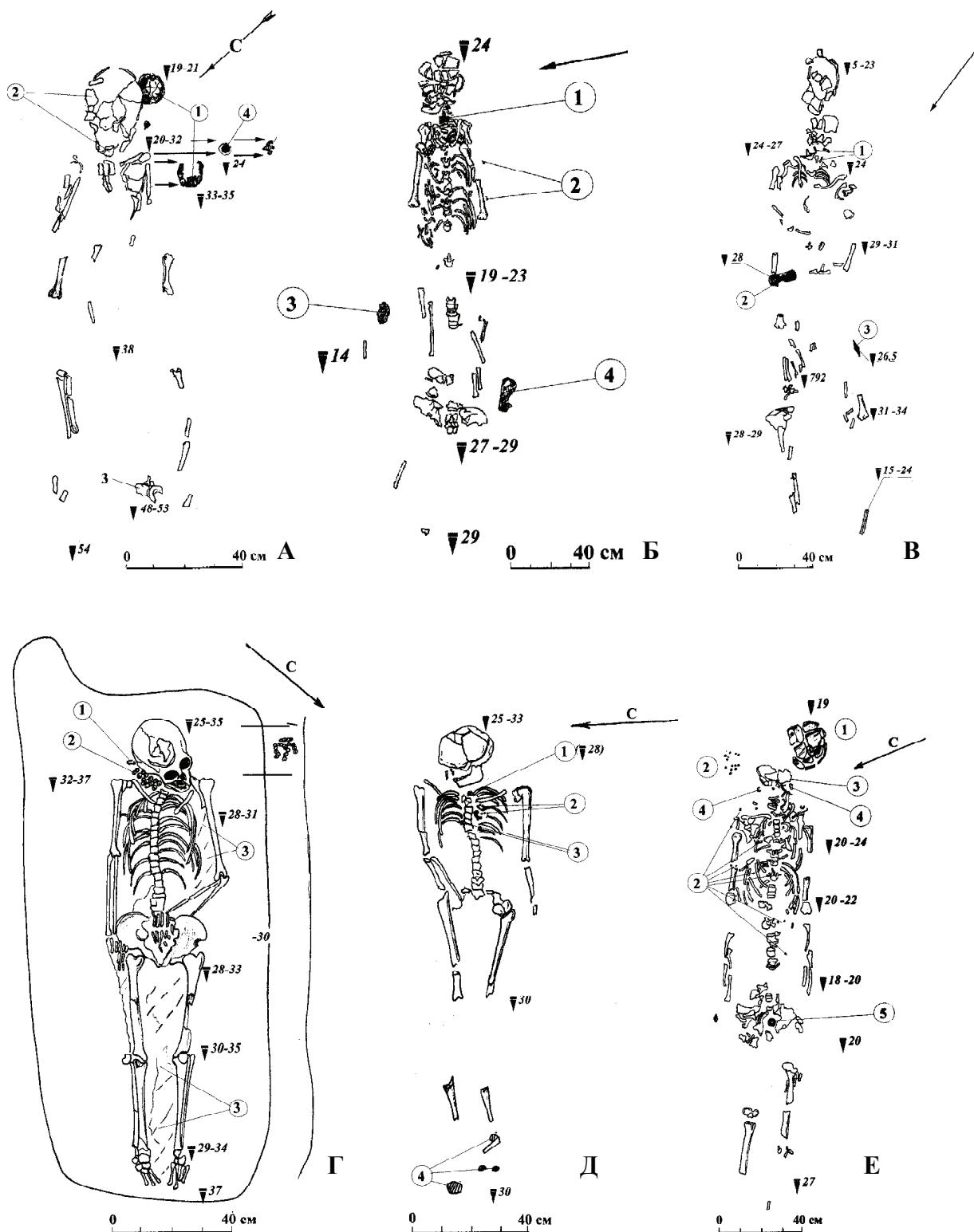

Рис. 5. Солдырский III (Иднакарский I) могильник.

Мужские (А, Б, В) и женские (Г, Д, Е) захоронения. А – погр. 13: 1 – глиняный сосуд; 2 – кости черепа; 3 – кости таза; 4 – монетовидная подвеска; 5 – кости животного; Б – погр. 84: 1 – подвеска круглая; 2 – бусы бронзовые (россыпь); 3 – фрагмент глиняного сосуда; 4 – топор (2 экз.); В – погр. 31: 1 – зубы; 2 – топор; 3 – наконечник стрелы; Г – погр. 10: 1 – височная подвеска; 2 – бусы (47 экз.); 3 – тлен; Д – погр. 71: 1 – 2 фрагмента ушка от височной подвески; 2 – 2 бусины, скопление бисера и спиралевидных пронизок; 3 – привески-пуговицы; 4 – фрагменты глиняного сосуда; Е – погр. 75: 1 – развал глиняного сосуда; 2 – бусы (94 экз.); 3 – кости черепа; 4 – височное кольцо (2 экз.); 5 – прядлище

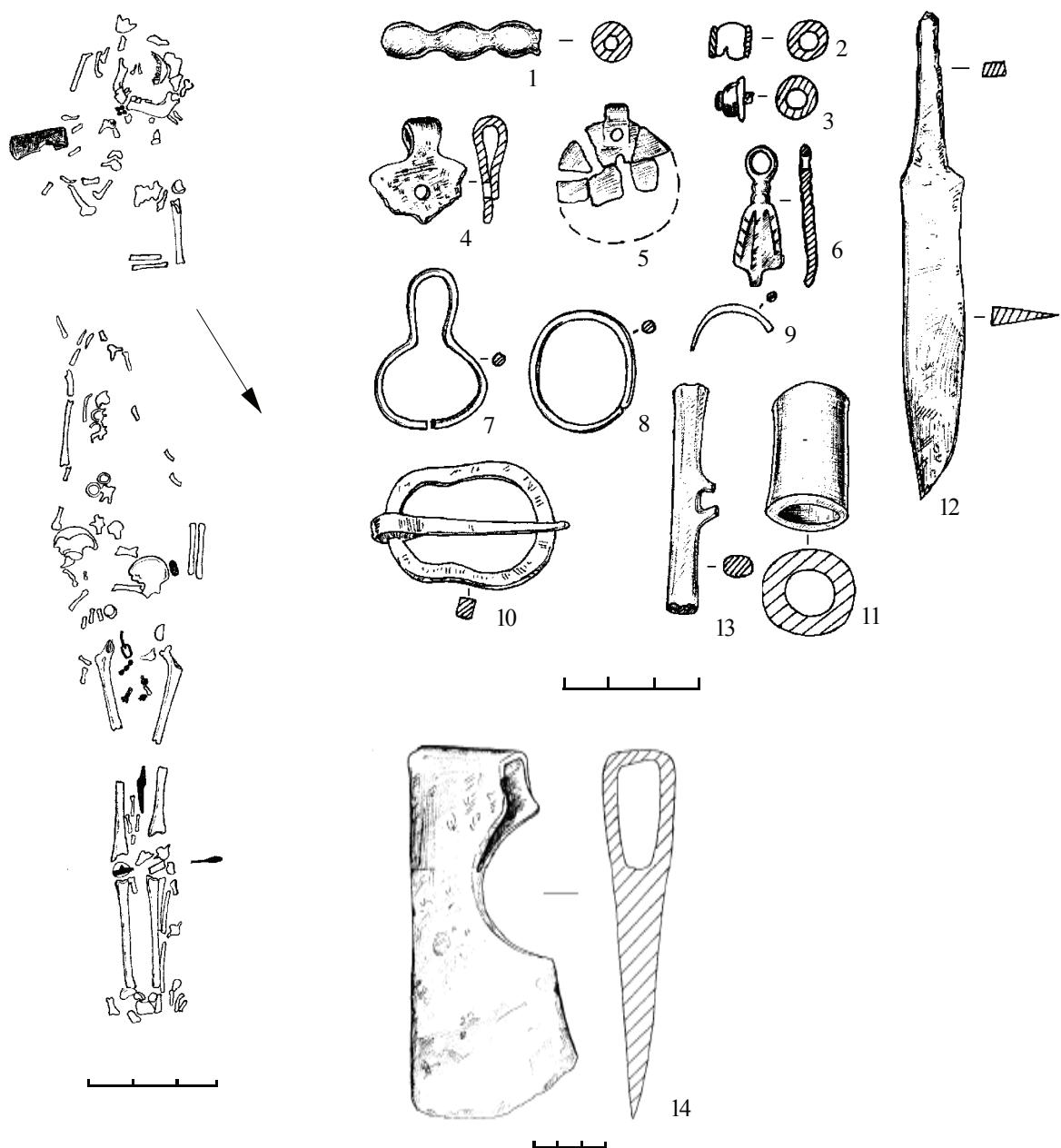

Рис. 6. Солдырский III (Иднакарский) могильник. Комплекс погребения 16: 1 – пронизка; 2–3 – фрагменты бус-пронизок (2 экз.); 4 – поясная накладка; 5 – монетовидная подвеска; 6 – привеска-лапка; 7–9 – височные подвески; 10 – пряжка; 13 – костылек-застежка; 11 – томар; 12 – нож; 14 – топор

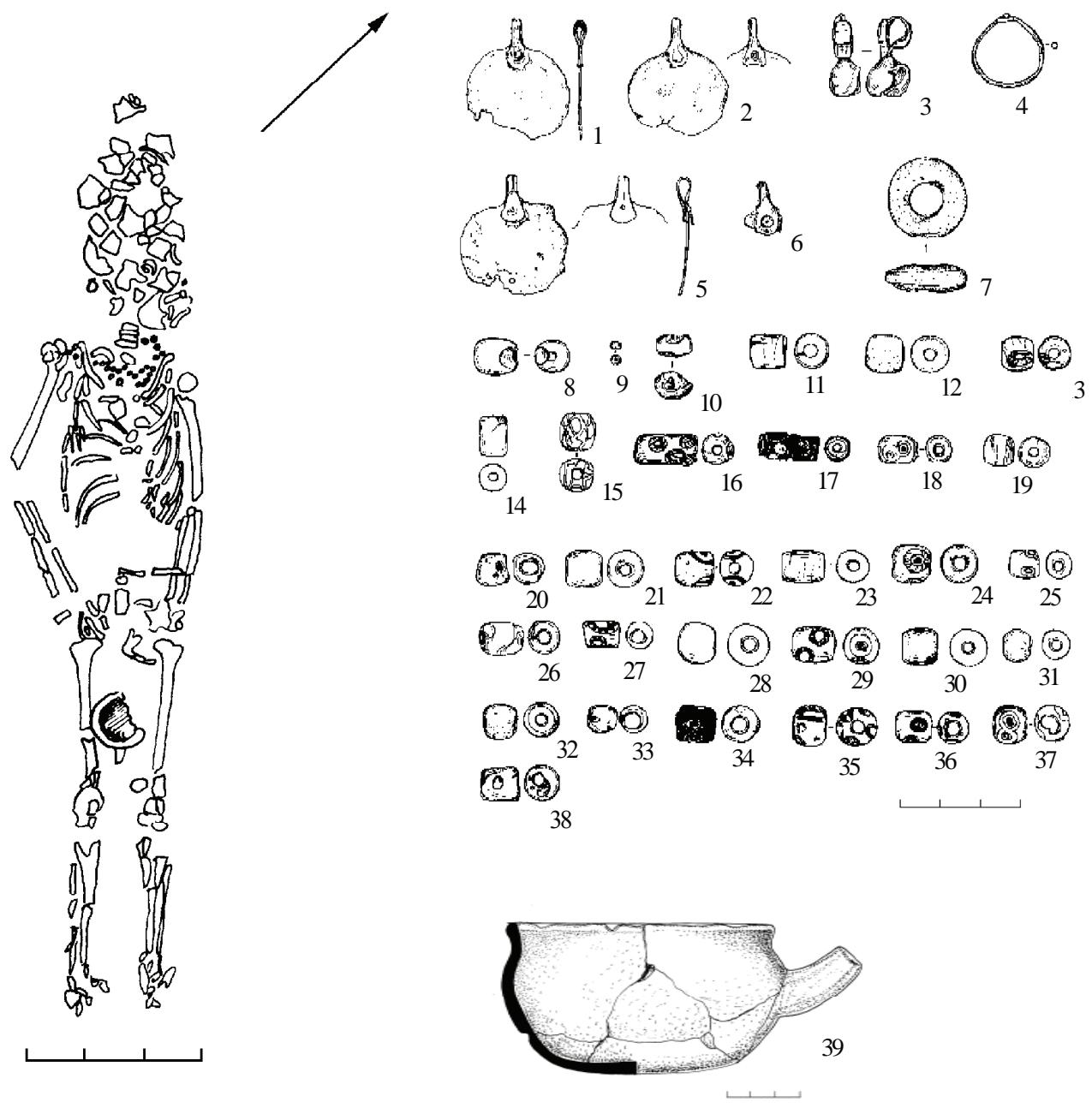

Рис. 7. Солдырский III (Иднакарский) могильник. Комплекс погребения 28:
1–3 – монетовидные подвески; 4 – ушко монетовидной подвески; 5 – привеска-бубенчик;
6 – кольцо височное; 7 – пряслице; 8–38 – бусы; 39 – глиняный сосуд

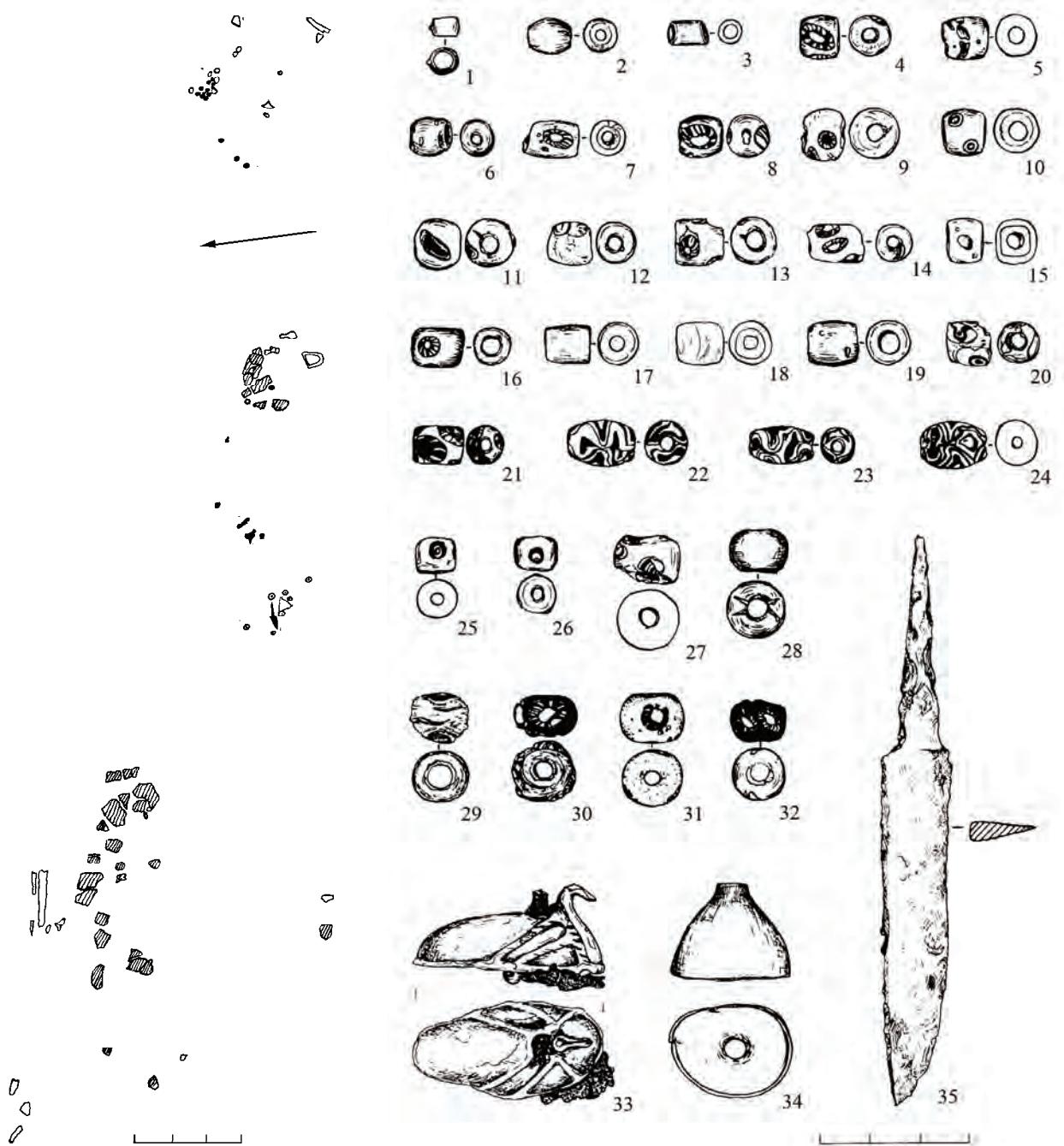

Рис. 8. Солдырский III (Иднакарский) могильник. Комплекс погребения 41:
1–3 – бронзовые пронизки; 4–32 – стеклянные бусы; 33 – конусовидная пронизка;
34 – подвеска-уточка; 35 – нож

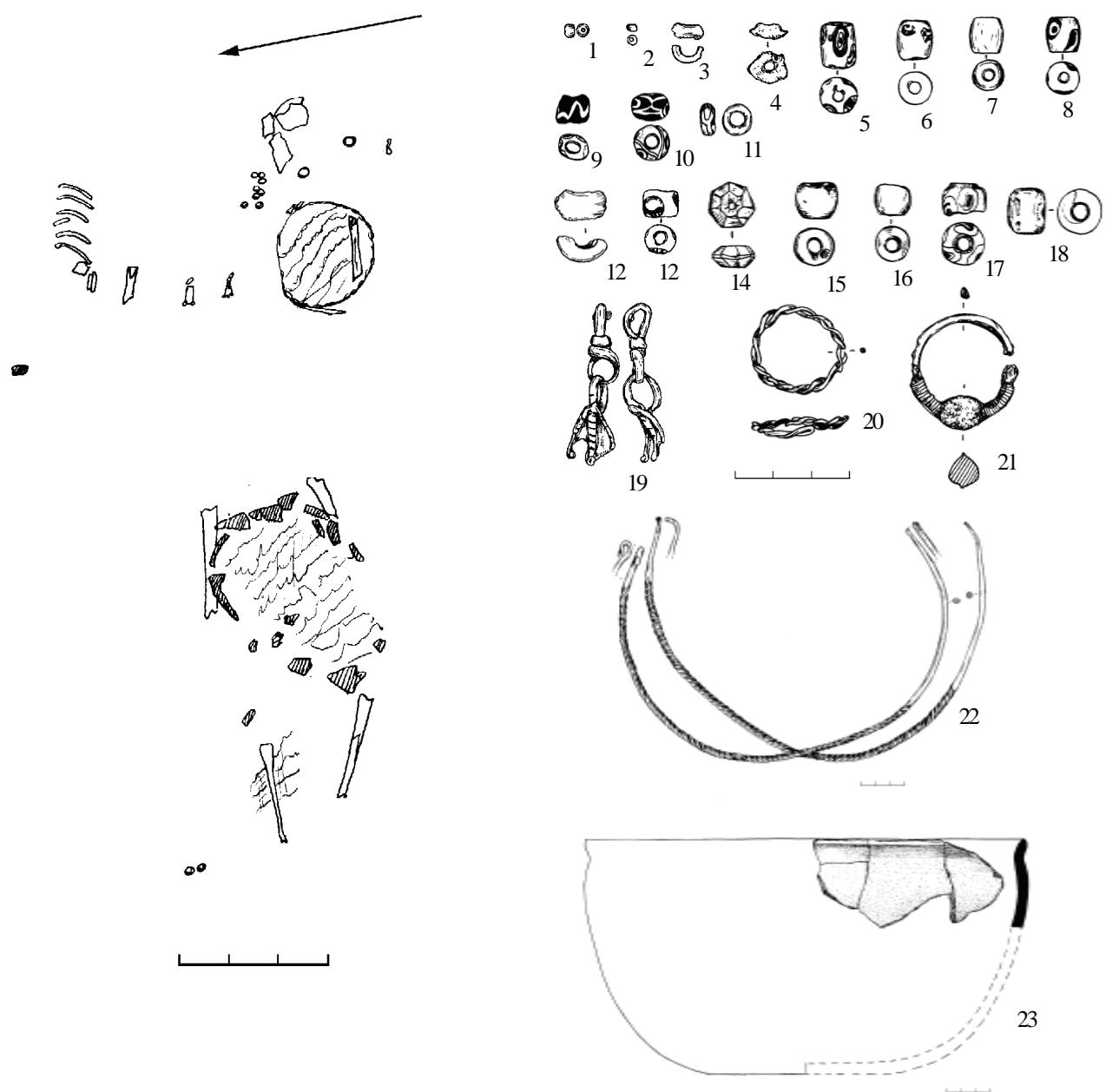

Рис. 9. Солдырский III (Иднакарский) могильник. Комплекс погребения 56:
1–18 – бисер и бусы; 19 – привеска-лапка; 20 – височное кольцо; 21 – височная подвеска
кольцевидная однобусинная; 22 – гривна (2 фрагмента); 23 – глиняный сосуд

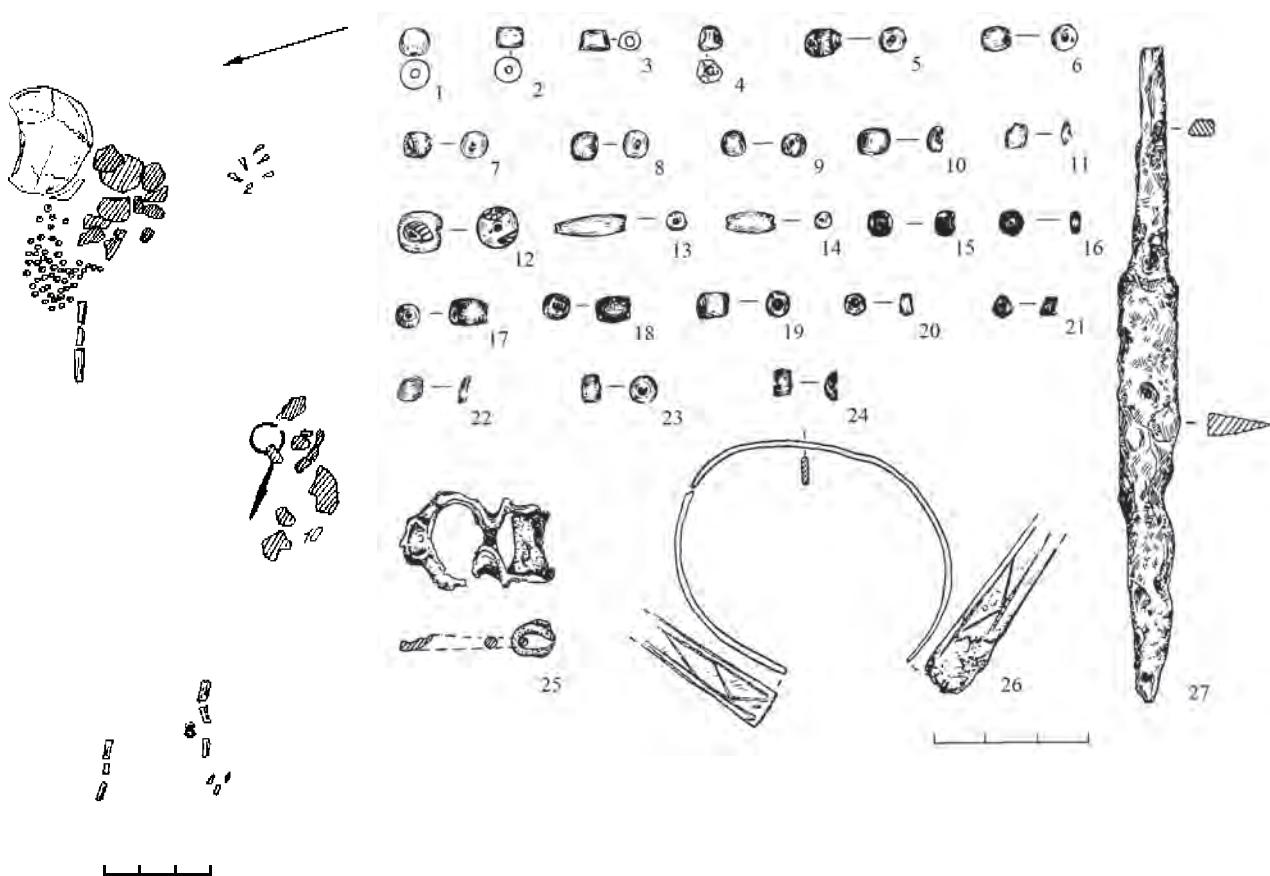

Рис. 10. Солдышский III (Иднакарский) могильник. Комплекс погребения 63:
1–24 – бусы; 25 – пряжка восьмерковидная; 26 – фрагменты браслета; 27 – нож

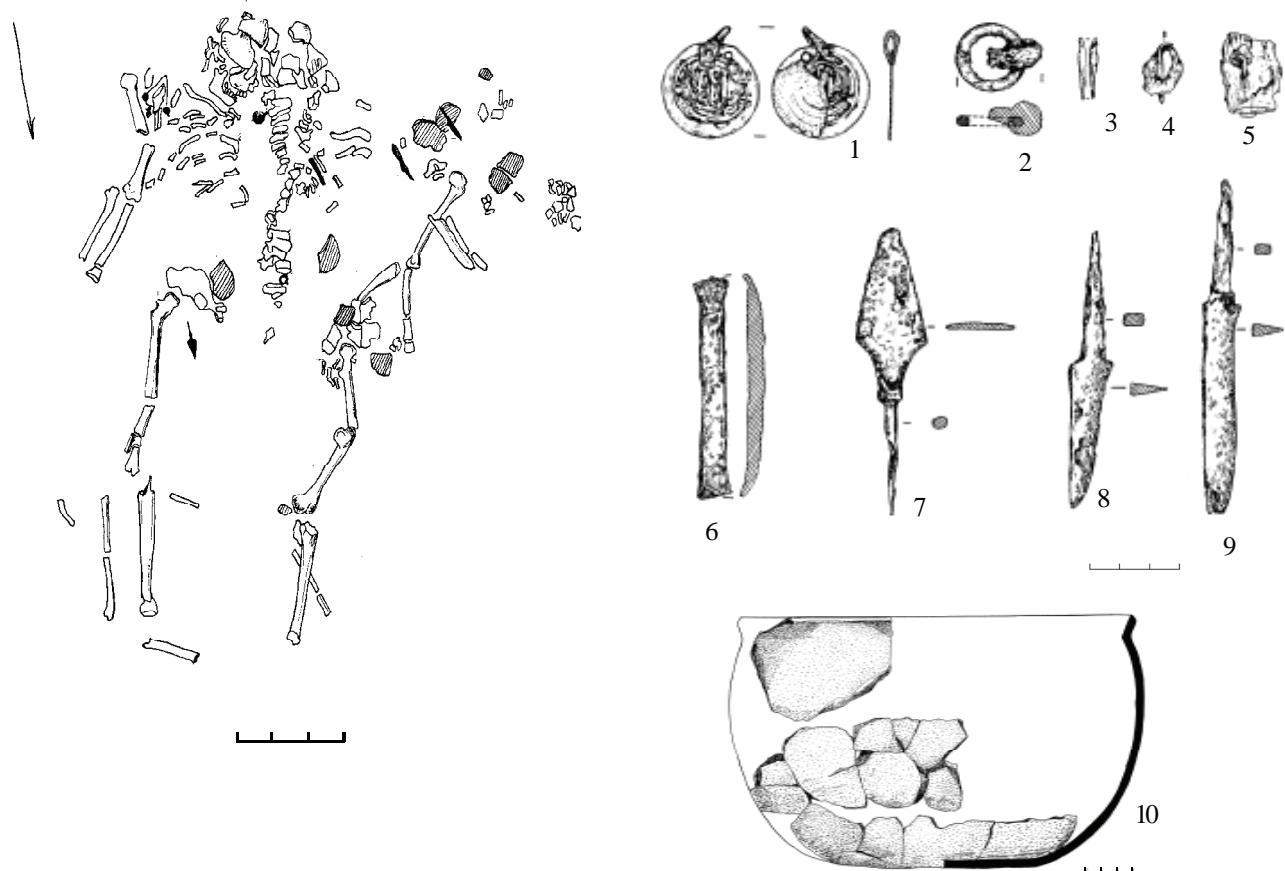

Рис. 11. Солдырский III (Иднакарский) могильник. Комплекс погребения 77:
 1 – монетовидная подвеска; 2 – пряжка круглорамчатая с бронзовой рамкой и железным язычком;
 3–4 – бронзовые гвоздики с кусочками дерева; 5 – трубочка; 6 – неопределенный предмет;
 7 – наконечник стрелы; 8–9 – ножи; 10 – глиняный сосуд

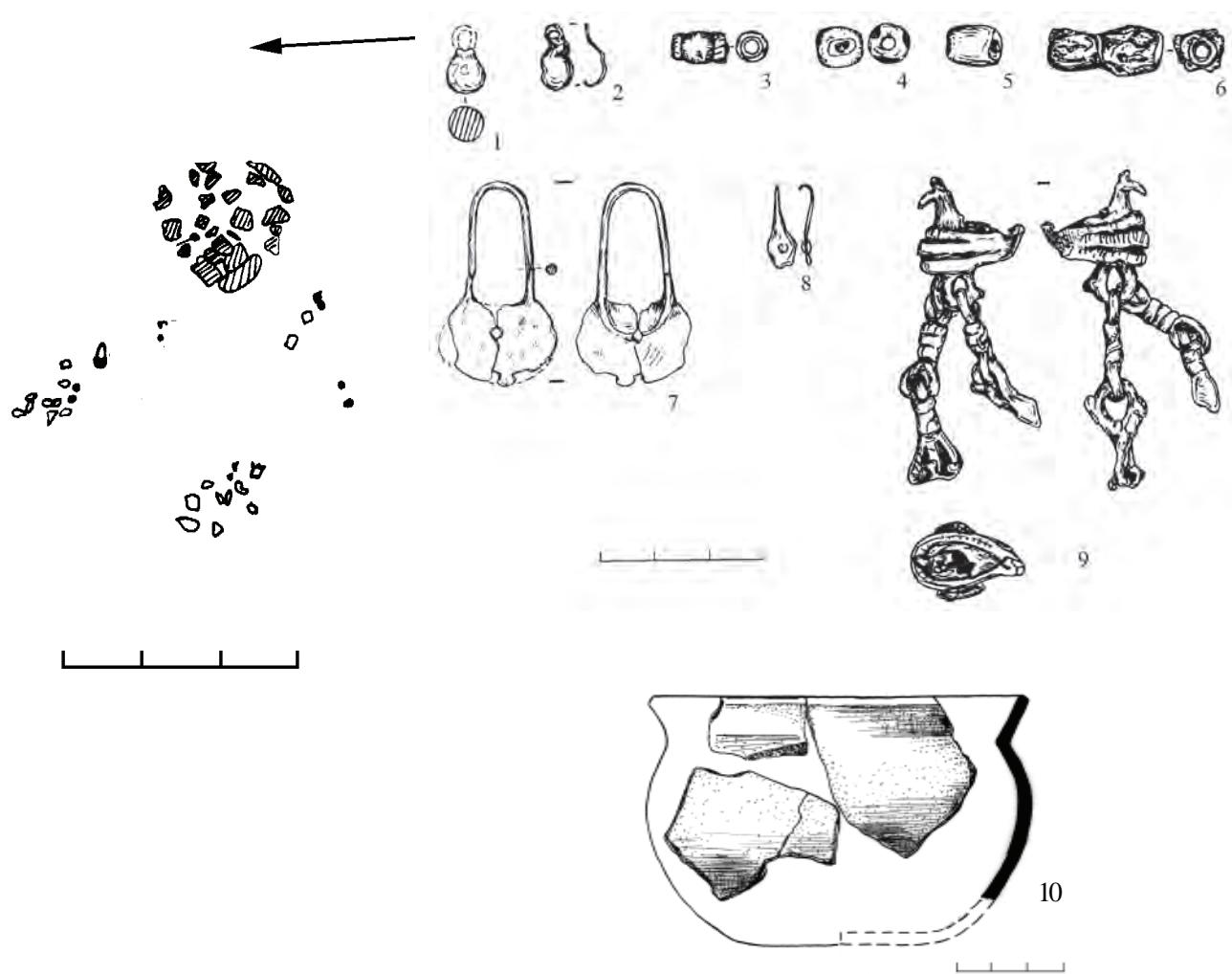

Рис. 12. Солдырский III (Иднакарский) могильник. Комплекс погребения 81:
1–2 – фрагменты пуговиц; 3 – пронизка с рубчатым валиком (3 экз.); 4–6 – бусы стеклянные;
7 – серьга калачевидная; 8 – ушко от подвески; 9 – подвеска-уточка; 10 – глиняный сосуд

Рис. 13. Солдырский III (Иднакарский) могильник. Комплекс погребения 84:
1–2 – привески шаровидные; 3–4 – пуговицы; 5–6 – фрагменты монетовидной подвески
с укрепляющей пластиной; 7–8 – клинышки; 9 – топор

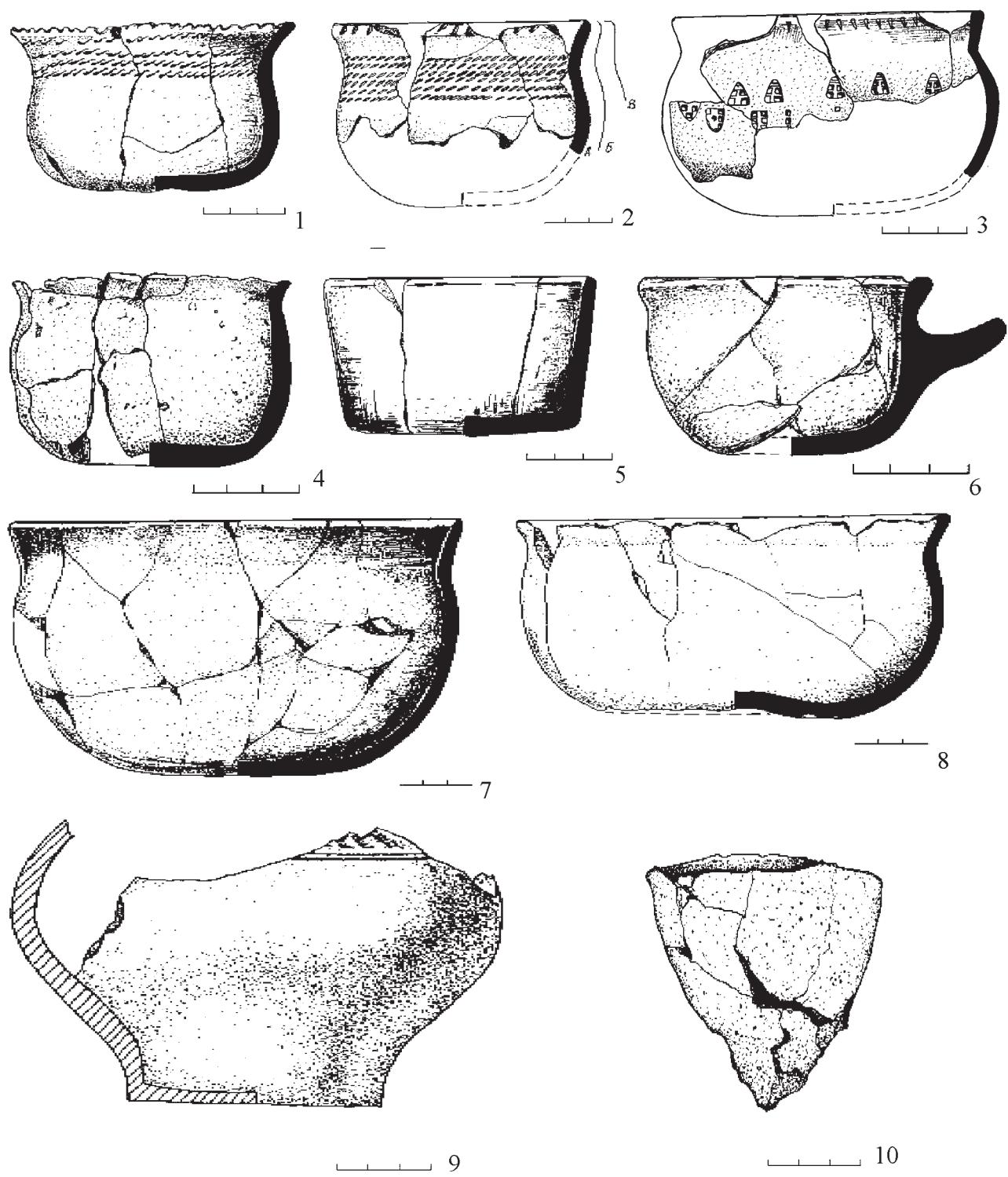

Рис. 14. Солдирский III (Иднакарский) могильник. Основные формы сосудов:
1 – погр. 36; 2, 5, 6, 8, 9 – межмогильное пространство; 3 – погр. 35; 4 – погр. 45;
7 – погр. 80; 10 – погр. 37

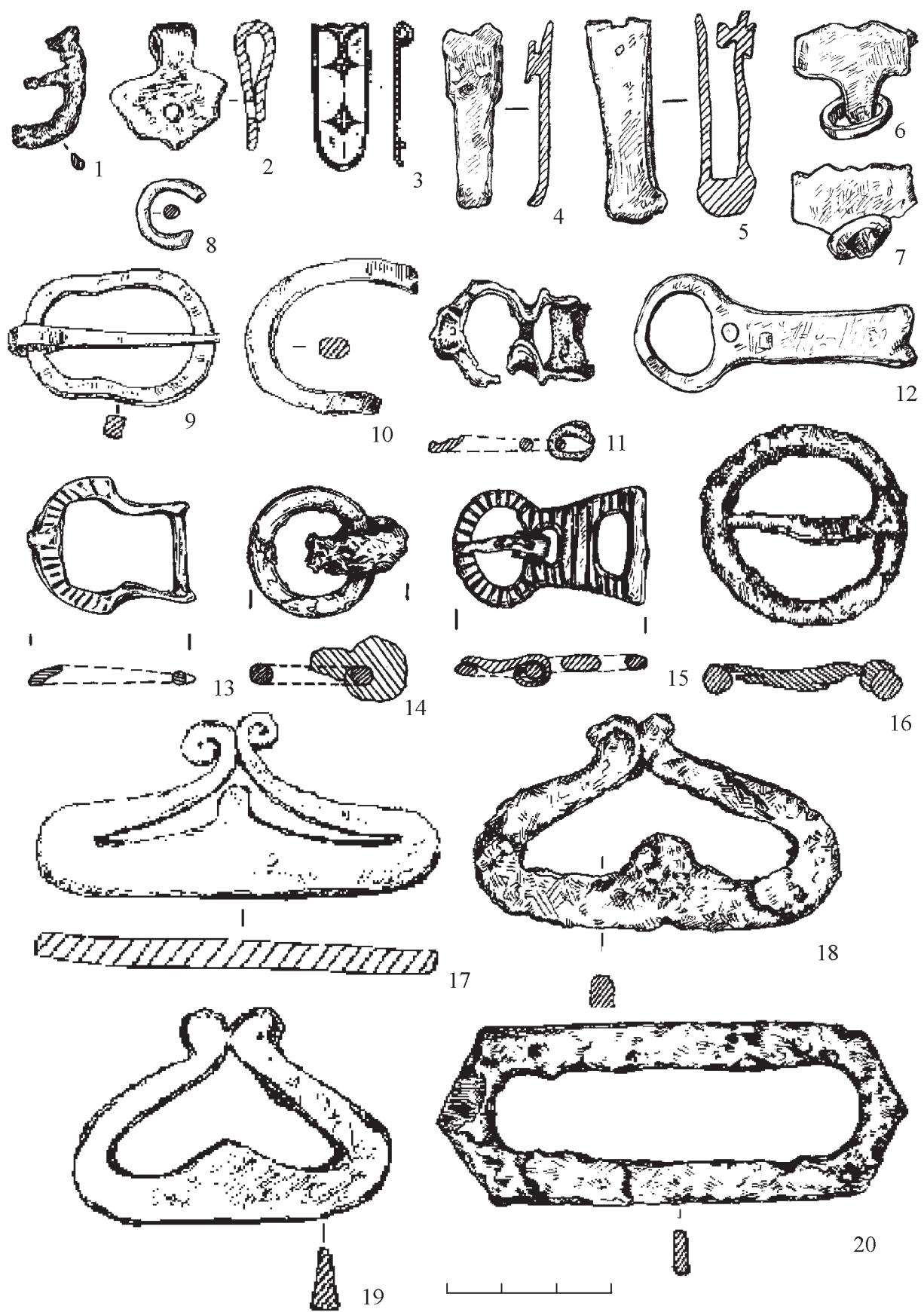

Рис. 15. Солдырский III (Иднакарский) могильник. Детали поясного убора, кресала:
 1 – погр. 62; 2, 9 – погр. 16; 3 – погр. 33; 4 – 8, 10, 12 – погр. 79; 11 – погр. 63;
 13 – погр. 62; 14 – погр. 77; 15 – погр. 90; 16 – погр. 68; 16 – погр. 68;
 17, 19 – погр. 2; 18 – погр. 73; 20 – погр. 85

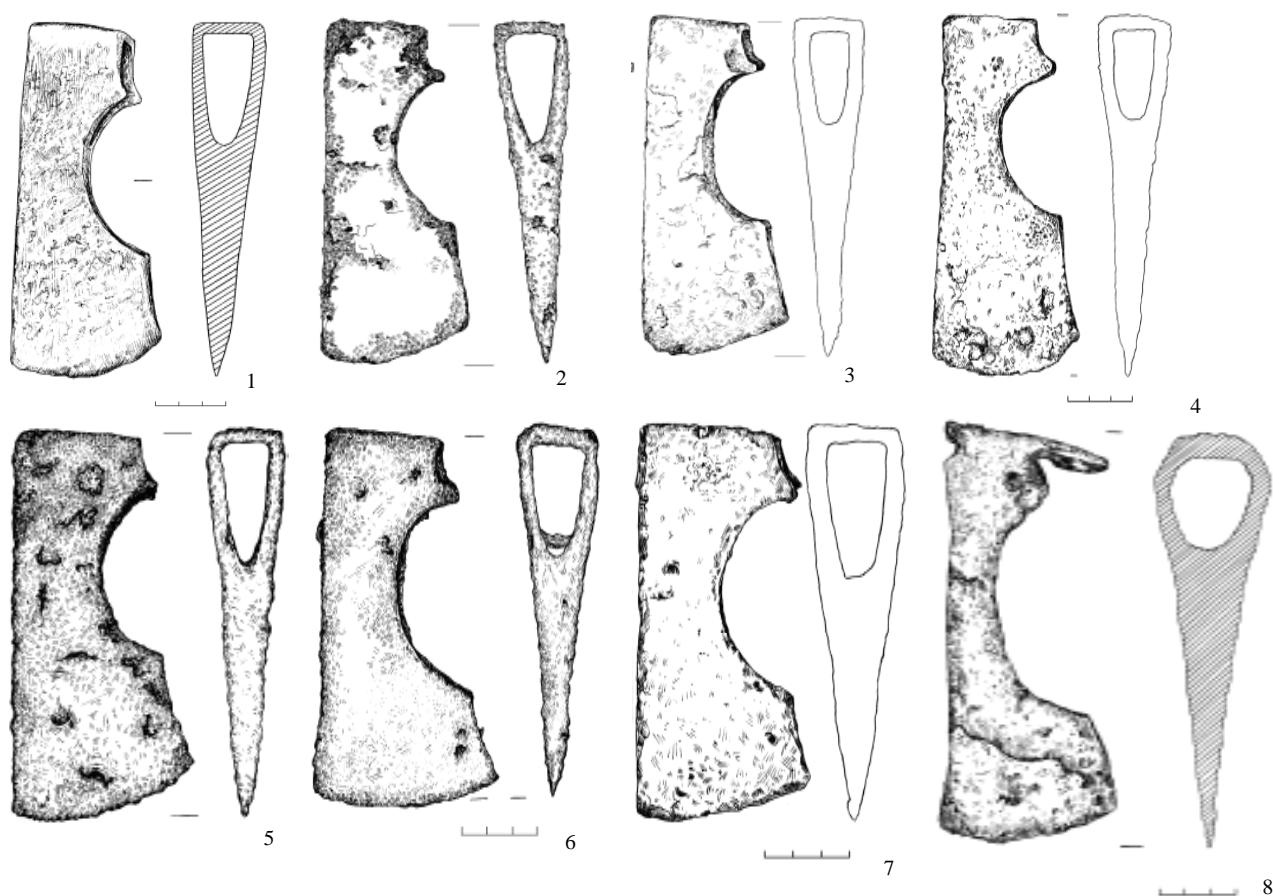

Рис. 16. Солдырский III (Иднакарский) могильник. Топоры:
 1 – межмогильное пространство; 2 – погр. 31; 3 – погр. 42; 4 – погр. 88; 5 – погр. 79;
 6 – погр. 84; 7 – погр. 85; 8 – погр. 90

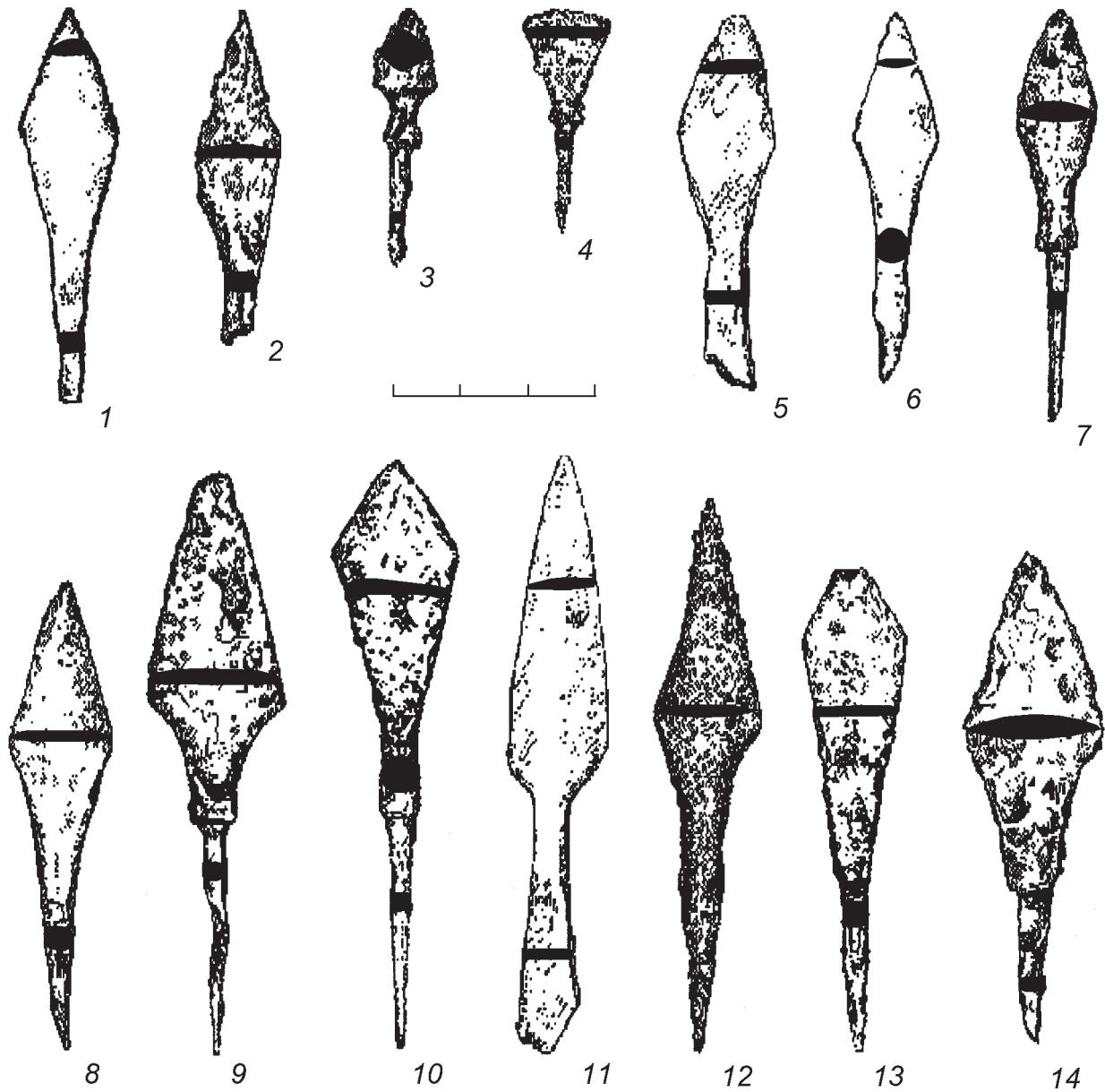

Рис. 17. Солдырский III (Иднакарский) могильник. Наконечники стрел:
1 – сбор с поверхности; 2 – погр. 49; 3, 4 – погр. 89; 5, 6, 11 – погр. 2; 7, 8 – погр. 21;
9 – погр. 77; 10 – погр. 85; 12 – погр. 31; 13 – погр. 85; 14 – погр. 32

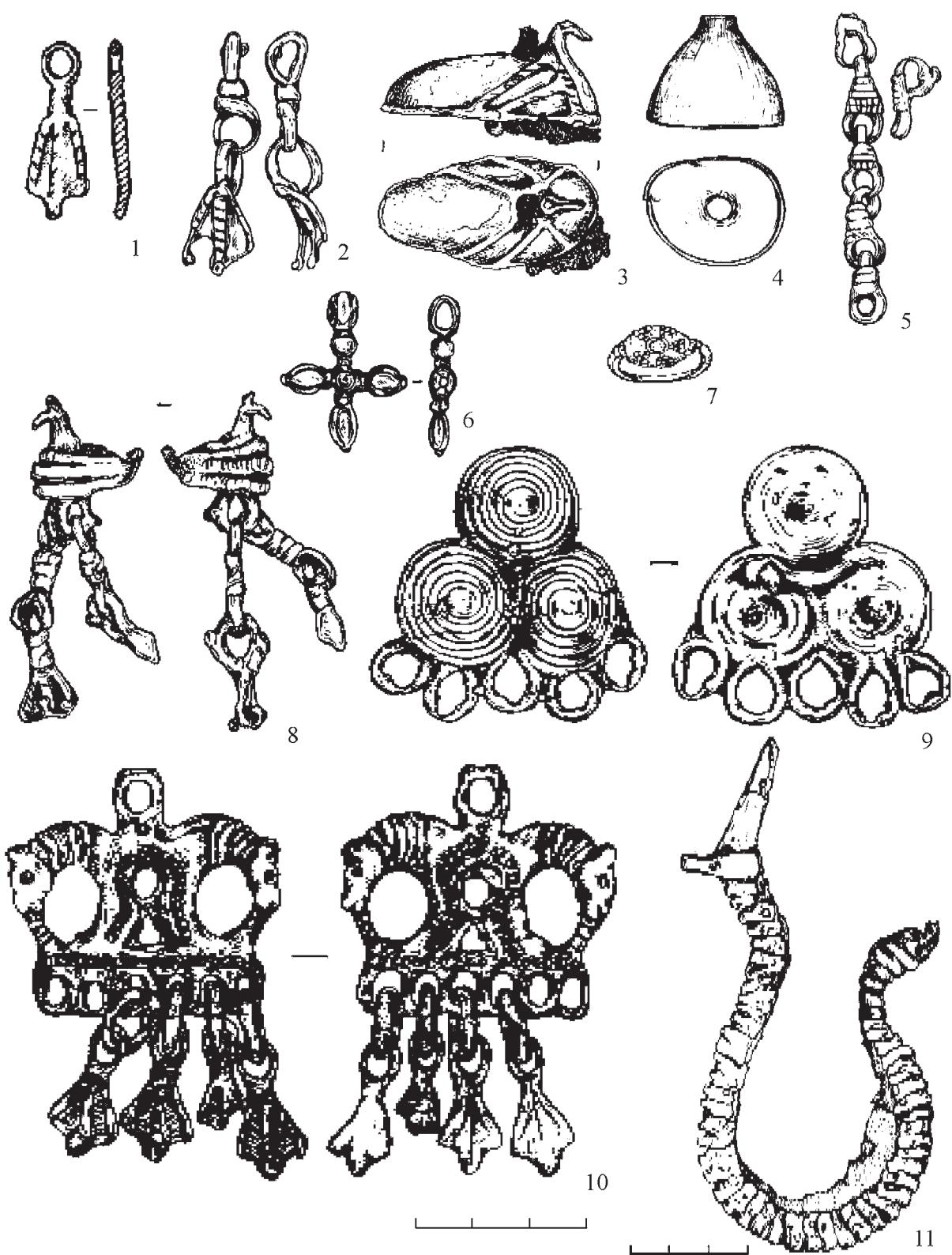

Рис. 18. Солдырский III (Иднакарский) могильник. Украшения:
1 – погр. 16; 2 – погр. 56; 3–4 – погр. 41; 5 – погр. 32; 6 – межмогильное пространство;
7 – погр. 1; 8 – погр. 81; 9 – пахота; 10 – погр. 20; 11 – погр. 90

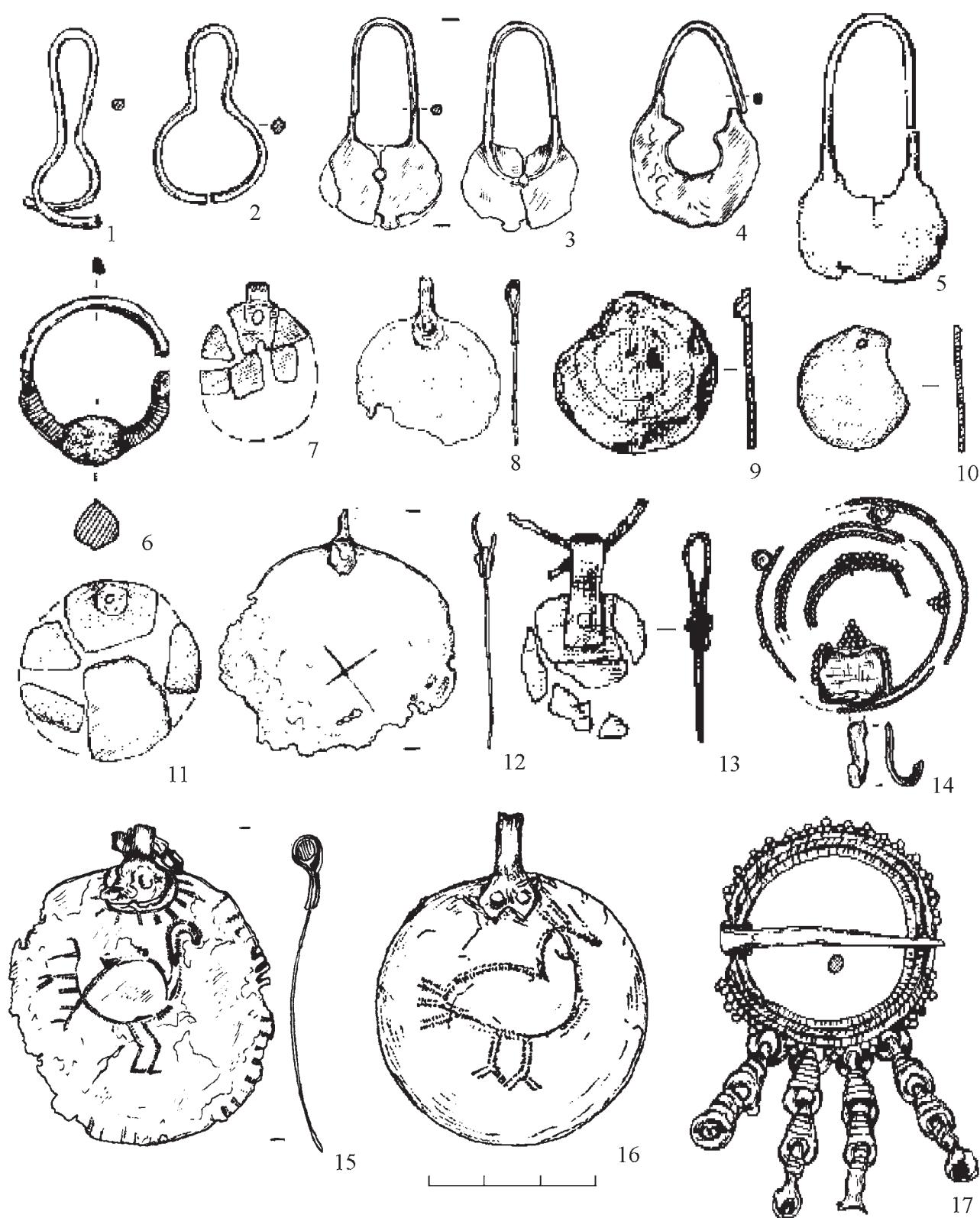

Рис. 19. Солдырский III (Иднакарский) могильник. Серьги, подвески:
 1 – погр. 10; 2, 7 – погр. 16; 3 – погр. 81; 4 – погр. 69; 5 – погр 4; 6 – погр. 56;
 8 – погр. 28; 9 – погр. 13; 10 – погр. 6; 11 – сбор с поверхности; 12 – погр. 11;
 13 – погр. 59; 14 – погр. 72; 15 – погр. 73; 16 – погр. 88

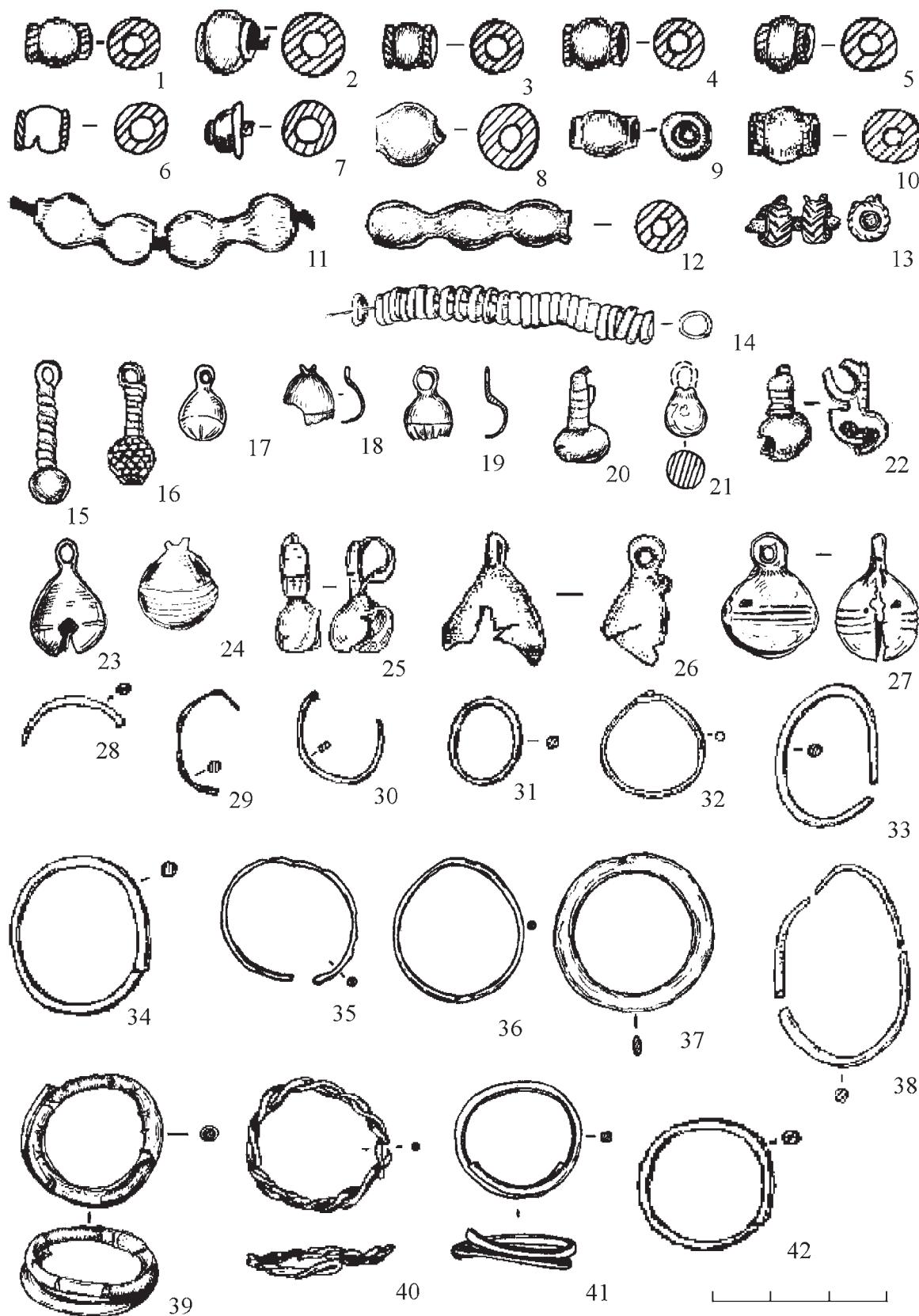

Рис. 20. Солдырский III (Иднакарский) могильник. Бусы, пронизки, привески, кольца:
 1–5, 15 – погр. 7; 6–7, 12, 28, 42 – погр. 16; 8, 29, 34 – погр. 17; 9, 16, 27 – пахота;
 10, 26, 33 – сбор с поверхности; 11 – межмогильное пространство; 13 – погр. 54;
 14, 24 – погр. 74; 17 – погр. 78; 18 – погр. 29; 19 – погр. 37; 20 – погр. 4; 21 – погр. 81;
 22 – погр. 79; 23 – погр. 39; 25, 32 – погр. 28; 30 – погр. 1; 31 – погр. 15; 35 – погр. 75;
 36 – погр. 69; 37 – погр. 55; 38 – погр. 19; 39 – погр. 59; 40 – погр. 56; 41 – погр. 49

ОПИСАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ

Погребение 1: уч. А-1, глубина фиксации 15–22 см, полностью разрушено пахотой. Остатки погребенного прослеживались по скоплению фрагментов костей и вещевого материала на площади размером 0,31 x 0,35 м.

Антропологический материал представлен фрагментами костей черепа и рук. Судя по их расположению, погребение могло быть ориентировано в направлении С–Ю.

Вещевой материал: к С3 от черепа обнаружен развал сосуда чашевидной формы с коротким слегка отогнутым венчиком (диаметр 23 см); фрагменты еще одного сосуда обнаружены восточнее черепа; в предполагаемой области грудной клетки найдены 8 стеклянных бусин; в разрушенной части обнаружено бронзовое проволочное кольцо-серьга (рис. 20, 30) и перстень с круглым щитком, украшенным по поверхности имитацией зерни (рис. 18, 7).

Погребение 2: уч. А-2, глубина фиксации 20–28 см. Очертания ямы нарушены пахотой и восстановлены со значительной долей вероятности по заполнению – пятнам желтого супесчаного слоя. Яма, ориентированная в направлении ЮВ–С3, имела подпрямоугольную с сильно сглаженными углами форму, слегка зауженную в С3 части, размеры 0,39 x 1,66 м. Максимальная глубина – 29 см.

Антропологический материал представлен костями черепа плохой сохранности, трубчатыми костями рук и ног, фрагментами тазовых костей и слабо сохранившимися костями грудной клетки. Размеры костяка: длина – 157 см, ширина в области плечевых суставов – 43 см, ширина в области тазовых костей – 31 см. Расположение костей анатомическое: погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЮВ, лицевой частью развернут на С, левая рука вытянута вдоль тела, правая слегка согнута в локте и расположена на животе.

Вещевой материал сконцентрирован в С3 части погребения (в области ног погребенного). У тазовых костей лежало калачевидное кресало с язычком (рис. 15, 19), возле бедренной кости – железный наконечник стрелы (рис. 17, 5) и скопление железных вещей, среди которых – калачевидное кресало (рис. 15, 17), фрагменты пряжки, наконечник стрелы (рис. 17, 4), остальные предметы представлены фрагментами. С ЮЗ стороны скопления в 8 см от него на глубине 18–23 см лежал железный наконечник стрелы (рис. 17, 11), между костями голеней найден железный нож. На костях правой ноги, в области коленного сустава обнаружен развал глиняного сосуда чашевидной формы с коротким слегка отогнутым венчиком (диаметр 17 см).

Погребение 3: уч. А-1, глубина фиксации 14–25 см. Верхняя часть ямы разрушена пахотой, очертания не фиксировались, приблизительная ориентировка – ЗС3–ВЮВ.

Антропологический материал плохой сохранности зафиксирован на глубине 17–22 см: следы и фрагменты черепа, трубчатые кости левой руки и ног. Длина костяка не менее 130 см. Судя по расположению костей, погребенный был уложен вытянуто на спине головой на ВЮВ, лицевой частью развернут к СВ.

Вещевой материал сконцентрирован в ЮВ части могильной ямы (в области головы и груди погребенного). С северной стороны у костей черепа лежал нож, к югу от черепа – шило. В области предполагаемой грудной клетки обнаружено скопление бус (18 экз.). На костях левого предплечья найдено еще скопление из 6 бусин. В С3 части погребения между костями

ног, в области колена обнаружен развал глиняного сосуда, краем заходящего под кость голени левой ноги.

Погребение 4: уч. А-1, глубина фиксации 10–26 см, разрушено пахотой. По расположению остатков ямы была вытянута в направлении ЗСЗ–ВЮВ, размером не менее 0,6 x 1,30 м. На уровне дна обнаружены следы столбовой ямы.

Антropологический материал представлен плохо сохранившимся черепом, трубчатой kostью левой руки и берцовыми костями ног, череп лежал со значительным смещением вправо от оси костяка. Длина сохранившейся части костяка 86 см. Судя по расположению остатков костей, погребенный был уложен головой на ВЮВ.

Вещевой материал сконцентрирован в ЮЗ части в области головы. Справа от головы обнаружен развал глиняного сосуда. В области головы и шеи найдено скопление из 12 бусин, под костями черепа обнаружена бронзовая калачевидная серьга (рис. 19, 5), в области предполагаемой грудной клетки – бронзовая подвеска-бубенчик с фрагментами кожаного ремешка (рис. 20, 20).

При дальнейшей выборке слоя найден развал керамического сосуда. По соотношению с материалами погребения он мог размещаться в ногах погребенного. Слева от погребенного зафиксированы остатки столбовой ямки.

Погребение 5: уч. аА-1, глубина фиксации 30–41 см. Располагалось на разрушающемся склоне, фиксировалось на уровне дна по остаткам костяка и вещевого материала. По их расположению, погребение было ориентировано в направлении ЗСЗ–ВЮВ, размер ямы восстановить затруднительно, поскольку часть костяка смещена вместе со сползшим слоем, ширина могильной ямы была не менее 47 см.

Антropологический материал представлен фрагментами костей черепа, рук и ног, грудной клетки, таза, костями стоп, лицевая часть черепа развернута в С направлении. Площадь распространения – 40 x 195 см. Предположительная ширина костяка в области плечевых костей (наименее пострадавшая при сползании слоев часть погребения) 34 см. Судя по расположению костей, погребенный был уложен вытянуто на спине, головой в ЮЗ направлении, лицевой частью развернут к северу, руки вытянуты вдоль тела.

Вещевой материал беден: западнее черепа найден нож, с восточной стороны – фрагмент медной сильно окисленной проволоки, которая при выемке рассыпалась.

В пахотном слое, выше зафиксированных остатков погребения, на глубине 24 см от поверхности, найдена бусина. Возможно, бусина имеет отношение к этому погребальному комплексу.

Погребение 6: уч. А-1, 2, фиксировалось по остаткам костяка и вещевого материала на глубине 27–34 см. Верхняя часть ямы нарушена пахотой, заполнение неопределено. Дно ровное, фиксировалось по прослойке тлена толщиной 3 мм.

Антropологический материал представлен следами и фрагментарно сохранившимися костями черепа, обнаруженного в ЮВ части захоронения. Судя по расположению костей, погребенный был уложен головой в ЮВ направлении. Детали положения головы, рук, ног не восстанавливаются.

Вещевой материал располагался во всех частях погребения: слева (в южной части) у костей черепа найден нож; в предполагаемой центральной части могилы, ближе к южной стенке обнаружена часть небольшого (диаметр устья 9,2 см) толстостенного глиняного сосуда чашевидной формы, в СЗ части, в предполагаемой области ног, лежала монетовидная подвеска из белого металла (рис. 19, 10).

При контрольном прокопе, на глубине 30–43 см обнаружено погребение 7, частично нарушенное погребением 6.

Погребение 7: уч. А-1, 2, глубина фиксации 30–43 см. Верхняя часть ямы нарушена пахотой и погребением 6, форма и размер не восстановимы. Заполнение – переотложенная материковая глина. Дно ровное, прослеживается по прослойке тлена мощностью до 0,4 см.

Антropологический материал хорошей сохранности. Расположение костей анатомическое: череп развернут лицевой частью в ЮЗ направлении, кости левой части грудной клетки

и нижняя часть позвоночника смещены вправо, кости стоп так же развернуты вправо, кости левой руки в локтевом суставе образуют тупой угол. Длина костяка – 166 см, ширина между плечевыми суставами – 35 см, между бедренными суставами – 32 см. Погребенный был уложен вытянуто спине, головой на ЮВ. Руки вытянуты вдоль тела, левая слегка согнута в локте.

Вещевой материал располагался в традиционных местах ношения предметов в костюмном комплексе. В предполагаемой области шеи, под челюстью погребенного, было обнаружено шейное украшение, состоящее из фрагментов кожаной основы, 42-х единиц бусин и бисера, монетовидной подвески из белого металла (плохой сохранности, взять не удалось) и бронзовой привески (рис. 20, 15). В центральной части погребения, в области пояса, лежал железный нож. Справа от погребенного, у бедренных костей на лучевых костях правой руки, обнаружен развал тонкостенного глиняного сосуда чашевидной формы с короткой шейкой и слегка отогнутым венчиком. В северо-западной части погребения у больших берцовых костей найдены бронзовые бусы – одна с внутренней стороны правой бедренной кости и низка из 5 бус с внешней стороны левой бедренной кости (рис. 20, 1 – 5).

Погребение 8: уч. А-1, 2, глубина фиксации 28–36 см. Верхняя часть ямы нарушена пахотой, форма и размер не восстановимы. Заполнение – переотложенная материковая глина, дно прослеживается слабо.

Антропологический материал удовлетворительной сохранности представлен костями черепа, частично трубчатыми костями рук и ног, фрагментарно сохранившимися костями позвоночника, грудной клетки и таза. Анатомическое расположение костей не нарушено. Длина костяка 173 см, ширина между плечевыми суставами – 32 см, между тазобедренными суставами – 23 см. Судя по расположению костей, погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЮЮВ, лицевой частью развернут в западном направлении. Руки вытянуты вдоль тела, левая рука слегка согнута в локте.

Вещевой материал располагался в традиционных местах ношения предметов: под черепом обнаружены 3 бусины, 13 экземпляров – в области грудной клетки. На предплечье правой руки лежало костяное пряслице. В области колена правой ноги погребенного был положен глиняный сосуд, на котором найден нож.

Погребение 9: уч. аА-1, 2, глубина фиксации 27–30 см. Верхняя часть ямы нарушена пахотой и погребением 8, форма и размер не восстановимы.

Антропологический материал представлен трубчатыми костями правой руки и ног, голеностопными суставами. Анатомическое расположение сохранившихся костей не нарушено. Погребенный был уложен головой на ЮЮВ.

Вещевой инвентарь погребения состоит из глиняного сосуда, найденного на костях левой ноги в области колена. Сосуд чашевидной формы со слегка уплощенным дном, выраженной шейкой и плечиком, отогнутым венчиком, диаметром устья 17 см. По шейке сосуда нанесено 4 ряда горизонтально поставленных оттисков полой трубочки с зубчатым краем.

Погребение 10: уч. А-2, глубина фиксации 25–37 см. Верхняя часть ямы нарушена пахотой и погребением 7. Очертания фиксировались на глубине 30 см от поверхности и прослеживались по пятну серо-коричневого суглинка, окантованному слоем пестроцвета. Могильная яма размером 82 x 168, ориентированная по оси ЗЮЗ–ВСВ, имела подпрямоугольную в плане форму с выраженным выступом в ЮЗ углу. Форма ямы в профиле не восстановима. Ровное дно прослеживалось по линии тленя мощностью не более 0,3 см. В заполнении – серо-коричневый суглинок, по стенкам ямы – суглинистый пестроцвет.

Антропологический материал хорошей сохранности. Анатомическое расположение костей не нарушено. Длина костяка – 158 см, ширина между плечевыми суставами – 29 см, между костями таза – 30 см. Особенности положения костей: череп развернут лицевой частью в северном направлении, нижняя челюсть лежит на левой ключице; кости правой руки лежат вдоль оси костяка, кости левой находились под углом к оси костяка, кости кисти лежали между тазовыми костями. Кости стоп слегка направлены внутрь. Судя по расположению костей,

погребенный был уложен вытянуто на спине головой на ЗЮЗ. Правая рука вытянута вдоль тела, левая согнута в локте и уложена на область живота.

Вещевой материал представлен бронзовой восьмерковидной височной подвеской, обнаруженной справа у головы умершего (рис. 19, 1), здесь же, в области шеи найдено скопление из 47 бусин.

Погребение 11: уч. А-2, глубина фиксации 25–32 см. Очертания ямы фиксировались под слоем пахоты по остаткам дерева размером 32 x 17 см, ориентированного по оси ЗСЗ–ВЮВ. Предположительно яма имела овальную в плане форму и, судя по зафиксированной прослойке тлена толщиной до 0,3 см, ровное, слегка уплощенное дно.

Антропологический материал не сохранился.

Вещевой материал: в центральной части погребения на фрагментах дерева обнаружена монетовидная подвеска из белого металла с бронзовым ушком и фрагментами шнурка, под ней сохранился фрагмент кожи (рис. 19, 12).

Погребение 12: уч. а-1, 2, уровень фиксации 41–53 см. Могильная яма почти полностью разрушена пахотой и сползанием слоя в обрыв.

Антропологический материал: анатомическое расположение костей нарушено. Часть костяка полностью утрачена – по-видимому, снесена под обрыв. Судя по расположению остатков костей, можно предполагать СЗ–ЮВ ориентировку (головой на ЮВ).

Вещевой материал не обнаружен.

Погребение 13: уч. аб-2, 3, глубина фиксации 19–54 см. Верхняя часть ямы нарушена пахотой, северо-западная – сползанием слоев. Форма и размер ямы не восстановимы. Предположительная ориентировка могильной ямы – ЮВ–СЗ. Погребение зафиксировано по расположению антропологического и вещевого материалов. Дно ямы прослеживается на глубине 54 см.

Антропологический материал представлен черепными костями, фрагментами трубчатых костей рук и ног, фрагментами тазовых костей и костей грудной клетки. Анатомическое расположение костей нарушено. Нарушение положения костяка происходило в СЗ направлении сползанием слоев по склону. Судя по остаткам костяка, погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЮВ, лицевой частью развернут в северном направлении.

Вещевой материал: слева в изголовье обнаружены развал глиняного сосуда; у левого плеча – развал другого сосуда; под костями черепа (в области шеи) подвеска из индикации монеты (белый металл) с бронзовой подкладкой и ушком (рис. 19, 9), под ней – кости животного.

Погребение 14: уч. аА-2, глубина фиксации 15–16 см. Верхняя часть ямы нарушена пахотой, форма не восстановима, размеры составляют не менее 40 x 94 см Предположительная ориентировка – ВЮВ–ЗСЗ. Заполнение ямы – переотложенная материковая глина.

Антропологический материал плохой сохранности представлен костями черепа и частично грудной клетки, трубчатыми костями левой руки и ног. Анатомическое положение костей не нарушено: череп развернут лицевой частью в западном направлении. Длина костяка 94 см, ширина в области грудной клетки – 26 см. Судя по расположению костей, погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ВЮВ, лицевой частью развернут в З направлении, левая – вытянута вдоль тела.

Вещевой материал не обнаружен.

Погребение 15: уч. б-2; уровень фиксации 25–69 см. Основная часть ямы нарушена пахотой. Предположительная ориентировка – ВЮВ–ЗСЗ.

Антропологический материал плохой сохранности, сильно фрагментирован и представлен костями черепа, частично трубчатыми костями рук и ног, тазовыми костями. Анатомический порядок костей нарушен сползанием слоев. Площадь залегания костей – 18 x 112 см. Судя по их расположению, погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ВЮВ, лицевой частью развернут в З направлении.

Вещевой материал: справа у черепа, на глубине 25–28 см обнаружены фрагменты толстостенного глиняного сосуда в форме открытой чаши с плоским дном; в области

предполагаемой грудной клетки лежали две бусины; в области пояса – бронзовое проволочное височное кольцо (рис. 20, 31).

Погребение 16: уч. б, а-2 (рис. 6); глубина фиксации 29–90 см. Основная часть могильной ямы нарушена пахотой и сползанием слоя.

Антропологический материал представлен сильно фрагментированными костями черепа, костей рук и ног, грудной клетки, позвоночника. Анатомический порядок костей нарушен сползанием слоев. Судя по их расположению, погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЗС3.

Вещевой материал: с левой стороны у черепа обнаружена бронзовая восьмерковидная височная подвеска (рис. 19, 2); под нижней челюстью, в области предполагаемой шеи, найдены фрагменты монетовидной подвески из белого металла (рис. 19, 7); справа от погребенного, лежал железный топор; рядом с тазовыми костями найден костяной томар; между бедренными костями лежали: бронзовая пряжка (рис. 15, 9); 2 бронзовые бусы-пронизки (рис. 20, 6–7); трехчастная пронизка (рис. 20, 12); лапчатая привеска (рис. 18, 1); железный нож; железная поясная накладка подтреугольной формы (рис. 15, 2); на коленной чашечке правой ноги найдена костяная подвеска-костыль; у коленной чашечки левой ноги обнаружен наконечник стрелы очень плохой сохранности.

Погребение 17: уч. А-2, 3; уровень фиксации 17–29 см. Могильная яма нарушена пахотой, очертания не фиксировались. Приблизительный размер 54 x 163 см.

Антропологический материал хорошей сохранности представлен фрагментами костей черепа, фрагментированными трубчатыми костями рук и ног, частично костями грудной клетки и таза. Анатомическое расположение костей не нарушено. Длина костяка 161 см, ширина в области грудной клетки 26 см, в области тазовых костей 34 см. Судя по расположению костей, погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на С3, лицевой частью развернут в западном направлении, руки вытянуты вдоль тела.

Вещевой материал: с правой стороны черепа обнаружен фрагмент бронзовой височной подвески (рис. 20, 29); под костями черепа лежали бронзовая височная кольцевидная подвеска с остатками продетой бусины (рис. 20, 34); скопление бус и бисера; скопление аналогичных бусин и бисера обнаружено под нижней челюстью погребенного; несколько бусин найдено в области грудной клетки, справа от погребенного. Рядом с тазобедренным суставом левой ноги лежала бронзовая буса-пронизка (рис. 20, 8). В центральной и юго-восточной частях ямы под костяком зафиксированы скопления камней.

Погребение 18: уч. А-2, 3; уровень фиксации 29–42 см. Основная часть могильной ямы нарушена пахотой и погребением 17. Приблизительные размеры составляли не менее 45 x 160 см.

Антропологический материал хорошей сохранности. Анатомическое расположение костей не нарушено. Длина костяка 162 см, ширина между плечевыми суставами – 42 см, между костями таза – 36 см. Судя по расположению костей, погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ЮВ, лицевой частью развернут в западном направлении, правая рука вытянута вдоль тела, кисть уложена на бедро, левая согнута в локте и уложена на животе.

Вещевой материал представлен железным наконечником стрелы, обнаруженным в области черепа. По взаиморасположению с погребением 17, погребение 18 совершено раньше.

Погребение 19: уч. а-2; уровень фиксации 20–35 см. Очертания ямы обнаружены под пахотным слоем на глубине 20 см. Могильная яма подтреугольной с закругленными углами формы размером 65 x 170 см, вытянутая в направлении С3–ЮВ, фиксировалась по пятну черного с суглинистой основой слоя с четко фиксируемыми границами мощностью до 4 см. В юго-западном секторе фиксировалось пятно насыщенного углем слоя размером 20 x 44 см, вытянутое согласно ориентировки могильной ямы, вдоль ЮЗ и ЮВ границ пятна фиксировалась россыпь камней серо-голубого известняка. Форма в профиле не восстановима, дно ровное.

Антропологический материал хорошей сохранности, анатомическое расположение костей нарушено частично. Длина костяка – 149 см, ширина между плечевыми суставами 32 см, ши-

рина костей таза – 31 см. Судя по расположению костей, погребенный был уложен вытянуто на спине, правая рука – на бедре, в области брюшной полости лежали фрагментарно сохранившиеся кости детского черепа.

Вещевой материал: с левой стороны черепа обнаружена бронзовая височная подвеска (рис. 20, 38); с левой стороны черепа лежала железная игла.

Погребение 20: уч. В, Г-08, находится на склоне, разрушено естественным сползанием обрыва. Глубина фиксации 11,5– 33,5 см. Площадь распространения находок – 190 x 38 см.

Антропологический материал представлен фрагментами костей конечностей, скорее всего, ног. Ориентировка, по-видимому, по линии ЗСЗ–ВЮВ.

Вещевой материал. Первоначальное размещение вещей в погребении не восстановимо. Вещи расположены в ВЮВ части погребения, на значительном отдалении друг от друга: стеклянная бусина, бронзовый колокольчик, неопознанный железный предмет, бронзовая шумящая подвеска (рис. 18, 10) и фрагмент тигля.

Погребение 21: уч. а-3, уровень фиксации 3–15,5 см. Очертания могильной ямы не зафиксированы, приблизительные размеры погребения определены по костяку и составляли не менее 158 x 38 см.

Антропологический материал плохой сохранности, фрагментированы кости черепа, рук и ног. Анатомическое расположение костей не нарушено. Длина костяка – 158 см, ширина между плечевыми суставами – 21,6 см, между тазобедренными суставами – 22,6 см. Судя по расположению костей, погребенный был уложен на спину головой на С3, руки слегка согнуты в локтях, кисти уложены в районе таза. «Стесненность» костей, возможно, объясняется тугим пеленанием тела или использованием в погребальном обряде деревянной колоды.

Вещевой материал представлен двумя наконечниками стрел, один из которых располагался в районе шеи слева от костей нижней челюсти (рис. 17, 7); второй – в нижней части грудной клетки, с левой стороны, рядом с локтевым суставом костей левой руки (рис. 17, 8). В районе грудины обнаружен кремень. На коленях костяка зафиксирован развал глиняного сосуда.

Погребение 22: уч. В, Г-05, глубина фиксации 25–37 см, находится на склоне. Могильная яма не зафиксирована, площадь распространения находок – 120 x 50 см.

Антропологический материал представлен фрагментами костей черепа, рук, ориентированных по линии В-З. Справа от костяка к ЮЮЗ от костей черепа встречено несколько камней.

Вещевой материал представлен стеклянными бусинами, найденными в предполагаемой области шеи и груди. 5 бусин, найденных к ВЮВ от костей черепа, лежали низкой, остальные – порознь.

Погребение 23: уч. В-02, 03, уровень фиксации 7–11,5 см. Очертания ямы не зафиксированы, разрушены пахотой. Площадь распространения находок 108 x 75 см.

Антропологический материал представлен фрагментами костей черепа и конечностей. Анатомический порядок расположения костей нарушен пахотой, ориентировка погребения по линии С3–ЮВ.

Вещевой материал состоит из 93 стеклянных бусин, найденных к ЮВ от костей черепа и составлявших, по-видимому, остатки нагрудного украшения.

Погребения 24–25, уч. а, А-01, уровень фиксации 10–30 см. Погребения выделены по скоплениям костей (1 плохо сохранившийся череп, кости рук и две пары костей ног) и предметов (развал керамического сосуда, бусина, два фрагмента бронзовой спиралевидной подвески). Возможно, захоронения совершены одновременно.

Погребение 24: на поверхности не фиксировалось, очертания ямы не обнаружены. Погребение разрушено естественным сползанием обрыва. Ориентировка по линии ВЮВ–ЗС3.

Антропологический материал плохой сохранности, анатомический порядок расположения костей нарушен, и кости черепа обнаружены среди костей ног.

Вещевой материал состоит из развали керамического сосуда и условно отнесенной к этому комплексу бусины.

Погребение 25 нарушено естественным сползанием обрыва, ориентировано по линии ЮЮВ–С3С. Антропологический материал состоит из костей бедер и голени. Ноги лежат прямо, параллельно друг другу.

Вещевой материал состоит из развала небольшого керамического сосуда и условно (по глубине) отнесенных к этому погребению двух фрагментов бронзовой спиралевидной подвески, найденной к В от берцовых костей ног.

Погребение 26: уч. Б-0, уровень фиксации 32–37 см. Площадь распространения находок 43 x 17 см.

Антропологический материал плохой сохранности и включает фрагменты костей черепа, принадлежащего, по-видимому, ребенку. Ориентировка погребения, судя по взаиморасположению костей и вещей, головой на Ю.

Вещевой материал состоит из серебряного арабского дирхема.

Погребение 27: уч. б-3, уровень фиксации 7–18 см, очертания ямы не зафиксированы. Обнаружено после снятия пахотного слоя при выборке общей площади участка в красно-коричневом суглинке. Приблизительные размеры захоронения определены по костяку и составляли не менее 70 x 40 см. Линия дна не прослеживалась.

Антропологический материал плохой сохранности. Фрагментарно сохранились кости черепа, ребра, бедренные кости ног. Судя по расположению костей, погребенный был уложен на спину головой на С3.

Вещевой материал представлен легким глиняным сосудом, расположенным слева в районе таза.

Погребение 28: уч. б-3 (рис. 7), уровень фиксации 12–22,5 см. Приблизительные размеры захоронения составляли не менее 168 x 40 см.

Антропологический материал удовлетворительной сохранности. Анатомическое расположение костей не нарушено. Кости черепа раздавлены, сильно фрагментированы. Судя по расположению зубов и нижней челюсти, череп повернут влево, лицом на СВ. Кости левой руки вытянуты параллельно оси костяка, лучезапястный сустав расположен на костях таза. Фаланги пальцев разрушены. Кости левой руки согнуты в локтевом суставе под углом 130°. Фаланги пальцев расположены на костях таза. Кости ног параллельны друг другу. Сохранившиеся кости стопы правой ноги слегка развернуты внутрь. Длина костяка при приблизительном восстановлении линии черепа составляет около 142 см, ширина между плечевыми суставами – 26 см, между тазобедренными суставами – 20 см. Судя по расположению костей, погребенная была уложена на спину, головой на С3. Руки расположены вдоль тела, кисти рук помещены на бедра, правая рука согнута в локтевом суставе.

Вещевой материал: справа от черепа, у виска обнаружено височное кольцо (рис. 20, 32); слева – бусина. В районе шейных позвонков и ключиц зафиксировано шейное украшение, состоявшее из нанизанных бусин, трех бронзовых монетовидных подвесок с ушками (рис. 19, 8) и бронзовой привески (рис. 20, 25). Под монетовидной подвеской, расположенной над правой ключицей, сохранился фрагмент коры, которая, вероятно, служила подстилкой погребенной. Между бедренными костями обнаружен глиняный лепной сосуд с ручкой. Ниже, ближе к костям левого коленного сустава, зафиксировано пряслице.

Погребение 29: уч. Б-01, уровень фиксации 17–32,5 см. Погребение повреждено пахотой. Ориентировка костяка по линии В–З.

Антропологический материал плохой сохранности, представлен несколькими фрагментами костей черепа, фрагментами костей рук и ног. Погребенный лежал вытянуто на спине, руки, по-видимому, были согнуты в локтях и сложены на тазе. Ноги вытянуты прямо.

Вещевой материал состоит из развала керамического сосуда, найденного в области левого плеча. В 14 см к Ю от левого бедра найдены 2 железных предмета, один из которых может быть опознан как скобель. К Ю от левой бедренной кости и к З от железных предметов обнаружена бронзовая бусина.

Погребение 30: уч. А, Б-02, нарушено пахотой. Уровень фиксации 14,5–24 см, площадь распространения находок 168 x 70 см.

Антропологический материал включает несколько фрагментов костей черепа и конечностей. Ориентировка погребения по линии З–В.

Вещевой инвентарь. В 50 см к ЮВ от костей черепа найдена бусина. В 70 см к ЮЮВ обнаружен фрагмент керамического сосуда, еще несколько фрагментов встречено в 125 см к ВЮВ от костей черепа в 2 см от костей ног.

Погребение 31: уч. б, э-3, уровень фиксации 5 – 34 см. Расположено на склоне.

Антропологический материал удовлетворительной сохранности представлен костями черепа, ключицами, ребрами, трубчатыми костями конечностей. Анатомический порядок нарушен сползанием слоев, сохранился лишь в районе верхней части грудной клетки. Площадь залегания антропологического материала 59 x 290 см. Судя по расположению костей, погребенный был уложен вытянуто на спине головой на ЮВ.

Вещевой материал: железный проушной топор (рис. 16, 2), расположенный с правой стороны погребенного, предположительно в районе пояса; железный наконечник стрелы слева, предположительно в районе бедер (рис. 17, 12).

Погребение 32: уч. б, э-3, повреждено пахотой и естественным сползанием земли с обрывом. Уровень фиксации 8–31 см, площадь распространения находок 420 x 45 см. Ориентировка ССЗ–ЮЮВ.

Антропологический материал представлен костями рук, грудной клетки (ребра), таза и ног, череп отсутствует (уничтожен обрывом). Погребенный лежал на спине, ноги вытянуты прямо.

Вещевой материал. Среди реберных костей найдены костяной кочедык и фрагментарно сохранившийся нож. В 30 см к ССЗ от костей грудной клетки и в 22 см к ЮЮВ от костей рук обнаружено несколько фрагментов бронзовой цепочки (рис. 18, 5). В 40 см к СЗ от грудной клетки и в 20 см к Ю от костей рук встречены железный наконечник стрелы (рис. 17, 14) и неопознанный железный предмет.

Погребение 33: уч. э-3, уровень фиксации 19–24 см. Расположено на склоне.

Антропологический материал представлен фрагментированными костями черепа, нижней челюстью, отдельными позвонками, ребрами. Анатомический порядок нарушен сползанием слоев. Площадь залегания антропологического материала 22 x 100 см. Судя по расположению костей, погребенный был ориентирован головой на ЮВ.

Вещевой материал. В погребении обнаружены 2 бусины (предположительно в районе грудной клетки), поясная накладка (рис. 15, 3).

Погребение 34: уч. А-3, уровень фиксации 15,5–17,5 см.

Антропологический материал. Костяк детский, фрагментарно сохранились кости черепа, ребра. Судя по расположению костей, погребенный был уложен на спину головой на СЗ.

Вещевой материал отсутствует.

Погребение 35: уч. э-3, уровень фиксации 20–31,5 см.

Антропологический материал включает кости черепа.

Вещевой материал состоит из керамического сосуда диаметром 10 см, найденного в 3 см к Ю от костей черепа (рис. 14, 3).

Погребение 36: уч. б-4, уровень фиксации 10–22 см.

Антропологический материал. Костяк детский, фрагментарно сохранились кости черепа, ребра. Судя по их расположению, погребенный был уложен на спину головой на С–С3.

Вещевой материал. Справа от черепа в 7 см обнаружен развал глиняного лепного сосуда (рис. 14, 1). Справа от черепа в 3 см – крупная бусина. В районе грудной клетки зафиксировано нагрудное украшение, состоявшее из низких бусин и подвески, изготовленной из серебряной монеты (дирхем).

Погребение 37: уч. б-3, уровень фиксации 11–21 см.

Антропологический материал. Детский костяк представлен фрагментами черепа, ребер, трубчатыми костями рук и ног. Анатомическое расположение костей не нарушено. Судя по их расположению, погребенный был уложен вытянуто на спине головой на ЮВ.

Вещево́й материа́л. Справа от черепа обнаружен тигель конусовидной формы (рис. 14, 10). В районе ребер зафиксирована бронзовая привеска (рис. 20, 19), в ногах – скопление известковых камней.

Погребение 38: уч. б-3, уровень фиксации –15–21,5 см.

Антропологи́ческий материа́л представлен фрагментами черепа, ребер, таза, бедренными костями ног. Анатомическое расположение костей не нарушено. Судя по их положению, погребенный был уложен вытянуто на спине головой на С3.

Вещево́й материа́л. Справа от костей таза обнаружены остатки бронзовой вещи, которая при расчистке разрушилась. Под окислами от бронзовой вещи сохранились остатки коры или луба, который, вероятно, был подстелен под погребенным.

Погребение 39: уч. э-4, уровень фиксации – 11–21 см.

Антропологи́ческий материа́л. Костяк детский, фрагментарно сохранились кости черепа, ребра, бедренные кости ног. Длина сохранившегося костяка – 35 см. Судя по положению костей, погребенный был уложен головой на ВЮВ.

Вещево́й материа́л. В головах погребенного обнаружен развал глиняного лепного сосуда плохой сохранности, в районе грудной клетки зафиксирован бубенчик (рис. 20, 23).

Погребение 40: уч. А-02, уровень фиксации 22–30 см, разрушено сползанием земли с обрыва.

Антропологи́ческий материа́л состоит из фрагментов костей ног и таза, верхняя часть костяка разрушена, очевидно, обрывом. Ориентировку погребения можно определить как ЗС3.

Вещево́й материа́л отсутствует.

Погребение 41: уч. а, А-02 (рис. 8), уровень фиксации 6–26 см, разрушено пахотой и естественным сползанием грунта с обрыва.

Антропологи́ческий материа́л, представлен фрагментом нижней челюсти и кости ноги. Условно к погребению отнесены несколько неопознанных фрагментов костей, найденных в 65 – 85 см к В от остатков черепа. Ориентировка по линии В–З.

Вещево́й материа́л. Рядом с условно отнесенными к погребению фрагментами костей и в 50–80 см к В от костей черепа найдено небольшое скопление стеклянных бус (17 экз.), которые также условно отнесены к этому погребению. В 10 см к С от костей черепа найдено несколько фрагментов керамического сосуда и отдельно лежащая стеклянная бусина. Еще 7 бусин найдено в 60 см к З от костей черепа, вместе с железным ножом. В 45 см ЗС3 от костей черепа найдены бронзовая привеска (рис. 18, 4) и бронзовая подвеска-конек (рис. 18, 3). На расстоянии 120–205 см к ЗС3 от костей черепа и 10 см от кости ноги найден развал керамического сосуда сильно «расползшегося» по склону.

Погребение 42: уч. А, Б-02, разрушено пахотой, уровень фиксации 27–37 см. Площадь распространения материала 50 х 80 см.

Антропологи́ческий материа́л плохой сохранности, анатомический порядок нарушен. В погребении сохранилось лишь несколько фрагментов костей конечностей. Ориентировку удалось установить лишь частично – по линии В–З (кости черепа не сохранились).

Вещево́й материа́л представлен двумя бронзовыми подвесками-колбочками, железным проушным топором (рис. 16, 3) и 4 железными клиньями к нему. Один из клиньев находился в топоре и был расположен поперек линии обух – рабочее лезвие.

Погребение 43: уч. э-4, уровень фиксации 3–17,5 см.

Антропологи́ческий материа́л. Костяк детский, фрагментарно сохранились кости черепа, ребра, трубчатые кости. Анатомический порядок нарушен. Площадь распространения материалов – 78 х 35 см.

Вещево́й материа́л. В головах погребенного обнаружен развал плохо обожженного глиняного лепного сосуда. В головах и справа от костяка зафиксированы скопления камней.

Погребение 44: уч. а-3, уровень фиксации 22–28 см.

Антропологи́ческий материа́л. Костяк детский, представлен фрагментированными костями черепа, ребрами, позвонками, фрагментами костей таза, трубчатыми костями верхних

и нижних конечностей. Анатомическое расположение костей не нарушено. Особенности расположения костей: череп фрагментирован, кости левой руки согнуты в локтевом суставе под углом 110°, остатки пясти помещены в районе пояса; кости левого плечевого сустава расположены выше относительно подобных костей правого. Плечевая кость правой руки уложена параллельно центральной линии костяка, лучевые кости правой руки смешены в районе локтевого сустава относительно линии «плечо-запястье» на 25°. Анатомический порядок лучевых костей не нарушен. Возможно, предплечье было смешено при разложении мягких тканей или повреждено грызунами. Кости левой ноги лежали вытянуто, кости правой ноги согнуты наружу в коленном суставе под углом 142°. Кости стоп разрушены. Длина костяка – 38 см, ширина в плечевых суставах – 9 см, расстояние между головками тазобедренными суставов бедренных костей – 6 см. Судя по расположению костей, погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на С3. Левая рука была согнута, кисть уложена на живот.

Вещевой материал представлен низкой бус и бронзовым предметом (рассыпалась), расположенным в районе шейных позвонков, ниже фрагмента нижней челюсти. В районе ребер, слева обнаружены остатки бронзовых спиралевидных пронизок (рассыпались) и бронзовая бусина. Под бронзовыми предметом зафиксировано пятно черной органики (возможно следы остатков одежды или подстилки).

Погребение 45: уч. Б-02, уровень фиксации 36–41 см.

Антропологический материал включает несколько фрагментов черепа.

Вещевой материал состоит из маленького керамического сосуда, найденного в 7 см к СС3 от костей черепа и костяной ложки, лежавшей рядом с сосудом (рис. 14, 4).

Погребение 46: уч. б-3, уровень фиксации 18–23 см.

Антропологический материал. Костяк детский, удовлетворительной сохранности, представлен фрагментированными костями черепа, ребрами, позвонками, фрагментами таза, трубчатыми костями верхних и нижних конечностей. Анатомическое расположение костей не нарушено. Череп фрагментирован, но по расположению фрагментов нижней челюсти можно предположить, что череп был повернут лицевой стороной на С, левая ключица смешена. Кости правой руки согнуты в локтевом суставе наружу под углом 150°. Кости левой руки согнуты в локтевом суставе внутрь под углом 140°. Линия спинных позвонков S-образно искривлена. Кости правой ноги согнуты в коленном суставе под углом 160°, правой – 140°. Бедренные кости обеих ног параллельны, берцовые – согнуты внутрь. Кости стоп не сохранились. Длина костяка – 47,5 см, ширина в плечевых суставах – 10 см, ширина костей таза – 7,5 см. Судя по расположению костей, погребенный был уложен вытянуто на спине головой на ВЮВ.

Вещевой материал. В головах погребенного, слева от черепа обнаружен развал плохо обожженного глиняного лепного сосуда.

Погребение 47: уч. А-01,02, уровень фиксации 59,5–68,5 см. Площадь распространения находок 300 x 40 см. Значительная часть погребения разрушена естественным сползанием обрыва.

Антропологический материал. Фрагментарно сохранились кости ног, лежавшие вытянуто, параллельно друг другу, кости стопы располагались прямо вытянуто. Ориентировка по линии ЗС3–ВЮВ.

Вещевой материал. Условно к комплексу погребения были отнесены один фрагмент керамического сосуда и 3 бусины, найденные в 165 см к ВЮВ от костей стопы. Также условно, но с большей степенью уверенности к этому захоронению отнесены несколько фрагментов керамического сосуда и одна бусина.

Погребение 48: уч. Б, В-03, уровень фиксации 24–32 см. Могильная яма подпрямоугольной формы шириной 52 см, углы и в плане и на профиле скруглены. Заполнение – светло-серый гумусированный суглинок. Значительная часть была разрушена в древности во время совершения захоронения 49, оставшаяся часть в дальнейшем была повреждена пахотой. Погребение ориентировано по линии ВЮВ–ЗС3.

Антропологический материал состоит из частично сохранившихся костей черепа и рук. По-видимому, погребенный лежал вытянуто на спине, руки вдоль туловища.

Вещево́й материа́л беден. В 6 и 11 см к С3, ниже костей черепа были найдены два зуба травоядного животного.

Погребение 49: уч. Б, В-03, уровень фиксации 20–31 см. Яма подпрямоугольной формы шириной 68 см, углы скруглены. Заполнение светло-серый гумусированный суглинок.

Антропологи́ческий материа́л. Сохранившиеся кости черепа и конечностей лежали в анатомическом порядке. Погребенный лежал вытянуто на спине. Голова повернута вправо и вниз, левая рука вытянута вдоль туловища, правая немного отстоит в сторону. Ноги лежали вытянуто. Погребение ориентировано по линии ВЮВ–СЗС.

Вещево́й материа́л захоронения включает бусину, найденную на черепе, несколько фрагментов плохо обожженного керамического сосуда, обнаруженного около левого бедра, в районе берцовых костей обнаружены наконечник стрелы (рис. 17, 2) и нож.

Погребение 50: уч. Б, В-03, уровень фиксации 17–25 см. Очертания ямы зафиксированы условно и не полностью. Заполнение – светло-серая гумусированная супесь, переходящая в красно-коричневую материковую глину.

Антропологи́ческий материа́л представлен плохо сохранившимися костями черепа. Ориентировка из-за отсутствия костей скелета, кроме черепа плохой сохранности и неуверенной фиксацией могильной ямы, не выяснена.

Вещево́й материа́л состоит из найденных вокруг черепа фрагментов развали керамического сосуда.

Погребение 51: уч. б, э-3, уровень фиксации 18–26 см.

Антропологи́ческий материа́л представлен трубчатыми костями конечностей, фалангами пальцев. Атомический порядок разрушен сползанием слоев, сохранился лишь в районе плюсны и берцовых костей ног. Берцовые кости уложены параллельно, ступни развернуты носками наружу. Площадь залегания антропологического материала 30 x 258,5 см. Судя по расположению костей, погребенный был уложен вытянуто на спине головой на С3.

Вещево́й инвентарь не обнаружен.

Погребение 52: уч. б-3, уровень фиксации 22–26 см. На дне обнаружены остатки органического тлена, предположительно от подстилки.

Антропологи́ческий материа́л. Костяк детский, представлен фрагментированными костями черепа, ребрами, фрагментами трубчатых костей верхних и нижних конечностей. Особенности расположения костей: кости черепа сильно фрагментированы, но, судя по расположению фрагментов нижней челюсти и зубов, череп был повернут лицевой стороной на ЮЗ. Фрагменты плечевой и лучевых костей правой руки позволяют предположить, что кости руки были согнуты вовнутрь в локтевом суставе под углом 115°. Кости ног сильно разрушены, но остатки бедренных костей позволяют предположить, что они были согнуты влево под углом 120° относительно предполагаемой осевой линии костяка. Судя по расположению костей, погребенный был либо уложен вытянуто на спине, либо на левом боку со скорченными ногами головой на ЮВ. Правая рука была согнута в локте, кисть, предположительно, находилась в районе пояса.

Вещево́й материа́л не обнаружен.

Погребение 53: уч. Б-03, разрушено погребением 54. Уровень фиксации 17–25 см.

Антропологи́ческий материа́л представлен костями черепа. Череп лежит прямо, на затылке. Судя по костям черепа, погребение было ориентировано по линии В-3.

Вещево́й материа́л представлен серебряной монетовидной подвеской с бронзовым ушком, обнаруженной под нижней челюстью.

Погребение 54: уч. Б-03, уровень фиксации 13–20 см. Повреждено естественным сползанием земли с обрыва. Ориентировано по линии В-3.

Антропологи́ческий материа́л представлен фрагментами костей черепа, одним фрагментом кости руки и несколькими фрагментами костей ног. Анатомический порядок расположения нарушен обрывом. Погребенный лежал вытянуто на спине.

Вещево́й материа́л состоит из низких бронзовых бусин (5 экз.), обнаруженных под черепом, железного ножа, найденного в предполагаемой области тазо-бедренных костей ног и развали керамического сосуда, залегавшего между костями ног.

Погребение 55: уч. А, Б-01, глубина фиксации 31–46 см. Очертания ямы не зафиксированы, площадь распространения находок 138 x 38 см. Погребение ориентировано по линии В–З. Между бедренными костями зафиксирован тлен – дно могильной ямы. В области головы – правого предплечья – вкрапления угля.

Антропологический материал представлен фрагментами костей черепа, рук и ног. Погребенный лежал вытянуто на спине. Голова повернута влево и вниз, руки сложены вдоль туловища, ноги слегка согнуты в коленях.

Вещевой материал. В районе головы–правого плеча погребенного обнаружен развал керамического сосуда. Между ног, на уровне колен найдено бронзовое кольцо (рис. 20, 37).

Погребение 56: уч. В-04 (рис. 9), глубина фиксации 24–34 см. Площадь распространения находок 156 x 33 см. Погребение ориентировано по линии В–З.

Антропологический материал представлен фрагментами костей черепа, ребер, рук и ног. Погребенный лежал вытянуто на спине.

Вещевой материал. Между ног, в области бедер обнаружен керамический сосуд, отдельный фрагмент сосуда найден в 40 см к С от костей правой руки. В области грудной клетки найдена гривна глазовского типа, а в правой части грудной клетки – привеска в форме «утиной лапки» (рис. 18, 2).

Погребение 57: уч. Б, В-04, глубина фиксации 22–32 см. Площадь распространения находок 151 x 30 см.

Антропологический материал представлен костями черепа, фрагментами костей рук и костями ног. Погребение ориентировано по линии В–З. Погребенный был уложен вытянуто на спине, голова повернута вправо и вниз, ноги вытянуты, детали положения рук не определены.

Вещевой материал. В предполагаемой области грудной клетки – левой руки сохранилось несколько фрагментов керамического сосуда, еще несколько фрагментов сосуда обнаружено в области таза – правой кисти. В 3 см к Ю от кости левой руки обнаружен зуб травоядного животного – возможно, остатки содержимого глиняного сосуда. В области шеи – живота найдены бусины.

Погребение 58: уч. б-2, уровень фиксации 14–41 см. Расположено на склоне.

Антропологический материал. Костяк представлен фрагментированными частями костей черепа, зубами, трубчатыми костями конечностей. Анатомический порядок расположения костей полностью нарушен сползанием слоев. Площадь залегания антропологического материала 81 x 205 см. Судя по расположению фрагментов костей, погребенный был ориентирован по линии СЗ–ЮВ.

Вещевой материал. К СВ от фрагментов черепа обнаружен железный предмет.

Погребение 59: уч. В-04, глубина фиксации 31,5–42 см. Площадь распространения находок составляет 127 x 34 см. Ориентировка по линии В–З.

Антропологический материал представлен фрагментами костей черепа и ног. Детали позы погребенного не ясны, но, по-видимому, костяк лежал вытянуто на спине. Кости ног лежали параллельно друг другу.

Вещевой материал сосредоточен вокруг костей черепа. В 8 см к З, ниже костей черепа, найдена низка стеклянных бус (9 экз.), скопление из 6 бусин обнаружено в 14 см к ЮЗ от костей черепа, вместе с ними найдено серебряное украшение (рис. 19, 13), отдельные бусины встречены также непосредственно среди костей черепа. В верхней части черепа лежало проволочное бронзовое височное кольцо, обернутое золотой фольгой и загнутое в полтора оборота (рис. 20, 39).

Погребение 60: уч. В-04, уровень фиксации 23,5–37 см. Ориентировка по линии З–В.

Антропологический материал представлен костями черепа и берцовыми костями ног. Челеп лежал на правом виске. Берцевые кости ног скрещены.

Вещевой материал не обнаружен.

Погребение 61: уч. б-2, уровень фиксации 32–44 см. Обнаружено на склоне, в районе погребения зафиксированы остатки органического тлен (предположительно коры).

Антропологический материал представлен фрагментами костей черепа, зубами, ребрами, трубчатыми костями верхних конечностей. Анатомический порядок расположения костей полностью нарушен сползанием слоев. Площадь залегания 46 x 123 см. Судя по расположению костей, погребенный был ориентирован головой на ЮВ.

Вещевой материал не обнаружен.

Погребение 62: уч. Б, В-04, глубина фиксации 30–53 см. Площадь распространения находок 194 x 71 см. Погребение нарушено естественным сползанием земли с обрыва.

Антропологический материал представлен фрагментами костей черепа, рук и ног. Погребенный ориентирован по линии В–З и был уложен вытянуто на спине, голова – на затылке. Правая рука вытянута вдоль тела, положение левой не ясно из-за плохой сохранности. Ноги вытянуты параллельно друг другу.

Вещевой материал. В области шеи и правой части груди встречено несколько стеклянных бусин. Около берцовой кости левой ноги (в 10,5 см к ЮЮЗ) найден развал керамического сосуда, в 5 см к ВЮВ от него – железный нож. Возможно, нож первоначально располагался вместе с сосудом, но впоследствии сосуд сполз вниз по склону. Также в погребении встречены 2 бронзовые пряжки (рис. 15, 1, 13). Первая в предполагаемой области пояса-таза, вторая – в области костей стопы правой ноги.

Погребение 63: уч. Б-03 (рис. 10), уровень фиксации 15,5–36 см, разрушено естественным сползанием грунта со склона и пахотой.

Антропологический материал включает фрагменты костей черепа, кости руки и фрагменты костей ног. Анатомическое расположение костей нарушено: в 30 см к ЮЮЗ от костей черепа найдены 5 зубов. Погребение ориентировано по линии ВЮВ–ЗСЗ. Погребенный лежал, скорее всего, вытянуто на спине, но более полно восстановить позу не удалось из-за крайне плохой сохранности костей конечностей.

Вещевой материал. Обнаружены 2 развала керамических сосудов. Первый располагался в районе предполагаемого левого плеча погребенного, второй – в области пояса – таза. Вместе со вторым сосудом найдены круглый незамкнутый бронзовый браслет и железный нож. В предполагаемой области шеи-груди найдено нагрудное украшение, состоящее из низок стеклянных бус. Среди фрагментов костей левой ноги найдена бронзовая пряжка (рис. 15, 11).

Погребение 64: уч. б-2, уровень фиксации –39–56 см. В районе погребения зафиксированы остатки органического тленя (предположительно коры).

Антропологический материал представлен фрагментированными частями костей таза, трубчатыми костями нижних конечностей. Анатомический порядок расположения костей полностью нарушен сползанием слоев. Судя по расположению костей, погребенный предположительно был ориентирован головой на ЮВ.

Вещевой материал не обнаружен.

Погребение 65: уч. Б-03, уровень фиксации 22–34 см.

Антропологический материал состоит из костей черепа плохой сохранности. Другие кости отсутствуют. Ориентировка черепа, судя по сохранившимся зубам, скорее всего по линии В–З.

Вещевой инвентарь отсутствует.

Возможно, к этому погребению относится и обнаруженное в 38 см к ВЮВ детское безинвентарное погребение 66, также состоящее только из костей черепа.

Погребение 66: уч. Б-03, уровень фиксации 33 см.

Антропологический материал представлен костями черепа плохой сохранности, принадлежащие ребенку. Другие кости отсутствуют. Ориентировка черепа неясна.

Вещевой материал отсутствует.

Возможно, к этому погребению относится и обнаруженное в 38 см к ЗСЗ взрослое безинвентарное погребение № 65, также состоящее только из костей черепа.

Погребение 67: уч. В-03, уровень фиксации 34–45 см. На поверхности не прослеживалось, очертания могильной ямы не зафиксированы. Погребение повреждено пахотой.

Антропологический материал представлен фрагментами костей черепа плохой сохранности, другие антропологические остатки не обнаружены. Ориентировка погребения, судя по костям черепа и россыпи бус, скорее всего по линии СЗ–ЮВ.

Вещевой материал погребения состоит из развала керамического сосуда (верхняя часть разрушена пахотой), найденного в 2 см к Ю от костей черепа. Три отдельных фрагмента керамического сосуда обнаружены в 10 см к С от костей черепа. В области челюсти лежала бронзовая спиралевидная подвеска. Рассыпь стеклянных бусин встречена в области черепа – в 15 см к ЮВ от костей черепа.

Погребение 68: уч. э-2, уровень фиксации 41–49 см. Очертания могильной ямы не зафиксированы.

Антропологический материал плохой сохранности представлен фрагментом кости таза и бедренной кости. Анатомический порядок расположения полностью нарушен сползанием слоев. Площадь залегания антропологического материала 16 x 18 см.

Вещевой материал. В погребении обнаружена железная круглая поясная пряжка с язычком (рис. 15, 16).

Погребение 69: уч. В-06, уровень фиксации находок 30–70 см. На поверхности не фиксировалось. Расположено на краю обрыва. Очертания могильной ямы не зафиксированы. Площадь с находками составляет 38 x 173 см. Ориентировка погребения по линии ЮВ–СЗ.

Антропологический материал неплохой сохранности. Анатомический порядок костей нарушен естественным сползанием земли с обрыва. В погребении обнаружены кости черепа, позвоночника и ребер, а также рук. Кости таза и ног, по-видимому, разрушены обрывом. Погребенный лежал вытянуто на спине, руки – вдоль туловища.

Вещевой инвентарь из-за нарушения первоначального порядка может быть привязан к костям лишь условно. Справа от головы обнаружен развал плохо обожженного керамического сосуда. Ниже, в 3 см к С от костей черепа, найдена бронзовая круглая височная подвеска-серьга (рис. 20, 36). В 1,5 см к З от костей черепа обнаружена калачевидная височная подвеска (рис. 19, 4). В 3 см к ЮВ от нее лежали 4 бронзовые подвески-пуговицы.

Погребение 70: уч. В, Г-04, уровень фиксации 40–65 см. На поверхности не прослеживалось, очертания могильной ямы не зафиксированы. Площадь распространения находок составляет 110 x 40 см. Ориентировано по линии СЗ–ЮВ.

Антропологический материал плохой сохранности представлен костями черепа, костями рук и левой ноги. Погребенный лежал вытянуто на спине. Правая рука вытянута вдоль тела и слегка согнута в локте, левая уложена таким образом, что кисть находилась в области правого плеча. Кости левой ноги лежали прямо. В погребении зафиксирован тлен толщиной 0,5 см, идущий полосой от правого предплечья и до колена левой ноги, по всей вероятности, – дно могильной ямы. Отдельное пятно тлена меньшей толщины обнаружено внутри развала керамического сосуда, оставшегося, по всей вероятности, от погребальной пищи.

Вещевой инвентарь представлен разрушенным пахотой керамическим сосудом, найденным в 5 – 34 см к СВ от колена – берцовой кости левой ноги.

Погребение 71: уч. Б, В-03, 04, уровень фиксации 25–33 см. На поверхности не фиксировалось, очертания могильной ямы не обнаружены. Ориентировка погребения по линии В–З. Погребение нарушено естественным сползанием обрыва.

Антропологический материал удовлетворительной сохранности, анатомический порядок незначительно нарушен обрывом. Погребенный лежал вытянуто на спине, голова повернута вниз – к правому плечу. Правая рука согнута в локте таким образом, что кисть, предположительно, должна была находиться на правом бедре. Кисть левой руки, напротив отодвинута от бедер. Ноги вытянуты прямо, слегка сдвинуты в коленях, берцовые кости сохранились лишь фрагментарно.

Вещевой материал. На груди погребенного найдены 2 фрагмента от бронзового ушка (возможно, принадлежавших несохранившейся подвеске), 2 бронзовых привески-пуговицы, 2 стеклянные бусины и скопление мелкого бисера белого, желтого и коричневого цвета. В ногах погребенного найдено несколько фрагментов керамического сосуда.

Погребения 72–73: уч. В-05. Уровень фиксации 31,5–43 см. Погребения выделены благодаря обнаружению скопления костей (2 плохо сохранившихся черепа и кости руки) и предметов (развал сосуда, 2 круглых бронзовых подвески и железное калачевидное кресало). Возможно, что погребения были совершены одновременно. В условиях отсутствия очертаний могильных ям (ямы), распределение предметов произведено условно, ориентировка погребений не определена.

Погребение 72. На поверхности не фиксировалось, очертания могильной ямы не обнаружены. Ориентировка погребения не ясна. Погребение нарушено естественным сползанием обрыва.

Антропологический материал плохой сохранности и состоит из костей черепа и условно отнесенных к этому погребению (см. выше) костей руки.

Вещевой материал состоит из обнаруженной среди костей черепа круглой бронзовой подвески (рис. 19, 14) и условно отнесенного к этому погребению развала керамического сосуда.

Погребение 73. На поверхности не фиксировалось, очертания могильной ямы не обнаружены. Ориентировка не ясна, погребение нарушено естественным сползанием обрыва.

Антропологический материал плохой сохранности и состоит из костей черепа, а также лежащего в 60 см к СС3 фрагмента нижней челюсти.

Вещевой материал состоит из обнаруженной среди костей черепа круглой бронзовой подвески (рис. 19, 15) и найденного в 30 см к С от костей черепа железного кресала калачевидной формы (рис. 15, 18).

Погребение 74, уч. Г-05. Уровень фиксации 48,5–50,5 см. Очертания могильной ямы не зафиксированы. По расположению остатков зубов и инвентаря, можно предположить, что погребенный был ориентирован головой приблизительно на З–СЗ.

Антропологический материал. Погребение детское. При расчистке обнаружены остатки молочных зубов (рассыпались).

Вещевой материал: бубенчик, привешенный к плетеному шнурку (рис. 20, 24), на который были нанизаны спиралевидные пронизки (рис. 20, 14), фрагмент кожи, прикрепленный к шнурку, пластина белого металла (разрушилась), железный нож с обломанным кончиком.

Погребение 75: уч. В, Г-07, уровень фиксации 48,5–50,5 см. На поверхности не прослеживалось, очертания могильной ямы не зафиксированы. Площадь распространения находок составляла 232 x 49 см. Погребение нарушено пахотой и естественным сползанием обрыва.

Антропологический материал хорошей сохранности, но анатомический порядок расположения костей нарушен естественным сползанием обрыва. Ориентировка погребения по линии ВЮВ–ЗС3. Погребенный лежал выпянуто на спине, голова прямо на затылке, руки вдоль туловища, кости кистей и фаланг пальцев не сохранились, бедренные кости ног лежали прямо, правая бедренная кость «съехала» по склону дальше левой, кости ног ниже колен не сохранились.

Вещевой материал. В 4 см к Ю от левой части черепа найден развал донной части керамического сосуда, одиночный фрагмент керамического сосуда встречен в 11 см к ССВ от костей таза. В области предполагаемого правого виска найдена бронзовая кольцевидная серьга. Среди костей таза обнаружено пряслице. В 9 см от правого виска погребенного найдено небольшое скопление стеклянных бусин, отдельные разрозненные бусины встречены также в области костей черепа, правого плеча и торса погребенного.

Погребение 76: уч. В, Г-06, 07, уровень фиксации 20–31 см. На поверхности не прослеживалось, очертания могильной ямы не зафиксированы. Погребение нарушено пахотой и естественным сползанием обрыва, ориентировка по линии ССВ–ЮЮЗ.

Антропологический материал состоял из фрагментов костей черепа и костей конечностей, анатомический порядок нарушен.

Вещевой материал погребения состоял из нескольких фрагментов разрушенного пахотой сосуда.

Погребение 77: уч. В-06, 07 (рис. 11), уровень фиксации 17–34 см. На поверхности не прослеживалось, очертания могильной ямы не зафиксированы. Площадь распространения находок 155 x 135 см, ориентировка по линии ЮЮЗ–ССВ.

Антропологический материал погребения хорошей сохранности, но анатомический порядок расположения нарушен естественным сползанием обрыва. Погребенный лежал вытянуто на спине, голова повернута направо, руки вытянуты вдоль тела (кисти рук не сохранились), ноги вытянуты прямо.

Вещевой инвентарь. В области правого плеча найдено бронзовое украшение с остатками кожи, около костей левого плеча обнаружен развал керамического сосуда, несколько отдельных фрагментов керамического сосуда в области таза. В погребении встречены 2 железных ножа, оба возле левого плеча: один среди развали керамического сосуда, другой – в 17 см к СВ от первого. Среди костей позвоночника найдены: в верхней части – монетовидная подвеска с ушком; в средней – неопределенный железный предмет; в нижней – поясная пряжка (рис. 15, 14). В области верхней части правой бедренной кости найден железный наконечник стрелы (рис. 17, 9).

Погребение 78: уч. В, Г-06, 07, уровень фиксации 19–35 см. На поверхности не прослеживалось, очертания могильной ямы не зафиксированы. Площадь распространения находок 185 x 43 см. Погребение располагалось на склоне, разрушено пахотой и естественным сползанием обрыва. Ориентировка по линии ЮВ–СЗ.

Антропологический материал состоял из фрагментов костей черепа, конечностей, позвоночника и нескольких ребер хорошей сохранности, но анатомический порядок их расположения нарушен.

Вещевой материал состоял из нескольких фрагментов разрушенного пахотой керамического сосуда расположенных в нижней части погребения. В верхней части погребения встречены несколько бусин. В середине, рядом с костями нижней челюсти, найдена бронзовая подвеска-пуговица (рис. 20, 17).

Погребение 79: уч. Б, В-05, 06, глубина фиксации 4–36 см. На поверхности не прослеживалось, могильная яма не зафиксирована. Площадь распространения находок 335 x 35 см. Погребение располагалось на склоне, ориентировка по линии З–В.

Антропологический материал плохой сохранности, анатомический порядок расположения костей нарушен оседанием обрыва. В погребении найдены фрагменты костей черепа и костей ног. Погребенный лежал вытянуто на спине, ноги уложены прямо.

Вещевой материал. Среди костей черепа и несколько южнее найдены бронзовая шейная гривна, несколько стеклянных бусин и 4 бронзовые бусины. В 3–10 см от правой берцовой кости найдены детали пояса – 6 железных предметов (рис. 15, 4–8, 12). В 9 см к ЮВ от последних сохранившихся костей ног найден железный нож, в 24 см – фрагменты днища керамического сосуда, а в 40 см к ВЮВ – железный проушной топор, воткнутый в землю (рис. 16, 5).

Погребение 80: уч. В-05, глубина фиксации 30–43 см. На поверхности не прослеживалось, могильная яма не зафиксирована. Площадь распространения находок 70 x 40 см.

Антропологический материал плохой сохранности, представлен фрагментами костей черепа, других костных останков не обнаружено. Ввиду плохой сохранности и недостаточного количества костей ориентировка может быть определена условно как восточная.

Вещевой материал расположен в плотную к черепу. С южной стороны черепа найден развал керамического сосуда (рис. 14, 7), отдельный фрагмент сосуда найден в 20 см к З. Несколько бусин обнаружено среди костей черепа и в развале сосуда. В 2 см к З от костей черепа найдена бронзовая привеска-колбочка.

Погребение 81: уч. В-05 (рис. 12), глубина фиксации 15,5–48 см от нулевого репера. На поверхности не прослеживалось, могильная яма не зафиксирована. Площадь распространения находок 135 x 32 см. Погребение находится на склоне.

Антропологический материал плохой сохранности состоит из нескольких фрагментов костей черепа (в основном зубы) и лежащего в стороне одиночного фрагмента человеческой кости, который отнесен к погребению условно. Ориентировка и поза погребенного невосстановимы.

Вещевой материал погребения расположен двумя группами: вокруг костей черепа и рядом с одиночным фрагментом человеческой кости, отнесенным к этому комплексу условно.

В первую группу предметов входит развал сосуда, залегавший в 15 см к ЮВ от костей черепа, 4 лежащих порознь бронзовых бусины, найденных среди костей черепа и в развале керамического сосуда, 3 также найденных порознь стеклянных бусины, калачевидная серьга (рис. 19, 3) и медное ушко от подвески. Ко второй группе предметов относятся бронзовая бусина и подвеска уточка (рис. 18, 8), вокруг последней зафиксированы остатки кожи и меха.

Погребение 82: уч. В-05, глубина фиксации 33–41 см. На поверхности не прослеживалось, могильная яма не зафиксирована. Площадь распространения находок 45 x 20 см.

Антропологический материал плохой сохранности состоит из нескольких фрагментов костей черепа (в основном зубы). Ориентировка погребения условно как южная.

Вещевой материал погребения состоит из двух россыпей бусин, встреченных среди костей черепа и в 10 см к ЗСЗ. В 20 см к С от костей черепа найден фрагмент бронзовой пластины. В 25 см к СЗ обнаружена бронзовая подвеска-колбочка.

Погребение 83: уч. В-05, глубина фиксации 33,5–50,5 см. На поверхности не прослеживалось, могильная яма не зафиксирована. Площадь распространения находок 63 x 20 см. Погребение находится на склоне.

Антропологический материал, плохой сохранности, представлен фрагментами костей черепа, других костей не найдено. Ориентировка погребения может быть дана, в известной степени, условно как ЮЮЗ.

Вещевой материал. В 22 см к ЮЮЗ от костей черепа найдено скопление бусин. В 12 см к ЮЮЗ – несколько фрагментов керамического сосуда. В непосредственной близости от костей черепа обнаружено скопление бронзовых спиралевидных пронизок плохой сохранности.

Погребение 84: уч. В, Г-08 (рис. 13), глубина фиксации 14–32 см. На поверхности не прослеживалось, могильная яма не зафиксирована. Площадь распространения находок 435 x 75 см. Погребение находится на склоне.

Антропологический материал неплохой сохранности, представлен фрагментами костей черепа, рук, позвоночника и ребер, а также костями таза. Нижняя часть костяка разрушена естественным сползанием земли, поэтому несколько фрагментов костей конечностей, обнаруженных ниже, привязаны к этому погребению в значительной степени условно. Погребенный лежал вытянуто на спине с уложенными вдоль туловища руками, кисти рук, возможно, были сложены на бедрах. Ориентировка погребения по линии В-З.

Вещевой материал. На шейных позвонках найдена круглая бронзовая подвеска. В 25 см к С от костей рук найден фрагмент керамического сосуда. В 7 см к ЮВ обнаружен топор (рис. 16, 6).

Погребения 85 А, Б: уч. Г, Д-08, 09, глубина фиксации 19–32 см. На поверхности не прослеживалось, очертания могильной ямы не зафиксированы. Площадь распространения находок 303 x 55 см. Погребение находится на склоне и разрушено естественным сползанием земли.

Антропологический материал погребения 85 А удовлетворительной сохранности, кости расположены в анатомическом порядке, но значительно «расташены» по склону. Погребенный уложен вытянуто на спине, правая рука уложена вдоль туловища, кисть левой уложена на тазовые кости. Ориентировка по линии ЮЮВ–ССЗ.

Антропологический материал погребения 85 Б, принадлежащий по-видимому ребенку, сохранился неудовлетворительно и состоит из костей ребер и фрагментарно сохранившегося зуба. Погребенный, скорее всего, лежал головой на бедре взрослого мужчины (погребение 85 А). Ориентировка по линии ЮЮВ–ССЗ.

Вещевой материал. В области грудной клетки найдена круглая монетовидная подвеска из белого металла с бронзовым ушком, около правой руки располагалось железное кресало (рис. 15, 20), а около левой – железный нож. В области таза рассеяны 18 бусин и 2 бронзовые пронизки (отнесены к погребению 85 А условно, т.к. равно могут принадлежать и погребению 85 Б). В 2 см к ЮВ от костей правой кисти найден железный топор (рис. 16, 7), уложенный лезвием на бедренную кость правой ноги. Также на костях правой ноги найден фрагмент керамического сосуда и бронзовая пронизка. ССВ от правой берцовой кости найдены 2 железных наконечника стрелы (рис. 17, 10, 13).

Погребение 86: уч. Д-010, глубина фиксации 20–34 см. На поверхности не прослеживалось, очертания могильной ямы не зафиксированы. Наружено пахотой. Площадь распространения находок 73 x 29 см.

Антропологический материал состоит из плохо сохранившихся костей черепа (верхняя часть черепа разрушена пахотой) и фрагмента кости конечности (левой руки). Погребение ориентировано на ВЮВ.

Вещевой материал погребения состоит из 2 каменных точильных камней и железного шила.

Погребение 87: уч. Д-09, глубина фиксации 24–29,5 см. На поверхности не прослеживалось, очертания могильной ямы не зафиксированы. Разрушено пахотой. Площадь распространения находок 67 x 52 см.

Антропологический материал плохой сохранности состоит из фрагментов нижней челюсти, 5 зубов и нескольких фрагментов кости правой руки. Судя по взаиморасположению костей и вещей, погребение было ориентировано на С3.

Вещевой материал погребения состоит из компактно расположенных возле черепа 23 бусин, в т.ч. одной бронзовой.

Погребение 88: уч. Д-09, 010, глубина фиксации 44–54 см. На поверхности не прослеживалось, очертания могильной ямы не зафиксированы. Площадь распространения находок 185 x 64 см.

Антропологический материал удовлетворительной сохранности. Кости сохраняют анатомический порядок. Погребенный лежал на спине, руки уложены вдоль тела кистями на костях таза. Погребение ориентировано на ВЮВ.

Вещевой материал: в 25 см к В от костей черепа найдена бронзовая пронизка. Среди костей черепа, с правой стороны обнаружена бронзовая калачевидная серьга, под костями черепа – бронзовая височная подвеска, состоящая из 3 колец. На груди погребенного лежало нагрудное украшение – ожерелье, состоящее из бронзовых спиралевидных пронизок, бронзовых подвесок-колбочек, шаровидных привесок и круглой подвески из белого металла с изображением птицы. Около костей левой руки с внутренней стороны найдены 3 бронзовых подвески-колбочки, возможно принадлежавших нагрудному украшению, и железный наконечник стрелы. К Ю от левой руки, рядом с локтем, найден железный топор с 4 железными клинышками внутри. Зафиксированы остатки поясной гарнитуры, состоящей из двух железных колец, восьмерковидной пряжки и кольцевидной фибулы с 4 шумящими цепочками-привесками на щитковых звеньях (рис. 19, 17). Также на поясе, с левой стороны найден железный нож и половинка железного кресала. Между бедренных костей найден костяной томар, а рядом с левой бедренной костью – развал сосуда.

Погребение 89: уч. Е-012, глубина фиксации 24–35 см. На поверхности очертания не прослеживались, могильная яма не зафиксирована. Площадь распространения находок 98 x 37 см, нарушено естественным сползанием земли с обрыва.

Антропологический материал состоит из фрагментов костей черепа, пол и возраст не определены. Ориентировка – ЮВ.

Вещевой материал. Среди костей черепа найдены 2 железных наконечника стрелы (рис. 17, 3–4), к С3 – развал глиняного сосуда, железный нож.

Погребение 90: уч. Ж, 3-014, глубина фиксации 39–53. На поверхности очертания не прослеживались, могильная яма в виде тлена органики зафиксирована только на уровне дна могилы в области ног и таза. Площадь распространения находок 172 x 37 см.

Антропологический материал удовлетворительной сохранности. Погребенный лежал вытянуто на спине, голова повернута налево, руки согнуты в локтях и уложены на груди, ноги вытянуты. Анатомический порядок расположения костей в целом сохранен за исключением смещенной левой ключицы и одного позвонка, найденного на правой бедренной кости. Погребение ориентировано на ЮВ.

Вещевой материал. На костях черепа найдены остатки сумки (анalogии встречены на более ранних памятниках – Варнинском могильнике и др.) в виде бронзовых накладок, пряжки

(рис. 15, 15) и частично сохранившихся остатков меха и кожи (рис. 18, 11). Рядом с ними найдены неопределенный фрагмент железа и дерево (рукоять?). На поясе погребенного с правой стороны уложен боевой топор (рис. 16, 8) с 3 клинышками (2 железных и 1 бронзовое).

Необычное местонахождение остатков сумки, смещенные ключица и позвонок (при полном анатомическом порядке в остальном) позволяют предположить, что погребение ранее вскрывалось.

Погребение 91: уч. И-019, глубина фиксации 21–27 см. Погребение нарушено современной мусорной ямой и мышиной норой с гнездом, состоящим из современного мусора. На поверхности очертания не прослеживались, могильная яма не зафиксирована. Площадь распространения находок 13 x 24 см.

Антропологический материал сохранился плохо и состоит только из фрагментов костей черепа. Кости черепа ориентированы на ЮВ.

Вещевой материал. Слева от нижней челюсти найден развал небольшого керамического сосуда, справа обнаружены раковина каури и стеклянная трехчастная бусина.

Погребение 92: уч. 3-018, 019, глубина фиксации 23–33 см. Погребение находится на склоне и нарушено естественным сползанием грунта. На поверхности очертания не прослеживались, могильная яма не зафиксирована. Площадь распространения находок 13 x 87 см.

Антропологический материал плохой сохранности и состоит из нескольких фрагментов черепа, нескольких ребер и 4 фрагментов костей конечностей. Погребение ориентировано на ЮВ.

Вещевой материал. Слева от головы найден развал лепного сосуда, внутри сохранились кости грызуна, по предварительному определению Богаткиной О.Г., – белки или сурка. На груди погребенного найдена бронзовая монетовидная подвеска.

Вид на городище.
Иднакар с юго-запада

Вид на Солдырский III (Иднакарский I) могильник с северо-запада

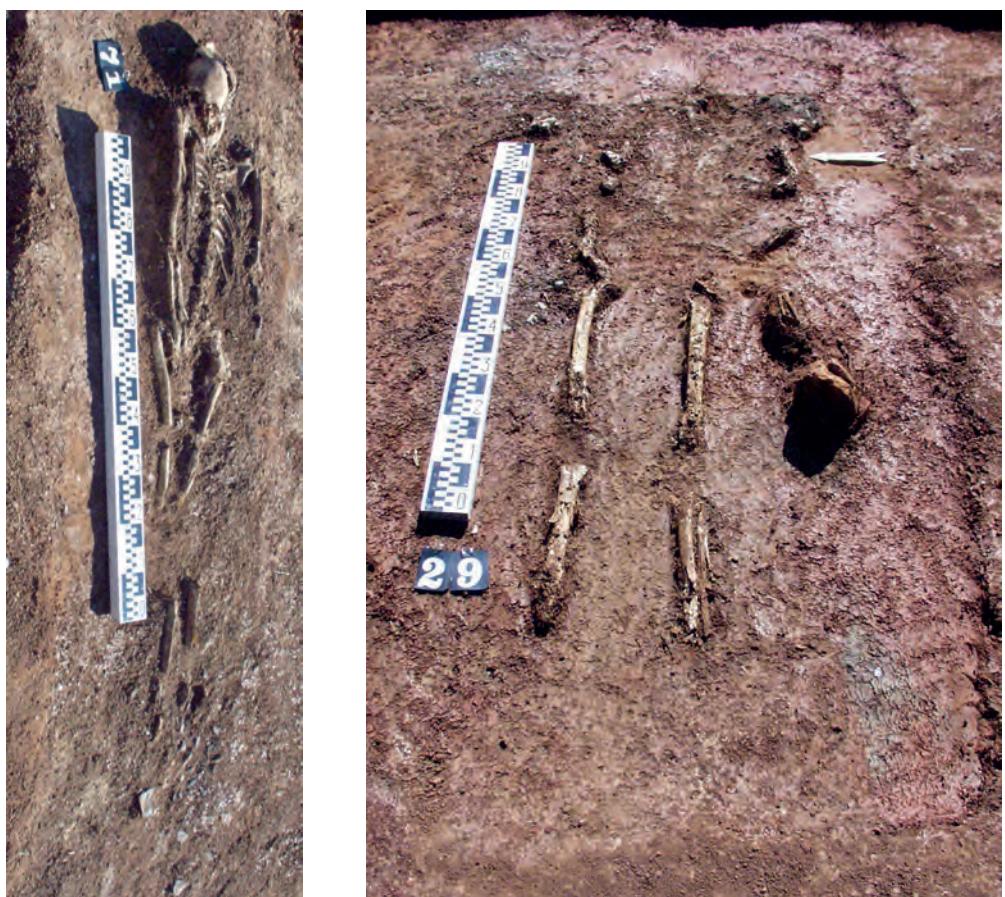
Солдырский III (Иднакарский I) могильник. Вид на площадку с юго-востока

Солдырский III (Иднакарский I) могильник. Выборка слоя захоронения 82

Солдырский III (Иднакарский I) могильник. Процесс раскопок 2001 г. Вид с запада

Солдырский III (Иднакарский I) могильник. Виды на захоронения

Солдырский III (Иднакарский I) могильник. Керамика лепная (1, 2, 4) и гончарная:
1 – погр. 45; 2 – погр. 28; 3 – межмогильное пространство; 4 – погр. 80

Солдырский III (Иднакарский I) могильник.

Вещевой материал: 1 – шумящая подвеска с коньковыми головками, погр. 20;

2 – шумящая подвеска с птицевидной основой, погр. 81; 3 – основа шумящей подвески, пахота; 4 – пряжка, погр. 62; 5 – кресало калачевидное, погр. 2; 6 – накладка аскизского типа, погр. 79; 7 – пряжка, погр. 16; 8 – кресало – межмогильное пространство; 9 – кресало, погр. 85.

1–4, 7 – бронза, 5, 6, 8, 9 – железо

Солдырский III (Иднакарский I) могильник.
Вещевой материал: 1–9 – разновидности бусин, 10, 11, 15 – серьги (погр. 16, 69, 56);
12 – нательный крестик (пахотный слой); 14 – перстень (погр. 1); 13, 16 – монетовидные
подвески (погр. 28, 72). 1, 4–9 – стекло; 2, 3 – сердолик; 10–16 – цветной металл

РЕЗУЛЬТАТЫ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ МАТЕРИАЛОВ РАСКОПОК

В наше распоряжение для проведения экспертизы были представлены материалы, полученные в ходе археологических раскопок средневекового могильника, оставленного жителями городища Иднакар в XI–XII вв. Учитывая уникальность памятника и его связь с протогородским центром древнеудмуртского населения, а также малое количество антропологических данных по физическому типу древнего населения Прикамья, изучение этих материалов приобретает особую значимость. По любезному приглашению руководителя Удмуртской археологической экспедиции М. Г. Ивановой, автор непосредственно принимал участие в полевом сборе антропологического материала Солдырского III могильника, а также из-за плохой сохранности костных остатков на месте определял пол и возраст погребенных. Часть черепов лучшей сохранности обрабатывалась в лабораторных условиях. Черепа реставрировались, измерялись и описывались по краниологической программе. Широко применяемый в последние годы анализ палеопатологических изменений на костях проводился нами по краткой программе и по наиболее ярко выраженным признакам. Таким образом, целью нашей антропологической экспертизы являлось:

- определение половой принадлежности и возраста погребенных;
- на основе половозрастных оценок реконструировать демографическую структуру средневекового сообщества;
- изучение антропологического состава древних жителей Иднакара и его сопоставление с синхронными группами Поволжья и Приуралья для установления их этногенетических связей.

Учитывая плохую сохранность скелетных останков и важность всей полученной информации, мы решили дать их краткое индивидуальное описание. Ряд погребений не был представлен останками умерших. Возможно, они в результате полного истлания не сохранились или под действием оползня выпали из первоначального положения в могиле. Не исключены и другие причины.

Определение пола и возраста погребенных по морфологическим признакам контролировалось и по вещевому инвентарю из захоронений.

Индивидуальное описание костяков

Погребение 1. Костяк представлен фрагментами черепа и правой половиной нижней челюсти грацильного типа. На третьем моляре отмечаются следы кариеса. Судя по размерам нижней челюсти и степени стертости зубов, костяк женский, 30–35 лет.

Погребение 2. От костяка сохранились фрагменты черепной коробки и полуистлевшие kostи ног и рук. Судя по степени развития мышечного рельефа в области лба и затылка (надбровье – 2.5 б., надпереносье – 4 б., затылочный бугор – 3 б., сосцевидный отросток – 2.5 б.), а также степени облитерации швов – череп мужской, 45–55 лет.

Погребение 3. Имеются невыразительные фрагменты черепной коробки и два первых моляра нижней челюсти с правой стороны, принадлежавшие, вероятно, женщине 30–40 лет.

Погребение 4. Костяк представлен обломками черепа, по которым трудно установить их половую принадлежность, но, судя по погребальному инвентарю (бусы, бубенчик, серьга и т.д.), они принадлежали, вероятно, женщине в возрасте 30–40 лет.

Погребение 5. Сохранившиеся обломки лицевого черепа и нижняя челюсть маленьких пропорций принадлежали женщине грацильного типа. Нижний край грушевидного отверстия заостренной формы. Параметры нижней челюсти: 71 (а) наименьшая ширина ветви – 25.0 мм; 69 (1) высота тела – 21.0 мм; 69 (3) толщина тела – 7.5 мм. Возраст: 18–25 лет.

Погребение 6. Имеются отдельные фрагменты костей детского черепа в возрасте до 2-х лет.

Погребение 7. От костяка сохранился череп в обломках, а также кости ног, рук и грудной клетки. Череп и нижняя челюсть крупных размеров, что характерно в основном для мужских особей. Однако, небольшие размеры длинных костей со слабо развитым мышечным рельефом и вещевой инвентарь (ожерелье из бус, привески и др.) могут свидетельствовать в пользу отнесение данного захоронения к женским (возраст: 30–40 лет).

Погребение 8. Костяк представлен фрагментами черепа, костями ног, рук и грудной клетки очень плохой сохранности. Челюсть узкая, но достаточно массивная с хорошо выраженным подбородочным выступом (высота тела – 34.0; толщина тела – 12.0 мм; передняя ширина – 46.0 мм; сосцевидный отросток – 1.5 б.; затылочный бугор – 1 б). Костяк женский, 25–35 лет.

Погребение 9. От детского костяка (5–6 лет) сохранились только кости рук и ног.

Погребение 10. Женский костяк в возрасте 16–18 лет имел удовлетворительную сохранность костей.

Погребение 11. Кости скелета не сохранились (?).

Погребение 12. Костяк представлен правым обломком нижней челюсти с хорошо выраженным подбородочным выступом и фрагментом височной кости со сосцевидным отростком средней стадии развития (1.5 балла). Возраст погребенного – зрелый (maturus), пол – скорее всего, мужской. Параметры нижней челюсти в пределах средних величин: высота тела – 28.0 мм; толщина тела – 11.0 мм. На нижней челюсти отмечается прижизненное выпадение второго премоляра.

Погребение 13. Средняя сохранность костей, принадлежавших мужчине в возрасте 35–45 лет, позволило, после реставрационных работ, более полно охарактеризовать его морфологический облик.

Погребение 14. Сохранились фрагменты детского черепа в возрасте около 8–9 лет.

Погребение 15. От женского костяка (20–25 лет) сохранился череп и отдельные кости скелета. Череп подвергся частичной реставрации.

Погребение 16. Кости средней сохранности, представлены фрагментами черепа, таза, верхними и нижними конечностями. Судя по степени развития и прорезывания постоянных зубов, костяк принадлежал подростку 14–16 лет.

Погребение 17. От женского скелета зрелого возраста (35–45 лет) сохранились фрагменты черепа, кости грудной клетки и отдельные обломки длинных костей. На нижней челюсти отмечается слабо выраженный подбородочный выступ (ветви относительно тела высокие и с небольшой вырезкой: наименьшая ширина ветви – 32,0 мм; высота тела – 11 мм), а также прижизненное выпадение коренных зубов.

Погребение 18. Костяк мужской, зрелого возраста (45–50 лет), имел удовлетворительную сохранность. Череп частично реставрирован.

Погребение 19. Парное, представлено двумя костяками: костяк А – женский, 35–45 лет, очень плохой сохранности; костяк Б – детский, до 1 года.

Погребение 20. Скелет не сохранился (?).

Погребение 21. Представлено отдельные фрагменты детского костяка в возрасте 8–10 лет.

Погребение 22. Костяк не сохранился (?)

Погребение 23. Представлено фрагментированными обломками отдельных костей скелета. Пол и возраст погребенного трудно определим.

Погребение 24. От костяка сохранились обломки правой бедренной кости и фрагменты берцовых костей. Судя по их массивности и мышечному рельефу, погребенный в могилу являлся мужчиной в возрасте до 35 лет. Небольшой фрагмент нижней челюсти имел среднюю высоту и малую ширину (высота тела – 30 мм; толщина тела – 10 мм).

Погребение 25. Костяк представлен бедренными и берцовыми костями плохой сохранности. Учитывая их размеры и грацильное строение, а также не сросшейся эпифиз головки бедра, костяк принадлежал женщине (?) в возрасте 15–20 лет.

Погребение 26. От скелета сохранились только отдельные кости черепа неудовлетворительной сохранности. Судя по форме и массивности нижней челюсти, череп – женский, а по степени стертости зубов – возраст определяется в пределах 25–30 лет. Подбородочный выступ слабо выражен; ветви относительно тела довольно высокие (наименьшая ширина ветви – 26.5 мм; высота тела – 28.0 мм; толщина тела – 10.0 мм). Зубы достаточно крупные (M1 – 11.0 мм; M2 – 9 мм).

Погребение 27. Костяк не сохранился (?).

Погребение 28. Представлено отдельными костями детского скелета в возрасте 10–12 лет.

Погребение 29. Костяк очень плохой сохранности. Судя по массивным обломкам бедренных костей и фрагментам черепной коробки, погребенный, скорее всего, являлся мужчиной зрелого возраста (*maturus*).

Погребение 30. Костяк не сохранился (?).

Погребение 31. Мужское, 40–50 лет. Череп средней сохранности частично реставрирован.

Погребение 32. Женское, 40–50 лет. Сохранность костей очень плохая.

Погребение 33. Детское, 4–5 лет. Костяк сохранился достаточно хорошо.

Погребение 34. Представлено костями черепа плохой сохранности, принадлежавшими ребенку в возрасте до 1 года.

Погребение 35. Костяк не сохранился (?).

Погребение 36. От костяка ребенка в возрасте до полугода сохранились отдельные фрагменты черепа.

Погребение 37. Детское, 4–5 лет, кости сохранились относительно неплохо.

Погребение 38. Костяк ребенка в возрасте до полугода имел плохую сохранность.

Погребение 39. Детское, до полугода. Сохранность неудовлетворительная.

Погребение 40. Костяк не сохранился (?).

Погребение 41. Костяк не сохранился (?).

Погребение 42. Костяк практически не сохранился. Имеется правая берцевая кость в обломках и фрагмент правой бедренной кости с разрушенной верхней частью. Судя по их массивности и вещевому инвентарю, умерший являлся мужчиной зрелого возраста (*maturus*).

Погребение 43. Детское, в возрасте до полугода.

Погребение 44. Детское, в возрасте до полугода.

Погребение 45. Сохранились кости детского черепа. Возраст – в пределах 2–3 лет.

Погребение 46. Детское, в возрасте до полугода.

Погребение 47. Костяк сильно растасчен оползнем. От него сохранились кости стоп и фрагменты левой берцовой кости. Предположительно пол определяется как мужской, а возраст – зрелый (*maturus*).

Погребение 48. Костяк представлен черепом плохой сохранности и обломками плечевых костей. Судя по степени развития мышечного рельефа, кости принадлежали женщине в возрасте 40–50 лет. Наиболее выразительный обломок нижней челюсти имел крупные размеры и достаточно выраженный подбородочный выступ, что может говорить о некоторой матуризованности физического облика умершей (высота симфиза – 34.0 мм; высота тела – 32.0 мм; толщина тела – 12 мм).

Погребение 49. Костяк плохой сохранности представлен фрагментарным черепом, обломками плечевых, бедренных и берцовых костей без эпифизов. Половая их принадлежность, скорее всего, мужская. Возраст: 40–50 лет. На черепе визуально просматривается низкий свод и умеренное развитие мышечного рельефа. Нижняя челюсть средних параметров (высота тела: 26.0 мм; толщина тела – 11.0 мм; наружный затылочный бугор – 2 б.; сосцевидный отросток – 2 б.). На правой теменной кости в районе пересечения стреловидного и лямбовидного швов отмечается углубление (3–4 мм) продолговатой формы (длина – 14 мм, ширина – 4 мм); края облитерированы. Природа этого патологического проявления не совсем ясна.

Погребение 50. От детского костяка в возрасте 5–6 лет сохранились отдельные фрагменты черепа.

Погребение 51. Женский костяк зрелого возраста (*maturus*) представлен, в основном, нижним отделом скелета. Сохранность костей удовлетворительная.

Погребение 52. Детское, 3–4 года.

Погребение 53. Сохранился лишь череп во фрагментарном виде. Судя по развитию сосцевидного отростка (1.5 б.) и форме нижней челюсти (высота тела – 29.0 мм; толщина – 14.0 мм) пол определяется как женский. Возраст по степени стертости зубной системы: 18–20 лет.

Погребение 54. Костяк детский, 8–9 лет.

Погребение 55. Представлено черепом плохой сохранности в обломках и отдельными фрагментами нижних и верхних конечностей. Костяк женский, 30–40 лет.

Погребение 56. От женского костяка сохранились фрагменты черепа и диафизы нижних конечностей. Возраст определяется в пределах 18–25 лет. Развитие затылочного бугра – 1.5 балла.

Погребение 57. Представлено плохо сохранившимися костями черепа, обломками правой плечевой кости, бедренными и берцовыми костями без эпифизов. Судя по нижней челюсти, скелет принадлежал женщине в возрасте 20–30 лет. Высота тела нижней челюсти – 29.0 мм; толщина тела – 10.0 мм.

Погребение 58. От детского костяка в возрасте 8–9 лет сохранился череп и отдельные длинные кости.

Погребение 59. По плохо сохранившимся фрагментам черепа и обломкам берцовых костей костяк определяется, скорее всего, как женский зрелого возраста.

Погребение 60. Костяк представлен обломками черепа средней сохранности и диафизами бедренных костей. Судя по развитию сосцевидного отростка (2 балла) и затылочного бугра (3 балла) череп можно отнести к мужским. Однако форма нижней челюсти, слабое развитие надбровья (1.5 балла) и грацильное строение бедренных костей заставляют сомневаться в таком определении. Возраст: 35–40 лет. Высота тела нижней челюсти – 31.0 мм, толщина – 13.0 мм.

Погребение 61. Детское, 6–7 лет.

Погребение 62. По сохранившимся фрагментам черепа, плечевой и бедренным костям, захороненный субъект, возможно, определяется как мужчина в возрасте 30–40 лет.

Погребение 63. Имелись кости черепа плохой сохранности и отдельные фрагменты трубчатых костей. Половая принадлежность – скорее всего, мужская. Возраст: 16–20 лет.

Погребение 64. Костяк представлен фрагментами тазовых костей и нижних конечностей. Пол погребенного погребенного – женский. Возраст: в пределах 20–25 лет.

Погребение 65. Сохранились отдельные фрагменты женского черепа возмужалого возраста (*adultus*).

Погребение 66. Представлено фрагментами детского черепа до 3 лет.

Погребение 67. Имелись плохо сохранившиеся кости черепа женского костяка в возрасте 18–25 лет.

Погребение 68. От взрослого индивидуума сохранились только фрагменты тазовых костей, по которым трудно установить пол погребенного.

Погребение 69. Сохранились кости черепа, нижних конечностей, таза и грудной клетки. По строению таза – костяк мужской, возраст: 30–35 лет.

Погребение 70. Череп плохой сохранности, судя по степени развития рельефа затылочной области (сосцевидный отросток – 1.5 б.; затылочный бугор – 1 б.), принадлежал женщине (?) 30–40 лет.

Погребение 71. Представлено черепом во фрагментарном виде. После частичных реставрационных работ удалось определить его пол (женский) и возраст (16–18 лет).

Погребение 72. От мужского костяка сохранились кости черепа и невыразительные фрагменты трубчатых костей. Возраст оценивается в пределах 45–55 лет. Коронки зубов сильно стертые. Вероятно, их использовали в трудовой деятельности.

Погребение 73. От детского костяка в возрасте 8–10 лет сохранились фрагменты черепа.

Погребение 74. Костяк не сохранился (?).

Погребение 75. Имелись длинные кости в обломках и фрагменты черепа, по которым определяется пол и возраст погребенного как женский зрелого возраста (35–50 лет).

Погребение 76. Костяк не сохранился (?).

Погребение 77. Сохранился череп, кости таза и грудной клетки. Пол – мужской, возраст: 45–55 лет. Череп частично реставрирован.

Погребение 78. От скелета умершего сохранились обломки тазовых костей и кости грудной клетки. Пол, предположительно, мужской, возраст – зрелый (maturus).

Погребение 79. Судя по невыразительным обломкам черепа (сосцевидный отросток – 1 балл) и трубчатых костей, половая принадлежность погребенного определяется, скорее всего, как женская. Возраст – в пределах 30–40 лет.

Погребение 80. От женского (?) костяка сохранились отдельные фрагменты черепа. Возраст: 25–30 лет.

Погребение 81. Фрагменты детского черепа в возрасте 8–10 лет.

Погребение 82. От костяка сохранились невыразительные фрагменты черепа, принадлежавшие женщине (?) в возрасте 35–45 лет.

Погребение 83. Представлено отдельными костями черепа средней сохранности. После частичной реставрации удалось идентифицировать череп как женский (20–30 лет).

Погребение 84. От мужского костяка сохранился череп средней сохранности. По слабой степени стертости коренных зубов возраст оценивается в пределах 25–35 лет. Череп частично реставрирован.

Погребение 85. По сохранившимся костям скелета погребенный (А) являлся, скорее всего, мужчиной возмужалого возраста (adultus). Также имелись останки детского костяка 7–8 лет (Б) плохой сохранности (кости ребер, зуб).

Погребение 86. От костяка сохранились фрагменты черепа и костей рук плохой сохранности, принадлежавшие, предположительно, юноше (?) в возрасте около 16 лет.

Погребение 87. Представлено останками детского костяка плохой сохранности. Возраст: 2–3 года.

Погребение 88. Костяк удовлетворительной сохранности принадлежал мужчине в возрасте 25–35 лет.

Погребение 89. Представлено фрагментами черепа. Пол предположительно определен как мужской (?), возраст примерно в пределах 20–30 лет.

Погребение 90. Костяк удовлетворительной сохранности принадлежал мужчине в возрасте 20–25 лет.

Погребение 91. Фрагменты детского черепа плохой сохранности. Возраст: до 2-х лет.

Погребение 92. Остатки детского костяка в возрасте до полугода.

Кроме того, отмечены разрозненные человеческие кости вне заполнения могильных ям: в квадрате аА-2 — кости ребенка до 1 года; в квадрате а-1 – обломки бедренных костей взрослого человека (мужчины?); в квадрате 08 – два фрагмента трубчатых костей взрослого человека (пол не определяется).

Костяк, обнаруженный в заполнении рва средней линии обороны городища, представлен практически всеми отделами скелета. Отсутствуют локтевая и лучевая кости правой руки,

а также обе берцовые кости и стопы ног. Судя по тазовым костям и черепу, половая принадлежность костяка определяется как мужская. Возраст – 20–30 лет. Осмотр костей на предмет выявления механических травм не дал положительного результата. Единственное, что стоит отметить: отсутствие на бедренных костях и конечностях рук нижних эпифизов. Судя по неровным и рваным краям, они были выломаны. Природа этих нарушений не определяется, т.к. костяк находился вне погребения (случайное) и, возможно, действия с указанными костями происходили уже после смерти данного индивидуума (крациометрическое описание этого черепа и его антропологическая характеристика дана ниже).

Палеодемографический анализ

Из 92 погребений удалось определить пол и возраст у 82 костяков. Часть погребений не содержала костных остатков (не сохранились? кенотафы? и т.д.). Детских костяков оказалось 29 (34,6 %), взрослых – 53 (65,4 %). Соотношение детей и взрослых соответствует таковой во многих древних популяциях независимо от этнической и культурной принадлежности (табл. 1). При этом следует отметить, что в анализируемой группе все же наблюдается некоторое повышение детской смертности, но, учитывая случайность нашей выборки (раскопки не покрывают всей реальной площади могильника, а только ее часть), такое распределение может и не отражать реальной и объективной демографической ситуации, которая сложилась в средневековой популяции Иднакара.

Интересно распределение детской смертности по возрастным интервалам (табл. 2). Пик смертности среди детей приходится на первые годы жизни. Так в интервале до 3-х лет умирала почти половина детей от всех рожденных. До 6 лет доживала уже только третья от родившихся. В дальнейшем ситуация несколько стабилизируется и количество детей, умерших в возрасте от 12 до 16 лет, резко уменьшается. Говорить о причинах столь высокой смертности в раннем возрасте без специального исследования довольно затруднительно. Обычно считается, что детский организм в первые годы жизни лишен иммунной защиты и чаще подвержен смертельной опасности. Отсутствие медицинской помощи и неблагоприятные условия жизни, с точки зрения гигиены и санитарии, способствовали распространению среди средневековых жителей различных заболеваний. Жертвами этих болезней становились, в первую очередь, дети.

Во взрослой части иднакарской популяции отмечается некоторое нарушение полового равновесия. Так из 53 взрослых костяков к женским относится 30, а к мужским всего лишь 23. Скорее всего, увеличение уровня смертности в женской половине взрослой группы связано с послеродовыми осложнениями. В какой-то мере этот тезис находит подтверждение при рассмотрении уровня смертности по возрастным интервалам – возмужалый (*adultus*) и зрелый (*maturus*). Если в мужской половине в возрасте до 35 лет умирала всего лишь пятая часть (21,1 %) мужчин, а в зрелом (до 55 лет) – все остальные (78,9 %), то в женской части до зрелого возраста доживала только половина всех женщин (46,7 %). Интересно, что до старческого возраста (свыше 55 лет) не дожил ни один представитель иднакарской группы. Однако в этой связи следует отметить, что плохая сохранность антропологического материала могла повлиять на оценку (в сторону занижения) реального возраста погребенных, т.к. оценка возраста проводилась чаще всего по одной системе признаков (зарастание швов, степень стертости зубов, состояние костей скелета и т.д.), а не в комплексе. Вместе с тем следует признать, что средний возраст смерти у мужчин (39,3 года) на 10 лет превышает средний возраст смерти у женщин (29,6 года). Такая ситуация, когда женщины жили в среднем меньше, чем мужчины, типична вплоть до начала XX столетия (табл. 3). Уровень смертности в мужской части иднакарской палеопопуляции, когда до зрелого возраста доживала большая ее часть, может свидетельствовать о ее стабильности и отсутствии в ее жизни резких и неблагоприятных моментов (война, голод, болезни и т.д.). Показатель средней продолжительности жизни, составляющий без учета детской смертности более 34 лет, считается характерным для групп населения эпохи средневековья.

Таблица 1

**Соотношение детей и взрослых, в % от общего числа погребенных
в различных группах древнего населения**

Могильники	Дети	Взрослые
Солдырский III (Иднакарский), (XI–XII вв.)	35,4	64,6
Чаллынский I (Среднее Поволжье, XIII–XIV вв.)	28,6	71,4
Мари–Луговской (Среднее Поволжье, XIII–XIV вв.)	24,0	76,0
Сарай–ал–Махруса (Нижнее Поволжье, XIV в.)	20,9	79,1
Верхнее Салтovo (Подонье, VIII–IX вв.)	28,5	71,5
Маяцкое (Подонье, VIII–IX вв.)	20,5	79,5
Бранешты (Молдавия, X–XI вв.)	23,4	76,6
Кокэль (Тува, III в. до н.э. – V в н.э.)	21,3	78,7
Улангон (Монголия, V–III вв. до н.э.)	20,7	79,3
Сапаллитепа (юж. Узбекистан, II тыс. до н. э.)	36,7	63,3

Таблица 2

Распределение детской смертности по возрастным интервалам

Возрастные интервалы	Количество	% от общего числа детей
от 1 до 3–х лет	15	51,7
от 3–х до 6–ти лет	6	20,7
от 6–ти до 12–ти лет	7	24,1
от 12–ти до 16–ти лет	1	3,5

Таблица 3

Средний возраст смерти у отдельных групп средневекового населения

Могильник, группа	Мужчины	Женщины	Общая взрослая
Солдырский III (Иднакарский), XI–XII вв.	39,3	29,6	34,5
Болгары, Усть–Иерусалим, XIV–XV вв.	37,5	29,9	33,7
Болгары, Ханская усыпальница, XIV в.	41,7	29,0	35,4
Сарай–ал–Махруса, XIV в.	41,5	36,0	39,1
Чаллынский I, XIII–XIV вв.	37,1	38,9	38,0
Кривичи	39,5	36,0	38,2
Вятичи	36,3	35,2	35,9

Краниологический анализ

Ряд черепов были подвергнуты реставрации. Однако из-за плохой сохранности восстановить удалось, в основном, только черепные коробки. Лицевые параметры были получены при измерении черепа, найденного во рву Иднакарского городища. Однако случайность захоронения, хотя и датируемого временем существования средневекового поселения, не позволяет напрямую связывать антропологический тип погребенного во рву с физическим обликом местной группы.

Погребение во рву. Мужское, 25–30 лет.

Черепная коробка сфероидной формы имела малый продольный, большой поперечный и высотный диаметры. По указателям он характеризуется как брахиокранный, гипсикранный и метриокранный. Лоб средней ширины, прямой и с умеренно развитым надбровьем. Лицевой скелет узкий со средней высотой по пропорциям – лептен (высокий). Носовая область широкая и невысокая, по указателю относится к категории широконосых (платеранных). Нижний край – в форме предносовых ямок. Орбиты по абсолютным размерам небольшие, по относи-

тельным – мезоконхные. По углам горизонтальной профилировки лицо сильно уплощено на уровне орбит и слабо на уровне склеральных точек. В вертикальной плоскости – резко ортогнатно. Вместе с тем, угол выступания носа небольшой. Нижняя челюсть достаточно крупных размеров. Антропологический тип – европеоидный с примесью монголоидных элементов.

Погребение 7. Женское, 30–40 лет.

Удалось склеить лишь часть черепной коробки. Судя по ней, череп эллипсоидной формы, резко долихокранный. Рельеф затылочной области описывается средними параметрами, а лобной – выше среднего. Наклон лба умеренный. Нижний край грушевидного отверстия антропинной формы. Антропологический тип трудно установим.

Погребение 13. Мужское, 35–40 лет.

Череп посмертно сильно деформирован. Склейте удалось лишь заднюю часть черепного свода, по которой визуально можно определить брахицранность черепной коробки в целом и его сфероидную форму в частности. Высота свода мозговой капсулы от порионов низкая. Лицевой скелет, визуально, узкий. Рельеф затылка и лба выражен умеренно. Нижняя челюсть средних параметров. Антропологический тип по этим скучным данным определить трудно.

Погребение 15. Женское, 20–25 лет.

Черепная коробка, восстановленная в ходе реставрации, имела долихокранные пропорции при средней высоте свода. Лоб узкий, умеренно наклонный. Судя по верхней ширине лица – строение лицевого скелета реконструируется как грацильное. Клыковая ямка – неглубокая. Развитие мышечного рельефа надпереноса и затылка выражено слабо. Нижний край грушевидного отверстия заостренной формы. Антропологический тип – вероятно, европеоидный с нерезко выраженным признаками.

Погребение 18. Женское, 45–50 лет.

Черепная коробка визуально долихокранная, пентаганоидной формы. Отмечается посмертная деформация костей черепа. Лоб узкий и слабонаклонный с умеренно выраженным рельефом. Ширина лица визуально определяется как небольшая. Орбиты относительно невысокие и узкие; по указателю – мезоконхные. Горизонтальная уплощенность лица на уровне назиона – средняя. Нижний край носового отверстия заостренной формы. Череп, скорее всего, можно отнести к европеоидным.

Погребение 19. Женское, 35–45 лет.

Черепная коробка долихокранная, пентаганоидной формы. Высота свода от порионов – низкая. Мышечный рельеф лобной области развит умеренно, а затылочный – слабо. Лобная кость узкая и средненаклонная. Лицо неширокое и уплощено на уровне орбит. Нижняя челюсть некрупная. Данный череп, вероятно, также можно характеризовать как европеоидный, но с нерезко выраженным признаками.

Погребение 31. Мужское, 40–50 лет.

Череп характеризуется средним продольным, малым поперечным и высотным диаметром. По указателю он долихо-мезокранный, эллипсоидной формы. Лобная кость средней ширины и имеет слабый наклон; мышечный рельеф хорошо развит и оценивается баллами выше среднего. Лицевой скелет по абсолютным параметрам – среднеширокий и низкий, а по относительным – ближе к категории низколицых. Носовое отверстие при малой высоте очень широкое, нижний край его заостренный и со слабо выступающим подносовым шипом. Орбиты низкие и широкие, хаменкоидные. По углам горизонтальной профилировки лицо сильно уплощено на уровне орбит. В вертикальной плоскости просматривается небольшой альвеолярный прогнатизм. Описанный краинологический комплекс характерен для представителей уральской расы.

Погребение 69. Мужское, 30–35 лет.

Черепная коробка длинная и узкая, по указателю – резко долихокранная с низким сводом. Лобная кость средней ширины и визуально покатая. При оценке развития мышечного рельефа лобной и затылочной области наблюдается резкая дисгармония. Если строение надпереноса и надбровья характерно для макуризованных типов, то строение затылка – для грацильных. Отсутствие лицевых костей не позволяет с категоричностью отнести данный череп и како-

му-либо типу. Вероятно, его антропологическая характеристика содержит смешанные европеоидно-монголоидные черты.

Погребение 75. Женское, maturus.

От черепа сохранился обломок затылочной кости, левая височная кость и фрагмент нижней челюсти. Развитие рельефа затылка описывается средними характеристиками. Нижняя челюсть грацильного типа. Определение антропологического типа данного черепа затруднено.

Погребение 77. Мужское, 45–55 лет.

Череп посмертно деформирован. Продольные и широтные параметры черепной коробки при высоком своде относятся к большим. По указателю она долихокранная, пентаганоидной формы. Мышечный рельеф хорошо выражен. Нижний край грушевидного отверстия антропинный. Лобная кость узкая, средненаклонная. Лицевой скелет на уровне орбит относительно узкий и визуально сильно уплощенный, а на уровне скул – широкий. Нижняя челюсть – крупная, высокая с хорошо выраженным подбородочным выступом. Таким образом, данный череп можно охарактеризовать как монголоидный палеосибирского типа (крупная долихокранная черепная коробка сопровождается узким лбом и, вероятно, широким лицом). Однако отсутствие значений по высоте лица и углу выступания носа делает этот вывод предварительным.

Погребение 83. Женское (?), 20–30 лет.

Череп посмертно деформирован и существенно разрушен с правой стороны. По восстановленной левой половине, черепная коробка визуально определяется как долихокранная, овощной формы. Высота свода средняя. Лоб покатый со слабо развитым рельефом. Лицо, скорее всего, узкое. Носовые косточки широкие и уплощенные, но зрительно выступают довольно сильно. Нижний край грушевидного отверстия имеет форму предносовых ямок. Краниотип данного черепа определяется как долихокранный, грацильный. В антропологическом отношении череп можно отнести к смешанным формам субуральского типа.

Погребение 84. Мужское, 25–35 лет.

Черепная коробка резко долихокранная, пентаганоидной формы и имеет высокий свод. Мышечный рельеф в области лба и затылка выражен умеренно. Лицевой скелет средней ширины на уровне орбит и довольно узкое на уровне скул. Ширина орбит и носового отверстия характеризуется средними параметрами. Нижний край грушевидного отверстия заостренной формы. Лоб визуально узкий, покатый. Нижняя челюсть крупная, высокая, с хорошо выраженным подбородочным выступом. Антропологический тип, скорее всего, европеоидный долихокранный типа.

Таким образом, после реставрационных работ получилась серия, состоящая из 6 мужских и 5 женских черепов, на которых были взяты некоторые измерительные и описательные параметры (табл. 4).

Мужские черепа суммарно характеризуются большим продольным, средним поперечным и большим высотным диаметрами. По указателям серия относится к супердолихокранным, ортокранным (прямой) и апроクリанным (верхний) формам. Лобная кость в среднем узкая и достаточно покатая. Рельеф в среднем выражен умеренно. Лицевой отдел средней ширины, низкий (правда, высота лица взята только на одном черепе) и, вероятно, сильно уплощен на уровне орбит. Орбиты небольшой высоты и средней ширины. Носовая область по высоте – низкая (одно измерение), по ширине – средняя; нижний край грушевидного отверстия на всех черепах имеет заостренные формы.

В целом, мужские черепа Солдырского III могильника предварительно можно отнести к европеоидным, долихокранным группам. Учитывая в их морфотипе некоторую уплощенность лица, низкое лицо и низкие орбиты в сочетании с длинной и узкой черепной коробкой можно предполагать в их составе монголоидную примесь уральских истоков. При индивидуальном рассмотрении выделяются матуризованные и грацильные черепа, последние в группе численно преобладают.

Женские черепа при сравнении с мужскими (с учетом полового диморфизма) выглядят более короткоголовыми, имеют более узкое лицо и более низкий свод. По остальным пара-

метрам между ними намечается морфологическая близость, что может говорить об их общих генетических истоках.

Плохая сохранность черепов и невозможность их изучения по полной краинометрической программе затрудняет использование методов многомерной статистики при сравнительном анализе. Поэтому мы ограничились сравнением средних данных по некоторым признакам. В качестве сопоставительного материала были привлечены краинологические серии эпохи средневековья с территории Прикамья (табл. 5). В работе анализировались только мужские группы.

Исходя из простого сопоставления средних данных, выяснилось, что по черепному указателю к нашей группе близки серии из Качкашурского, Варнинского и Мыдланьшайского могильников, по ширине лица – Руткинский, Кудымкарский, Варнинский, Поломский и Деменковский. По уплощенности лица на верхнем уровне иднакарские черепа резко отличаются от всех остальных в сторону ее ослабления у последних. При этом надо учесть, что назомолярный угол был измерен на двух реставрированных черепах, что могло привести к искажению реального показателя. По ширине орбит все анализируемые серии попадают в категорию среднешироких, а по высоте – иднакарская группа занимает нижнюю границу размаха вариабельности по этому признаку.

Таким образом, обладая некоторым своеобразием, которое можно отнести за счет небольшого количества наблюдений, морфологический облик изученной серии близок к средневековым группам населения Прикамья. Учитывая хронологическую и культурную преемственность между ними (погребальный обряд, украшения и т.д.), можно наметить и биологическую (генетическую) близость, особенно с долихокранным населением, оставившим Качкашурский, Варнинский и Мыдланьшайский могильники. Накопление нового краинологического материала позволит уточнить схему этногенетических связей населения Прикамья эпохи средневековья.

Таблица 4
Индивидуальные данные по черепам Солдырского III (Иднакарского) могильника

Признаки	Мужские										Женские			
	№ погр.	во рву	п.13	п.31	п.69	п.77	п.84	x (n)*	п.7	п.15	п.18	п.19	п.83	x (n)
1.	174,0	–	183,0	193,0?	203,0	203,0?	195,5(4)	198,0?	170,0	171,0	175,0	183,0?	179,4(5)	
8.	147,0	137,0	138,0	133,0	150,0?	140,0?	139,6(5)	135,0?	129,0	–	130,0	–	131,3(3)	
8:1	84,5	–	75,4	68,9	73,9	68,9	71,8(4)	68,2?	75,9	–	74,9	–	73,0(3)	
17.	140,0	–	–	–	–	137,0	137,0(1)	–	–	–	–	–	–	–
9.	97,0	–	97,5	96,0	89,5	–	94,3(3)	–	91,0	92,0	89,5	–	90,8(3)	
11.	123,0	128,0	124,0	–	136,0	126,0	128,5(4)	–	–	–	117,0	–	117,0(1)	
25.	32,1	–	22,0	–	24,5	–	23,3(2)	–	25,5	22,3	23,5	21,1	23,1(4)	
45.	128,0	–	134,0?	–	145,0?	130,0?	136,3(3)	–	–	–	123,0?	–	123,0(1)	
48.	72,0	–	67,0?	–	–	–	67,0(1)	–	–	–	–	–	–	–
43.	104,0	–	106,0	103,0	101,0	108,0	104,5(4)	–	99,0?	103,0	98,0	–	100,0(3)	
20.	123,0	109,5	110,0	–	120,5	118,0	114,5(4)	–	–	–	103,0	–	103,0(1)	
55.	50,0	–	48,0?	–	–	–	48,0(1)	–	–	–	–	–	–	–
54.	27,0	–	27,5?	–	24,0	25,0	25,5(3)	–	–	–	–	–	–	–
51.	40,0	–	44,0	–	–	41,0	42,5(2)	–	–	40,5?	–	–	40,5(1)	
52.	32,0	–	30,0	–	–	–	30,0(1)	31,0	–	32,0	–	–	31,5(2)	
77.	145,3	–	151,3	149,1?	–	–	150,2(2)	–	–	141,4	147,9	–	144,7(2)	
Ф.чер.	Sfer.	Sfen.	E11.	Ov.	Pent.	Pent.	–	E11.	Pent.	Pent.	Pent.	Ov.	–	
Надпер.	2,5	3,0	3,5	5,0	3,5	3,5	3,7(5)	–	2,0	1,5	2,0	2,0	1,9(4)	
Н.край	F. Pr.	–	Antr.	Antr.	Antr.	Antr.	Ant	Antr.	Antr.?	Antr.	–	F.Pr.	Ant	(75 %)
							(100 %)							

* Примечание: в подсчет средних не включен череп из погребения во рву.

Таблица 5

**Сравнение средних данных для краниологических серий
средневековых могильников с территории Прикамья. Мужчины**

Признаки	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1.	195,5	174,6	194,8	182,0	181,2	188,3	188,6	184,0	184,6	178,1
8.	139,6	151,3	139,5	146,0	147,3	139,6	140,3	142,1	142,7	141,0
8:1.	71,8	86,5	71,6	80,3	81,4	74,1	74,2	77,3	77,1	79,5
17.	137,0	123,3	134,3	140,0	139,7	139,0	136,7	139,0	131,5	132,4
20.	114,5	111,0	114,0	117,7	119,2	119,9	116,7	—	—	113,7
9.	94,3	103,0	97,3	100,8	97,6	97,1	97,2	97,0	95,8	95,4
11.	128,5	131,8	125,5	127,5	131,7	126,0	125,1	—	—	125,2
45.	136,3	135,0	136,3	134,3	136,2	135,3	131,2	136,6	135,1	132,8
48.	67,0	66,5	75,0	74,0	72,7	70,2	71,8	70,1	68,9	69,9
55.	48,0	49,3	53,2	53,8	54,0	50,5	52,2	50,6	51,2	51,6
54.	25,5	27,5	28,1	27,2	26,2	25,2	26,5	26,0	26,7	24,7
51.	42,5	42,0	44,7	41,9	43,0	43,1	41,8	43,3	43,1	41,9
52.	30,0	32,3	32,3	33,8	31,6	31,8	32,4	32,5	32,4	32,6
77.	150,2	140,0	135,6	141,3	139,4	139,3	138,2	139,9	142,4	140,9

Примечание: 1 – Солдырский III (Иднакарский), XI–XII вв. [наст.работа]; 2 – Руткинский, XII–XIII вв. [Ефимова, 2000]; 3 – Качкашурский, IX–XIII вв. [(Ефимова, 2000; Широбоков, 2010)]; 4 – Редикарский, XII–XIV вв. [Ефимова, 2000]; 5 – Кудымкарский, XII–XIV вв. [Ефимова, 2000]; 6 – Варнинский, VIII–IX вв. [Фаттахов, 1980; Широбоков, 2010]; 7 – Мыдланьшай, VIII–IX вв. [Акимова, 1968]; 8 – Поломский I, VI–XI вв. [Акимова, 1968]; 9 – Деменковский, VII–IX вв. [Акимова, 1968]; 10 – Танкеевский, IX–XI вв. [Акимова, 1968; Газимзянов, 2018].

СОСТАВ МЕТАЛЛА НЕКОТОРЫХ УКРАШЕНИЙ

Изучение находок из погребений Иднакарского I могильника методом рентгенофлуоресцентного анализа проходило в рамках исследования цветного металла чепецкой археологической культуры. Первоначально авторами было проведено планомерное исследование материалов Кушманского комплекса памятников (городища Учкакар и Кушманского III селища), в рамках которого выполнено более 200 анализов [Русских, Сабирова, 2019]. Дальнейшей целью стало исследование ряда синхронных материалов в пределах ареала распространения археологической культуры. Среди них особое место занимает центральный куст памятников – городище Иднакар и расположенный в непосредственной к нему близости Солдырский III (Иднакарский I) могильник.

Изучение состава металла находок из могильников позволит получить характеристику сплавов изделий из закрытого комплекса, ограниченного временем бытования некрополя. Сопоставление полученных результатов с синхронно существующими погребальными и поселенческими памятниками будет способствовать выявлению общих черт, характерных для всей культуры, и установлению локальных особенностей, присущих конкретному микрорегиону.

Характеристика исследовательской базы и методика исследования

Коллекция могильника, находящаяся на постоянном хранении в фондах БУК УР «Историко-культурного музея-заповедника УР «Иднакар»*, насчитывает 111 находок из цветных металлов, большая часть которых представлена украшениями и принадлежностями костюма (данные указаны в соответствии с коллекционной описью археологической коллекции Солдырского III (Иднакарского I) могильника № 30 (МЗИ 120) БУК УР ИКМЗ УР «Иднакар»). Для определения состава металла было отобрано 15 изделий, как из уцелевших комплексов погребений, так и из разрушенных захоронений. Основанием отбора была, прежде всего, удовлетворительная степень сохранности, которая позволила бы получить объективные данные о составе металлической поверхности. Также при выборе образцов учитывались типологическая вариативность находок (предпочтение отдавалось предметам разных групп украшений и принадлежностей костюма) и место нахождения изделий (подбирались украшения, найденные в разных частях могильника, поскольку анализ изделий закрытого комплекса даст представление только о металле, который использовался на момент совершения одного захоронения).

Объектом данного исследования выступают 15 изделий из цветных металлов Солдырского III (Иднакарского I) могильника XI–XII вв. (рис. 1). Среди них:

- три пронизки-бусины (табл. 1: ан. 1204 (погр. 63), 1205 (погр. 79), 1209 (погр. 79)),
- фрагменты двух шумящих подвесок (табл. 1: ан. 1207 (пахота), 1214 (сбор),

* Авторы выражают благодарность коллективу музея-заповедника «Иднакар» за предоставленную возможность исследования музейных предметов

– две грушевидные подвески с крестообразной прорезью (табл. 1: ан. 1201 (пахота), 1215 (погр. 39),

- монетовидная подвеска (табл. 1: ан. 1211, погр. 73),
- подвеска-колбочка (табл. 1: ан. 1212, пахота),
- колоколовидная пронизка (табл. 1: ан. 1210, погр. 20),
- двухчастная пронизка (табл. 1: ан. 1213, сбор),
- серьга (табл. 1: ан. 1202, погр. 10),
- браслет (табл. 1: ан. 1203, погр. 69),
- пряжка (табл. 1: ан. 1208, погр. 77),
- наконечник ремня (табл. 1: ан. 1206, погр. 33).

Отобранный для исследования инвентарь представлен украшениями (13) и принадлежностями костюмного комплекса (2). Его датировка укладывается в рамки существования могильника, аналогии предметам встречаются в ближайших синхронных памятниках бассейна р. Чепцы и типичны для чепецкой культуры.

Рис. 1. Типы сплавов цветных металлов Солдырского III (Иднакарского I) могильника

Элементный состав металлических сплавов определялся современным условно неразрушающим методом рентгенофлуоресцентного анализа (РФА) при помощи портативного спектрометра Bruker Germany, модель S1 Turbo SD LE. Авторами проводилась предварительная обработка поверхности образцов на месте взятия пробы: механическим способом очищался от патины небольшой участок поверхности. Место взятия пробы отмечено на каждом изделии белой точкой (рис. 1). Подготовленная к исследованию поверхность образца измерялась в универсальном режиме трижды, со временем накопления спектра 60 сек. Далее полученные данные были усреднены и помещены в таблицу с результатами. Значения некоторых металлов были изъяты из итоговой таблицы по причине микроскопической концентрации.

Результаты анализов

Исходя из полученных данных, выявлены основные группы сплавов, из которых изготовлены проанализированные изделия (табл. 1). Полученная выборка в полном составе выполнена из латуни, которая является одним из самых интересных сплавов эпохи Великого переселения

ния народов и средневековья. Характерной чертой латуни является наличие в сплаве с медью цинка – металла, который удалось выделить в чистом виде только в XVIII в. До этого времени получение латуни являлось сложным процессом, в котором необходима была цементация меди при помощи цинковой руды, содержащей от 1 до 4 % цинка. Изделия из латуни имеют привлекательный внешний вид: золотистый блеск и гладкость.

Несмотря на то, что все проанализированные образцы латунные, внутри выборки можно выделить несколько подгрупп, исходя из состава и концентрации легирующих компонентов:

Двухкомпонентная латунь (CuZn). Из нее выполнено 4 образца: серьга (ан. 1202), наконечник ремня (ан. 1206), пряжка (ан. 1208) и одна из грушевидных подвесок (ан. 1215). Данный двухкомпонентный сплав содержит от 17,9 до 26,3 % цинка. Такого рода высокоцинковистая латунь считается первичной, «свежей», поскольку изначальная концентрация цинка в латуни, изготовленной методом цементирования, достигает максимум 28 % [Ениосова, Митоян, Сарачева, 2000, с. 99–100]. При дальнейшей переплавке изделия теряют до 5–10 % цинка за каждый цикл, поскольку при его нагреве цинк становится пластичным уже при 100–150 °C, а достигнув температуры плавления, он испаряется в виде мельчайших частиц окиси, из-за чего на Востоке название цинковой руды (*tutia*) в переводе с арабского означает дым. Таким образом, данная группа изделий отлита из металлических заготовок-полуфабрикатов.

Таблица 1
Результаты рентгенофлуоресцентного анализа изделий из цветных металлов
Солдырского III (Иднакарского I) могильника

№ ан.	Наименование	Погр.	Шифр	Сплав	Fe	Cu	Zn	As	Ag	Sn	Sb	Pb
1202	Серьга	10	МЗИ 120/145	CuZn	0,47	77,00	22,10					0,265
1206	Наконечник ремня	33	МЗИ 120/370	CuZn	0,49	76,90	21,60					0,666
1208	Фрагмент пряжки	77	МЗИ 120/646	CuZn	0,35	72,80	26,30					0,451
1215	Подвеска грушевидная с кресто-видной прорезью	39	МЗИ 120/375	CuZn		92,60	17,90					
1203	Браслет	69	МЗИ 120/566	CuZnPb	0,45	73,60	23,90		0,454			1,56
1204	Бусина-пронизка	63	МЗИ 120/530	CuZnPb	0,59	70,20	26,60		0,318			2,07
1210	Пронизка колоколовидная	20	МЗИ 120/740	CuZnPb	0,45	77,68	17,84	0,13	0,07	0,27	0,17	1,58
1211	Подвеска монетовидная	73	МЗИ 120/572	CuZnPb	0,08	77,42	17,86	0,33	0,14	0,64	0,28	2,01
1212	Подвеска-колбочка	уч. В/04	МЗИ 120/215	CuZnPb	11,10	71,10	9,38					7,25
1213	Пронизка двухчастная	уч. Б/02	МЗИ 120/810	CuZnPb	1,06	63,30	6,67					27
1201	Подвеска грушевидная с кресто-видной прорезью	уч. Д/01	МЗИ 120/910	CuZnSn-Pb	0,62	73,80	5,72			6,49		13,3
1207	Основа подвески шумящей	уч. Г/07	МЗИ 120/780	CuZnSn-Pb		71,10	23,90		0,384	3,1		1,32
1209	Бусина-пронизка с манжетами	79	МЗИ 120/673	CuZnSn-Pb	1,42	69,90	4,23		0,915	10,8		12,4
1214	Фрагмент шумящей подвески (щитковые звенья цепи)	уч. а/2	МЗИ 120/197	CuZnAsPb	3,08	62,30	17,30	5,54				6,92
1205	Бусина-пронизка с манжетами	79	МЗИ 120/674	CuZnSn-PbAg	1,76	56,30	2,07		1,02	29		8,88

Свинцовая латунь (CuZnPb) представлена в выборке шестью предметами: браслетом (ан. 1203), пронизкой-бусиной (ан. 1204), колоколовидной пронизкой (ан. 1210), монетовидной подвеской (ан. 1211), подвеской-колбочкой (ан. 1212) и двухчастной пронизкой (ан. 1213). Своеобразие выборки проявляется в различном соотношении компонентов: изделия выполнены как из высокоцинковистой латуни с незначительным содержанием свинца (ан. 1204), так и из медно-свинцового сплава с небольшим (6,7 %) содержанием цинка. Обращают на себя внимание два образца (ан. 1210, 1211), имеющие абсолютное совпадение не только в концентрации легирующих компонентов, но и специфического набора микропримесей. Можно с уверенностью говорить, что монетовидная подвеска из погр. 73 и колоколовидная пронизка из погр. 20 изготовлены из одного куска металла. Планиграфически указанные погребения располагаются в непосредственной близости друг от друга – в одном ряду, на расстоянии четырех захоронений.

Многокомпонентная латунь (CuZnSnPb, CuZnAsPb, CuZnSnPbAg): исходя из названия группы, эти латуни имеют большое количество примесей, помимо сплавообразующих меди и цинка. В частности, в материалах Иднакарского могильника выявлены латуни с добавлением олова и свинца (ан. 1201, 1207, 1209); мышьяка и свинца (ан. 1214); олова, свинца и серебра (ан. 1205). Указанные изделия выполнены из так называемого вторичного металла – лома украшений, обрезков пластин. Этим объясняется малое содержание цинка и присутствие большого количества легирующих компонентов, типичных для разных рецептур сплавов.

В целом, проанализированная выборка является однородной: все взятые для исследования находки выполнены из латуни, различия проявляются лишь в составе и концентрации основных и сопутствующих легирующих компонентов.

Сравнительный анализ результатов с данными синхронных памятников

Благодаря исследованиям, проведенным при финансовой поддержке РФФИ, в 2016–2018, 2019 гг. авторами был выполнен анализ элементного состава изделий из цветных металлов нескольких памятников чепецкой культуры – Кушманского городища Учкакар, Кушманского III селища (городища), Солдырского I городища Иднакар, Кузьминского и Кушманского I могильников [Русских, Сабирова, 2017, 2018]. Несмотря на различную степень их изученности методами археологии, и неравномерность обработанных выборок из коллекций этих памятников, полученные данные можно привлечь для определения контекста материалов Солдырского III могильника. Для получения сопоставимых результатов была подготовлена таблица, содержащая процентное распределение рецептур сплавов, выявленных в ходе исследования различных коллекций (табл. 2).

Наличие связанных между собой могильников и городищ выглядит перспективным с точки зрения определения соотношения производства и потребления металлических изделий местными жителями. При этом археологическая специфика памятников такова, что могильники относительно равномерно заполняются вещами с момента начала использования до конца функционирования, при этом каждое погребение представляет собой закрытый комплекс, содержащий одновременно изъятые из повседневной жизни украшения и предметы быта. Городища предоставляют для исследования более неоднородную выборку: относительно четко мы можем зафиксировать момент прекращения использования городища, все более ранние слои имеют много взаимных нарушений и являются открытыми комплексами, содержащими случайные металлические находки и остатки соответствующих производств.

Материалы Солдырского III могильника достаточно точно коррелируются по процентному распределению групп сплавов с выборками Кузьминского и Кушманского I могильников. Такая синхронность выборок может свидетельствовать о наличии устойчивого внутреннего рынка производства и сбыта местных украшений. В качестве локальных центров цветной металлообработки можно рассматривать два крупных поселенческих образования – Солдырское

городище Иднакар и Кушманское городище Учкакар. Судя по имеющимся в распоряжении авторов данным, коллекции всех трех могильников, включая Солдырский III, показывают сходство металлов с иднакарскими находками, в то время как кушманский металл более разнообразен и представлен не только латунями, но и типичными для предуральского региона бронзами.

Таблица 2

Процентное распределение типов сплавов цветных металлов на памятниках чепецкой культуры

Типы сплавов (в %% от исследованной выборки)	Памятники чепецкой культуры				
	Солдырский III могильник	Городище Иднакар	Кушманский I могильник	Кушманский комплекс	Кузьминский могильник
Двойная латунь	26,70 %	67 %	45 %	7 %	17 %
Свинцовая латунь	40 %	23 %	45 %	25 %	30 %
Многокомп. латунь	33,30 %	0	10 %	27 %	53 %
Бронзы	0	0	0	35 %	0
Другие	0	10 %	0	6 %	0

Как уже предполагали авторы [Русских, Сабирова, 2018], именно иднакарские мастерские с их высокоцинковистыми латунями и минимальным количеством металлического лома могли быть основным местом производства украшений и предметов быта, насыщающих внутренний рынок. При этом даже металл украшений Кушманского I могильника соотносится с данными иднакарских мастерских больше, чем с территориально близким кушманским производственным комплексом, значение и функции которого еще предстоит установить.

Отчетливо наблюдающееся преобладание латуней в материалах чепецкой культуры, которое отмечено, в том числе в коллекции Солдырского III могильника, заставляет привлекать материалы соседних регионов. Основными соседями, имеющими культурные и экономические связи с чепецким населением, были территории Пермского Предуралья, Волжской Болгарии и Древней Руси. Латуни встречаются в материалах всех трех регионов. Популярна она в Пермском Предуралье, где анализ производственных мастерских на Рождественском городище и городище Аниюшкар выявил преобладание схожих рецептур сплавов – CuZnPb, CuZnSnPb, CuZnAgPb и др. [Крыласова, 2018, с. 59–60]. Ввиду недостатка данных о составе изделий из цветного металла Волжской Булгарии сложно говорить о сопоставимости типов их сплавов. Однако, имеющиеся результаты анализов 108 археологических находок из материалов Болгарского городища, Биляра и ряда других памятников волжских булгар, дает некоторое представление о распространенности тех или иных рецептур. Так, из всей выборки 28 предметов содержат цинк, из них можно выделить всего лишь менее десяти высокоцинковистых латуней [Хлебникова, 1996, табл. I–III]. Результаты исследования металла Балынгузского селища в окрестностях Биляра также фиксируют наличие латуни в коллекциях, но в очень небольшом количестве, а высокоцинковистые латуни представлены единично [Валиулина, 2004]. Явное преобладание латуни типично для северо-запада Древней Руси [Ениосова, Митоян, Сарачева, 2000]. В материалах «вятических» древностей Верхней и Средней Оки второй половины XI–XIII вв. латуни напротив представлены в очень небольшом количестве (менее 5 %): с невысоким содержанием цинка и наличием других легирующих компонентов, что говорит о случайном попадании латунных изделий вятическим мастерам в качестве лома [Зайцева, Сарачева, 2000, с. 122].

Для более глубокого изучения вопроса о внутренних взаимосвязях и внешних контактах металлов и технологий обработки цветных сплавов необходимо дальнейшее исследование материалов как Солдырского III могильника, так и материалов чепецкой культуры и сопредельных территорий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Солдырский III (Иднакарский I) могильник, открытый и исследованный в 2000–2002 гг. археологической экспедицией Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, привлекает внимание, прежде всего, приуроченностью к выдающемуся памятнику финно-угорского средневековья – древнеудмуртскому городищу Иднакар, материалы которого имеют исключительно важное значение в историко-культурных и социально-экономических реконструкциях эпохи средневековья.

Принадлежность нового могильника к кругу памятников чепецкой культуры сомнений не вызывает. Обряд захоронения, комплекс вещевого инвентаря аналогичны другим известным средневековым чепецким могильникам, обнаруживают преемственность с более ранними поломскими традициями и с поздними удмуртскими погребальными памятниками XVI–XIX вв. Он, безусловно, оставлен населением городища Иднакар IX–XIII вв., т.е. определенного периода его функционирования. Материалы начального и заключительного периодов бытования городища отсутствуют.

Сведения об этнической принадлежности памятника подтверждают результаты изучения антропологического материала И. Р. Газимзяновым, показавшие близость морфологического облика изученной серии к средневековым группам населения Прикамья, особенно с долихокранным населением, оставившим Качкашурский, Варнинский и Мыдланьшайский могильники в бассейне р. Чепцы.

Исследование химического состава изделий из цветных металлов, выполненное Т. М. Сабировой и Е. Л. Русских, выявило сходство металлов по процентному распределению групп сплавов с выборками Кузьминского и Кушманского I могильников и, что особенно важно, с иднакарскими находками. Иднакарские мастерские с их высокоцинковистыми латунями и минимальным количеством металлического лома могли быть основным местом производства украшений и предметов быта, насыщающих внутренний рынок.

В целом материалы нового памятника в совокупности с опубликованными ранее источниками позволяют углубить научные представления об особенностях погребального обряда и материальной культуры, послужат основой для разработки отдельных аспектов этнокультурных, этнических и социально-экономических процессов эпохи средневековья.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

Отчеты

Иванова М. Г. А – 2000. Отчет о раскопках городища Иднакар IX–XIII вв. в Глазовском районе Удмуртской Республики в 2000 г. // РФ НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Оп. 2-н. Д. 1290.

Иванова М. Г. А – 2001. Отчет о раскопках Солдырского III (Иднакарского) могильника и городища Иднакар IX–XIII вв. в Глазовском районе Удмуртской Республики в 2001 г. // РФ НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Оп. 2-н. Д. 1292.

Иванова М. Г. А – 2002. Отчет о раскопках городища Иднакар IX–XIII вв. в Глазовском районе Удмуртской Республики в 2002 г. // РФ НА УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Оп. 2-н. Д. 1300.

Коллекции

Археологическая коллекция Солдырского III (Иднакарского I) могильника. УР, Глазовский район, д. Солдырь. IX–XIII вв. н.э. Раскопки 2000-2003 г. под руководством М. Г. Ивановой // Основной фонд БУК ИКМЗ УР «Иднакар». Коллекция № А 30 (МЗИ 120/1-924).

Археологическая коллекция Солдырского III (Иднакарского I) могильника. УР, Глазовский район, д. Солдырь. IX–XIII вв. н.э. Раскопки 2000-2003 г. под руководством М. Г. Ивановой // Научно-вспомогательный фонд БУК ИКМЗ УР «Иднакар». Коллекция № НВ 183/1-236.

ЛИТЕРАТУРА

Акимова М. С., 1968. Антропология древнего населения Приуралья. М.: Наука. 118 с.

Акимова М. С., 1973. Антропологические материалы из Танкеевского могильника // Вопросы антропологии. Вып. 45. С. 15–29.

Архипов Г. А., 1973. Марийцы IX–X вв. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство. 200 с.

Белавин А. М., Крыласова Н. Б., 2012. Огурдинский могильник. Пермь: Изд-во Перм. Гос. пед. Ун-та. 259 с.

Валиуллина С. И., 2004. Изделия из цветного металла Балынгузского (Торецкого) III селитища // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений. Казань. С. 32–36.

Газимзянов И. Р., 2018. Антропология Танкеевского могильника: краниологический анализ старых и новых материалов // Поволжская археология. № 1. С. 294–320.

Генинг В. Ф., 1979. Могильник чепецкой культуры у д. Весьякар // Северные удмурты в начале II тысячелетия н. э. Ижевск: НИИ при СМ УАССР. С. 87–106.

Голдина Р. Д., Ютина Т. К., 2012. О датировке и хронологии погребальных комплексов Агафоновского могильника (IX–XII вв.) // Древности Прикамья эпохи железа: хронологическая атрибуция. Материалы и исследования Камско-Вятской экспедиции. Т. 25. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет». 544 с.

- Голдина Р.Д., 1995. О датировке поломской культуры // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет». С. 16–30.
- Голдина Р.Д., Королева О.П., 1983. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 1983. С. 40–71.
- Голубева Л. А., 1979. Зооморфные украшения финно-угров // САИ. М. Вып. ЕI–59. 112 с.
- Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г., 2000. Латуни средневекового Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. С. 99–111.
- Ефимова С. Г., 2000. Краинология финно-угорских народов Поволжья и Приуралья: территориальная изменчивость и ретроспективный анализ // Вопросы антропологии. Вып. 90. С. 127–140.
- Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г., 2011. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI–XIII в. М.: Индрик. 404 с.
- Иванов А. Г., 1991. Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. С.140–180.
- Иванов А. Г., 1995. Средневековые памятники окрестностей Иднакара // Материалы исследований городища Иднакар IX – XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. С. 106–130.
- Иванов А. Г., 1998. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 309 с.
- Иванов А. Г., Иванова М. Г., Останина Т. И., Шутова Н. И., 2004. Археологическая карта северных районов Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 276 с.
- Иванова М. Г. 1987. Новые исследования на Солдырском могильнике Чемшай // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск: НИИ при СМ УАССР. С. 4–24.
- Иванова М. Г., 1991. Погребальный обряд северных удмуртов XI–XIII вв. // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. С. 35–55.
- Иванова М. Г., 1992. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 184 с.
- Иванова М. Г., 1995. Городище Иднакар IX–XIII вв. Материалы исследований территории между валами (1989–1992) // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. С. 4–55.
- Иванова М. Г., 1998. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 294 с.
- Иванова М. Г., 2002. Солдырский III могильник (Иднакарский): предварительные итоги исследований 2000–2001 г. // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы вторых Халиковских чтений. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002. С. 156–161.
- Иванова М. Г., Клишев В. И., 2001. Солдырский III могильник (Иднакарский): предварительное сообщение // Материалы XXXIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика». С. 79–80.
- Иванова М. Г., Степанова Г. А., 2004. Вещевой материал городища Иднакар в контексте исследованного пространства (по материалам раскопок 1999 г.) // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Удмуртской археологической экспедиции и 80-летию со дня рождения В. Ф. Генинга. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. С. 238–263.
- Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие, копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. // САИ. Вып. ЕI–36. М., Л. 147 с.
- Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М.: Наука. С. 156–177.
- Крыласова Н. Б., 2018. К развитию концепции А. М. Белавина о товарном производстве меди и сплавов на ее основе в средневековом Пермском Предуралье // Труды КАЭЭ ПГГПУ. Вып. XIV. Пермь. С. 54–69.

- Крыласова Н. Б.*, 2001. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ. 220 с.
- Крыласова Н. Б., Лычагина Е. Л., Белавин А. М., Скорнякова С. В.*, 2014. Археологические памятники Чашкинского озера. Пермь: Книжный формат. 565 с.
- Львова З. А.*, 1973. Бусы I Поломского могильника // АСГЭ. Вып. 15. Л.: Изд-во ГЭ. С. 83–104.
- Макаров Н. А.*, 1990. Население русского Севера в XI–XIII вв.: по материалам могильников восточного Прионежья. М.: Наука. 216 с.
- Макаров Н. А.*, 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М: Наука. 368 с.
- Медведев А. Ф.*, 1966. Ручное метательное оружие VIII–XIV вв. // САИ. Вып. У1-36. М.: Наука. 184 с.
- Никитина Т. Б.*, 1990. Инвентарь могильника «Нижняя Стрелка» // Древности Поветлужья / АЭМК. Вып. 17. Йошкар-Ола, 1990. С.81–118.
- Никитина Т. Б.*, 1990. Инвентарь могильника «Нижняя Стрелка» // Древности Поветлужья / АЭМК. Вып. 17. Йошкар-Ола, 1990. С.81–118.
- Никитина Т. Б.*, 2012. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского между-речья. Серия «Археология Евразийских степей». Вып. 14. Казань: Институт истории АН РТ, МарНИИЯЛИ. 408 с.
- Первухин Н. Г.*, 1896. Опыт археологического исследования Глазовского уезда Вятской губернии (Материалы по археологии восточных губерний России. Т. 2). М.: тип. М. Г. Волчанинова. 261 с.
- Русских Е. Л., Сабирова Т. М.*, 2017. Цветной металл Кушманского городища Учкакар IX–XIII вв.: рентгенофлуоресцентный анализ изделий и литейного оборудования средней и внешней площадок памятника // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 3. Ижевск. С. 90–105.
- Русских Е. Л., Сабирова Т. М.*, 2018. Состав цветного металла городищ чепецкой культуры (Иднакар и Учкакар) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. № 2 (5). Ижевск. С. 94–101.
- Русских Е. Л., Сабирова Т. М.*, 2019. Цветной металл Кушманского комплекса памятников X–XIII вв. по результатам рентгенофлуоресцентного анализа // Вестник УдГУ. Серия история и филология. Т. 29, вып. 1. Ижевск. С. 97–109.
- Рябинин Е. А.* 1981. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. Вып. Е1–60. 124 с.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (Х–ХV вв.). М: Наука. 196 с.
- Семёнов В. А.*, 1985. Омутницкий могильник // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Устинов: НИИ при СМ УАССР. С. 92–118.
- Смирнов А. П.*, 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Поволжья и Прикамья. МИА № 28. М.: Наука. 278 с.
- Спицын А. А.*, 1902. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. Вып. 26. СПб. 109 с.
- Фаттахов Р. М.*, 1980. Краниологическая характеристика материалов из Варнинского могильника // Новый памятник поломской культуры. Ижевск. С. 152–156.
- Хлебникова Т. А.*, 1996. Анализы болгарского цветного металла // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ АН Татарстана. С. 258–279.
- Широбоков И. Г.*, 2010. Краниологическая характеристика средневекового населения Камско-Вятского междууречья (по архивным материалам А. В. Шевченко) // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 году. СПб. С. 167–172.
- Шутова Н. И.*, 1992. Удмурты XVI – первой половины XIX вв. по данным могильников. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН. 264 с.
- Щапова Ю. Л.*, 1972. Стекло Киевской Руси. Изд-во Моск. ун-та. 215 с.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АН РТ – Академия наук Республики Татарстан

АН СССР – Академия наук СССР

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

АЭМК – Археология и этнография Марийского края

БУК ИКМЗ УР «Иднакар» – Бюджетное учреждение культуры Историко-культурный музей-заповедник Удмуртской Республики «Иднакар»

ГЭ – Государственный Эрмитаж

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МАР – Материалы по археологии России

МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НА – Научный архив

НОИВК – Научное общество изучения Вотского края

НИИ при СМ УАССР – Научно-исследовательский институт при Совете Министров Удмуртской АССР

ПГПУ – Пермский государственный педагогический университет

РА – Российская археология

РФ – Рукописный фонд

САИ – Свод археологических источников

УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН

УдНИИ ИЭЛЯ при СМ УАССР – Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров Удмуртской АССР

SUMMARY

The Soldirsky-2 (Idnakarsky-1) burial ground is situated near the village of Soldir in Glazovsky district of the Udmurt Republic. It is located on the high bank of the Pyzep River, a right tributary of the Cheptsa River (a major left tributary of the Vyatka River, which flows into the Kama River). The burial ground is situated 250 m north-east of the outer line of fortifications in the ancient settlement Idnakar.

The archaeological burial ground was discovered by the archaeological team of the Udmurt Institute of History, Language, and Literature in the year 2000. In 2001 and 2002 an area of more than 500 square meters was excavated and 92 burials dated to the 11th and 12th centuries were studied. Most of the cemetery had been destroyed by the river bank failure, but the surviving part has mainly been studied.

The study provides a description of the burials, burial rites, and archaeological finds, it also establishes the chronology of artifacts in the context of the Finno-Ugric Middle Ages. The burial ground is unquestionably a monument of the Cheptsa archaeological culture and it was obviously used by the population of the ancient settlement Idnakar (AD 9th – 13th centuries).

Information about the ethnicity of the monument was confirmed by studies of anthropological material conducted by I. R. Gazimzyanov. He argues that the morphological appearance of the examined samples is identical to the medieval groups of the Kama population, especially to the dolichocephalic population, who used the Kachkashursky, Varninsky and Mydlanshaisky burial grounds in the Cheptsa River basin.

The results of chemical analysis of non-ferrous metal objects performed by T. M. Sabirova and E. L. Russkikh are also of considerable importance. It revealed that studied metallic alloys share similarities with samples found in the ancient settlement Idnakar, and Kuzminsky and Kushmansky-1 burial grounds.

Despite the unsatisfactory preservation of the burials, the study supplements the source base and provides information on characteristic features of funeral rites and the material culture of the population. The results can be used to study certain aspects of the ethnocultural, ethnic and socio-economic processes in the Middle Ages.

Научное издание

**СОЛДЫРСКИЙ III (ИДНАКАРСКИЙ I)
МОГИЛЬНИК XI–XII ВВ.
В БАССЕЙНЕ Р. ЧЕПЦЫ**

Монография

Печатается по решению Ученого совета
Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН

Оригинал-макет Т. М. Сабировой, И. В. Широбоковой
Перевод на английский язык Т. И. Паниной
Дизайн обложки Т. Р. Сабирова, Т. М. Сабировой

Подписано в печать 16.10.2019. Формат 60x84 1/8.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 7,48.

Тираж 300 экз. Заказ № 321.

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН
Удмуртский институт истории, языка и литературы
426004. Ижевск, ул. Ломоносова, 4.
Тел. (3412) 68-52-94 Факс (3412) 68-39-94 <http://udnii.ru>

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Издательство «Шелест»
426060. Ижевск, ул. Энгельса, 164.
+7 (904) 317-76-93 +7 (963) 548-51-43
shelest.izd@yandex.ru malotirazhka@mail.ru

Иванова Маргарита Григорьевна,
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник Удмуртского
института истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского
центра УрО РАН, г. Ижевск

Газимзянов Ильгизар Равильевич,
кандидат исторических наук, г. Казань

Русских Елена Львовна,
младший научный сотрудник Удмуртского института
истории, языка и литературы Удмуртского федерального
исследовательского центра УрО РАН, г. Ижевск;
младший научный сотрудник отдела археологии
БУК УР ИКМЗ «Иднакар», г. Глазов

Сабирова Татьяна Михайловна,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Удмуртского института истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского
центра УрО РАН, г. Ижевск

ISBN 978-5-6042700-6-6

9 785604 270066